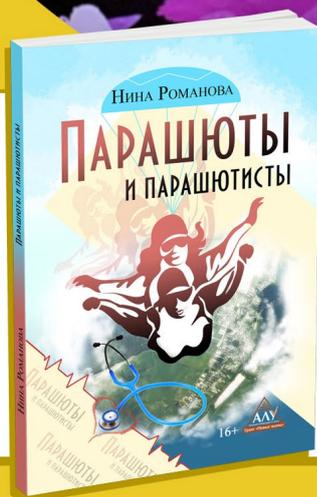

12+

5
2019

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Литературно-художественный журнал

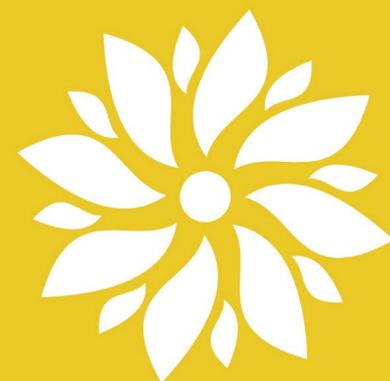
Герой номера Нина Романова

«...Каждое произведение – это как ребёнок: один более успешный, другой менее, каждый со своими трудностями и характером. И работа над ними, как и воспитание детей, процесс всегда новый, совершенно незнакомый».

с.12

Spontaneous Theatre
«Шекспировские страсти» с.22

«Пиллюля» против грусти, или
Как удержать творческое настроение с.24

Редколлегия:

Главный редактор: **Д. А. Суховейко**

Ответственный секретарь: **С. А. Чалый**

Литературный консультант:
член Союза писателей России
И. И. Суховейко (Малкова)

Дизайн обложки и вёрстка: **С. А. Чалый**
Корректор: **Г. В. Донина**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-44356
от 21 марта 2011 г.
Учредитель и издатель:
Индивидуальный предприниматель
Суховейко Денис Александрович
Адрес редакции:
654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.
Адрес издателя:
653033, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44
Для писем:
654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.
Тел: 8-800-301-2620
E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru
vk.com/journal_sp
knigi-market.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства
«Союз писателей»,
Россия, Кемеровская обл.,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.
Подписано в печать 07.06.2019
Журнал вышел в свет 14.06.2019
Формат 60x84/8. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times New Roman».
126 стр. Тираж 3000 экз.
Цена договорная.

Литературно-художественный
журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 5/2019 (101)

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

Из объятий весны во владения лета 3

Литературный календарь

Юбилеи 5

События 9

Конкурсы 10

Герой номера

Персонажи любимых историй.

Есть ли жизнь после финальных строк?

Интервью с Ниной Романовой 12

В фокусе

Дорога писателя из тени

к сердцу читателя 18

Рецензии и критика

Загадки и законы поэзии 20

Гоголевский вестник

Spontaneous Theatre

«Шекспировские страсти» 22

Психология творчества с Ларисой Агафоновой

«Пиллюля» против грусти, или

Как удержать творческое настроение 24

Тема номера

Инна Андрианова

Стихотворения 26

Андрей Ивонин

Стихотворения 27

Валерий Лепов	
<i>Стихотворения</i>	29
Алёна Марковская	
<i>Стихотворения</i>	31
Диана Радес	
<i>Стихотворения</i>	32
Яна Сизко	
<i>Стихотворения</i>	33
Елена Старцева	
<i>Стихотворения</i>	34

Поэзия

Александр Андронов	
<i>Стихотворения</i>	35
Элина Малярова	
<i>Стихотворения</i>	37
Виктория Никитина	
<i>Стихотворения</i>	38
Александр Онищенко	
<i>Стихотворения</i>	39
Лев Пряхин	
<i>Человек состоялся? (Окончание)</i>	40
Макс Шац	
<i>Время. Венок сонетов</i>	51

Проза и публицистика

Лариса Агафонова	
<i>Такая жизнь</i>	55
Владимир Гакштетер	
<i>Минутный беспредел</i>	59
Ольга Митькина	
<i>Слава</i>	65
Мария Нестеренко	
<i>Работа делает свободным</i>	
<i>Главы 8–10</i>	73
Валерия Паркер	
<i>Алла и Полина: История взросления</i>	
<i>(Продолжение)</i>	79
Николай Перевозчиков	
<i>Василий и Аделя</i>	83
Виктор Пучков	
<i>Сани под парусом</i>	88
Нина Романова	
<i>Дежурство</i>	96
Валерий Рубин	
<i>Post Scriptum</i>	101
Александр Силинский	
<i>Возвращение</i>	105

Елена Старцева	
<i>Ангел-спаситель</i>	111

Комната отдыха

Владимир Кречетов	
<i>Монолог у телевизора</i>	113
<i>В начале было слово</i>	114
Владимир Соколов	
<i>Трава государственная</i>	115
Елена Чурсинова	
<i>Сладкий переполох</i>	121

Цветные зонтики

Светлана Карипова	
<i>Стихотворения</i>	123
Наталья Шарапова	
<i>Стихотворения</i>	124

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
Литературно-художественный журнал

8-9/2018

**Герой номера
Ирина Егорова**
«Мне интересно играть очень разные, контрастные образы, в которых есть развитие, переломные события, и запинающийся».

Словосочетания мировой литературы на русском языке:
«Важные иностранные книги образуют вторую жизнь» с.18

Поэзия, к которой хочется возвращаться.
Слова, которые хочется верить» с.24

Повесть о Марате Гаритове:
«Быть сильным, даже если слаб...» с.39

Присоединяйтесь к нам в соцсетях

Из объятий весны во владения лета

Просыпайтесь! Выгляните в окошко! Насладитесь прикосновением тёплых солнечных лучей к коже. Послушайте шёпот трав. Вдохните полной грудью аромат цветов. Наступает пора предвкушений и надежд, приключений и открытий, радостей и новых начинаний. Кажется, сама природа приглашает в чудесный мир сказки наяву, который радуется яркими оттенками и манит горячими обещаниями. Чтобы сделать ощущения острее, а каждый миг наполнить свежими мыслями и идеями, нет лучше способа, чем обратиться к литературе. Новости из вселенной книг и увлекательные произведения современников можно найти на страницах журнала «Союз писателей».

В этом номере мы прощаемся с весной и смело вступаем на загадочные дороги лета. «Литературный календарь» даст исчерпывающую информацию о важных датах, интересных событиях, а также актуальных конкурсах и премиях, которые только и ждут своих участников.

Героем месяца стала **Нина Романова**. Перу автора принадлежат книги «Узистка», «Терапевт», «Парашюты и парашютисты» и «Главный врач», вошедшие в цикл «Повести в белых халатах», а также медицинский детектив «Жизнь по Капельке». В интервью писательница рассказывает, «есть ли жизнь после финальных строк» для её персонажей, и делится с начинающими авторами опытом, который она обрела на перекрёстках литературного мира.

Тема номера носит название «**Объятия весны**». Почему о весне мы говорим в июне? Всё очень просто! Именно в первый

летний месяц происходит настоящий расцвет природы. Это уже не лёгкое, едва различимое дыхание, которое почти неуловимо касается сердца. Это страстные объятия, охватывающие душу целиком, без остатка. Это море цвета и света, в которое погружаешься, как в волшебный калейдоскоп, чтобы раствориться в нём без остатка на ближайшие три месяца. Свои стихи, посвящённые весне – не только как сезону,

но как тому чудесному ощущению в душе, – представляют поэты Инна Андрианова, Андрей Ивонин, Валерий Лепов, Алёна Марковская, Елена Старцева, Яна Сизко и Диана Радес.

Какие ещё приятности подготовил новый «Союз писателей»? «**В фокусе**» у нас оказалась история Эллы Залужной, автора, подарившего миру сборник рассказов «Точка НЕвозврата» и роман «Моя скрипачка». Из статьи, посвящённой Элле, мы узнаем о тернистой «дороге писателя из тени к сердцу читателя».

В рубрике «**Рецензии и критика**» филолог Наталья Кондратенко представляет вниманию читателей обзор уникального издания под названием «Справочник поэта». Эта книга, увидевшая свет совсем недавно, являет собой кладёз полезных лайфхаков для тех, кто всегда готов учиться, стремится отточить своё поэтическое мастерство и достичь новых высот в творчестве. Составителем издания выступила поэт, журналист и издатель, член Союза писателей России Ирина Малкова.

«**Гоголевский вестник**» возвратит нас в недалёкое прошлое и поможет вспомнить яркие моменты «Библионочи-2019».

О том, какая программа ждала посетителей новокузнецкой ЦГБ имени Н. В. Гоголя в единственную ночь в году, когда двери библиотек остаются открытыми, подробно говорится в статье «Spontaneous Theatre “Шекспировские страсти”».

А раздел **«Психология творчества»** позволит писателям разобраться в себе и даже предотвратить творческий кризис. Автор книг «Надо только выучиться ждать», «Счастливой быть не запретишь» и «Кладовая женских тайн», а также психолог с многолетним опытом Лариса Агафонова подготовила полезную с практической точки зрения статью «“Пилюля” против грусти, или Как удержать творческое настроение», которая поможет поэтам и прозаикам найти свою Музу и сделать встречи с ней как можно более регулярными.

На страницах весенне-летнего номера «СП» талантливые авторы-современники делятся своими последними творениями. Каждое из них представляет интерес, воодушевляет, позволяет испытать мириа-

ды эмоций. Читателя ждёт приятное знакомство со стихотворениями Александра Андропова, Элины Маляровой, Виктории Никитиной, Александра Онищенко, Льва Пряхина и Макса Шаца, а также с прозой Ларисы Агафоновой, Владимира Гакштетера, Ольги Митькиной, Марии Нестеренко, Валерии Паркер, Николая Перевозчикова, Виктора Пучкова, Нины Романовой, Валерия Рубина, Александра Силинского и Елены Старцевой.

Узнав столько нового и интересного, утомившись от летнего зноя и приключений, самое время заглянуть в **«Комнату отдыха»**. Там, в уютной атмосфере, уже ждут освежающие истории от Владимира Кречетова, Владимира Соколова и Елены Чурсиновой. Венчают журнал **«Цветные зонтики»** с добрыми и светлыми стихотворениями для детей от Светланы Кариповой и Натальи Шараповой.

«Лето – это маленькая жизнь». Дышите полной грудью, мечтайте и погружайтесь в мир литературы вместе с нами.

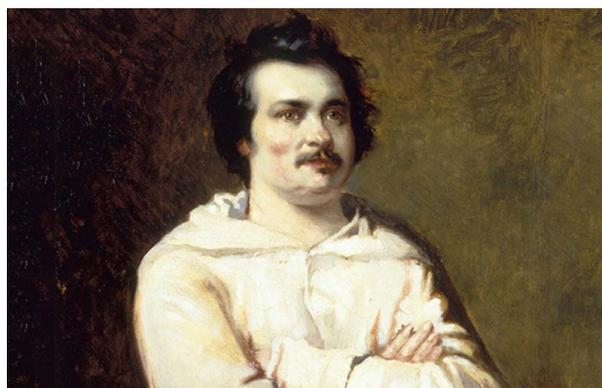
Приглашаем на сайт журнала
journalsp.ru

График выхода • Читательская и авторская подписка • Приём рукописей
Каталог выпущенных номеров • Поиск публикаций

Литературный календарь

Юбилей

17 мая – 125 лет назад родился латышский поэт и публицист **Янис Судрабкалнс** (1894–1975). Перу автора принадлежат сборники стихотворений «Крылатая армада», «Трубадур на осле», «Фонарь на ветру», «Ясень за окном», «Мечтателям». Первый из них увидел свет в 1920 году, последний – в 1974-м. Кроме того, Янис писал миниатюры, впоследствии вылившиеся в книги «Ласточки возвращаются» и «Весенние раздумья». Среди публицистических работ Судрабкалнса можно выделить «Знамена перекликаются» (1950).

20 мая – 220 лет назад в Туре родился французский писатель **Оноре де Бальзак** (1799–1850). Его принято считать одним из основоположников реализма. Многие классики западной и русской литературы писали свои творения под воздействием творчества Бальзака. В частности, его влияние прослеживается в романах Достоевского, Диккенса, Золя и многих других авторов. Славу Бальзаку принесла серия историй, включённых в цикл «Человеческая комедия». Все их сюжеты развиваются в светском обществе Парижа или рядом с салонами могущественных людей. Именно героини этих книг стали родоначальницами известного всем термина «бальзаков-

ские женщины». Хотя справедливости ради нужно признать, что в современной интерпретации речь идёт совсем о другой группе дам: будучи типичным представителем своей эпохи, женщинами не первой молодости писатель называл дам двадцати шести – тридцати шести лет (иногда до сорока), в то время как сейчас мы в повседневном обиходе применяем этот термин к сорока пяти или пятидесятилетним леди.

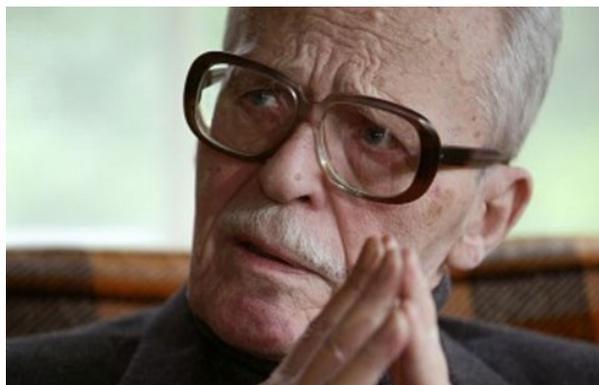
Сам Оноре не принадлежал к высшему обществу по рождению. Его отец, человек по фамилии Бальса, был простым крестьянином, которому удалось сколотить состояние на перепродаже конфискованных дворянских земель в революционные годы. Позже он занял пост мэра Тура и сменил фамилию на Бальзак. Мать Оноре была дочерью торговца. Родители не имели ни времени, ни желания заниматься ребёнком, но надеялись, что он станет уважаемым человеком. Они предполагали, что их сын будет работать адвокатом.

Оноре де Бальзак учился в Вандомском колледже, где находился в полной изоляции от семьи и нередко проводил время в карцере за неповиновение, так как не желал мириться со школьными правилами. В четырнадцать лет юношу настигла тяжёлая болезнь. Эскулапы давали неутешительные прогнозы, и родители были вынуждены забрать Оноре домой. Там он провёл пять лет, борясь со смертью. Но когда семья переехала в Париж, юнец пошёл на поправку.

Позже Бальзак продолжил образование, поступив в Парижскую школу права. Он устроился работать писцом к нотариусу, но очень быстро понял, что сухой слог закона не для него. Молодой человек тяготел к литературе, которой начал заниматься ещё

на студенческой скамье. Он писал стихи и пьесы, создал довольно серьёзный труд, названный «Трактатом о воле», который был отобран учителем и уничтожен.

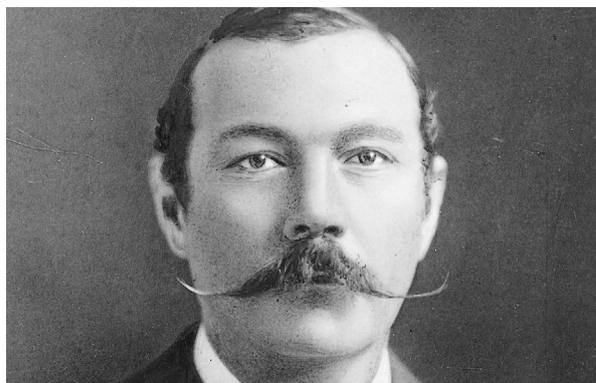
В 1823 году были напечатаны первые романы Бальзака. Однако спустя годы эти книги писатель оценит очень низко и даже назовёт «литературным свинством». Дело в том, что в молодости он жаждал славы и признания, а потому писал не о том, к чему стремилось сердце и что подсказывал рассудок, а полагаясь на требования моды. Жанр тех произведений можно описать как «неистовый романтизм». Первая книга, на которой автор поставил фамилию Бальзак, называлась «Шуаны». Она была издана в 1829 году, а писал её автор под впечатлением от романов Вальтера Скотта.

21 мая – 95 лет назад в Смоленске родился русский писатель **Борис Львович Васильев** (1924–2013). Он является создателем культовых произведений на тему Великой Отечественной войны, среди которых «А зори здесь тихие», «В списках не значился», «Не стреляйте белых лебедей» Борис Васильев – лауреат Государственной премии СССР 1975 года.

22 мая – 160 лет назад в Эдинбурге родился английский писатель **Артур Конан Дойл** (1859–1930). Автор работал во многих жанрах: детективном, юмористическом, историческом, приключенческом, публицистическом. Именно Конан Дойл подарил миру Шерлока Холмса и познакомил поколения читателей с его верным товарищем доктором Ватсоном. «Приключения Шерлока Холмса» стали бессмертной

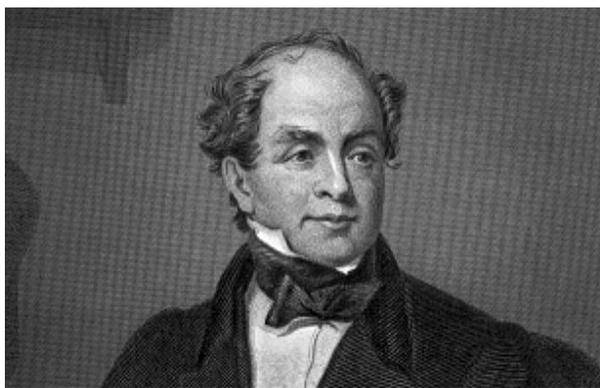
классикой, впрочем, не обходят вниманием и творения писателя вне цикла о легендарном сыщике.

Родители Артура Конана Дойла были ирландскими католиками. Среди членов семьи мальчика числилось множество выдающихся деятелей искусства. В частности, имя Конан он получил в честь дяди, Майкла Эдварда Конана. Тот был художником и литератором. Отец Артура был архитектором и художником, а мать обожала книги и имела талант рассказывать истории, который передался сыну. Несмотря на творческую жилку (или, может быть, именно из-за неё), Дойлы бедствовали. Глава семьи был алкоголиком и имел проблемы с психикой, что сказывалось и на благосостоянии, и на жизни в целом. Артур получал образование в подготовительной школе Годдера, но когда ему исполнилось девять, богатые родственники предложили свою помощь и перевели его в закрытый колледж Стонихерст. Это были очень непростые для юноши годы. Учёба давалась с трудом из-за частых наказаний. Ненависть к религиозным и классовым предрассудкам, воспитанную от противного, он пронёс через всю свою жизнь, как и полное неприятие к физическим наказаниям. Однако были и приятные моменты. Конан много писал матери, рассказывая о себе и своих увлечениях. Он играл в крикет и любил собирать аудиторию, которой можно было рассказать интересные истории. Иногда молодой человек придумывал их прямо на ходу. А вот математика ему не давалась, в отличие от его недругов – братьев Мориарти (знакомая фамилия, не правда

ли?). До наших дней дошло почти полторы тысячи писем, по которым можно сделать немало выводов о характере, личности и жизни писателя в ранние годы.

Закончив колледж, Конан Дойл был вынужден заняться бумагами отца, которого в это время отправили в психиатрическую клинику. Хотя от мальчика все ждали творческих успехов, он решил связать своё будущее с ремеслом более практичным и начал учиться на врача. Но отказаться от созидания полностью он всё-таки не смог. Уже на третьем курсе автор написал свой первый рассказ, вдохновлённый Эдгаром Аланом По и Бретом Гартом. Он назывался «Тайна долины Сэссаса». Произведение напечатали в университетском журнале, а чуть позже там же был издан второй рассказ – «Американская история».

24 мая – 65 лет назад в Приморском крае родился русский поэт **Алексей Максимович Парщиков** (1954–2009). Считается одним из главных представителей метареализма 1980-х годов. Лауреат премии Андрея Белого и премии Московского Биеннале поэтов в номинации «Литературная легенда». Среди известных сборников автора: «Выбранное», «Соприкосновение пауз», «Ангары».

28 мая – 240 лет назад родился ирландский поэт, песенник и автор баллад **Томас Мур** (1779–1852), один из основных представителей ирландского романтизма. Наиболее известные книги автора – «Последняя роза лета» и «Ирландские мелодии».

29 мая – 145 лет назад в Лондоне родился писатель и журналист Гилберт Кит Честер-

тон (1874–1936), автор романов «Человек, который был Четвергом», «Шар и Крест», «Перелётный кабак». Самые узнаваемые персонажи Честертона – Хорн Фишер и отец Браун, фигурирующие в большом количестве новелл писателя.

31 мая – 200 лет назад родился американский поэт и публицист **Уолт Уитмен** (1819–1892). В творческом наследии автора есть такие книги как «Листья травы», «Барабанный бой», «Демократические дали».

120 лет назад в Москве родился русский советский писатель и драматург **Леонид Максимович Леонов** (1899–1994), автор таких произведений как «Евгения Ивановна», «Барсуки», «Волк», «Русский лес». Леонова называют мастером социалистического реализма и продолжателем литературных традиций Достоевского.

1 июня – 130 лет назад во Флитвуде родился английский писатель, лингвист, философ **Чарльз Кай Огден** (1889–1957). Является создателем упрощённого английского языка Basic English.

2 июня – 115 лет назад в Одессе родился советский писатель, переводчик **Николай Корнеевич Чуковский** (1904–1965), первый сын Корнея Ивановича Чуковского. Творческий путь начал как поэт, о стихах Николая Чуковского хорошо отзывались Н. Гумилёв, В. Ходасевич, М. Горький. Выпустив сборник стихов «Сквозь дикий рай», стал больше внимания уделять поэтическим переводам. С конца 1950-х годов занимался написанием мемуаров.

5 июня – 80 лет назад в городе Шеффилде, расположенном в графстве Йоркшир,

родилась английская писательница **Маргарет Дрэббл** (1939). Имя автора прославили произведения «Вольер для птиц», «Один летний сезон», «Мой золотой Иерусалим»

70 лет назад в Кардиффе (Уэльс) родился английский писатель **Кен Фоллетт** (1949), автор триллеров и исторических романов. На его счету множество книг, среди которых «Ключ к Ребекке», «На орлиных крыльях», «Лёжа со львами», «Молот Эдема», «Обратный отсчёт».

6 июня – 220 лет назад в Москве родился русский поэт **Александр Сергеевич Пушкин** (1799–1837). С творчеством этого писателя каждый человек знаком со школы. Многие фразы из его произведений стали крылатыми и ежедневно произносятся в повседневной речи. Трудно выделить лучшие из лучших творений Пушкина. Однако стоит упомянуть такие шедевры как «Дубровский», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Руслан и Людмила».

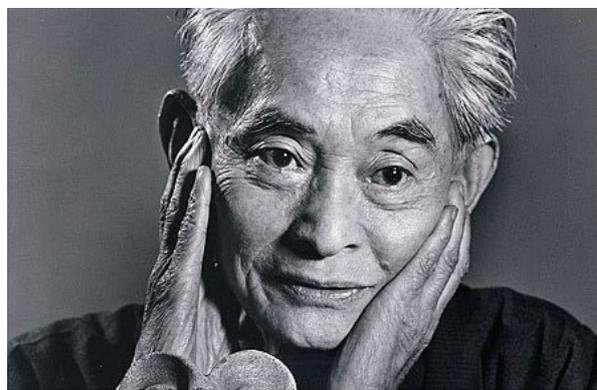
90 лет назад в Ленинграде родился русский писатель и киносценарист **Виктор Викторovich Конецкий** (1929–2002). Награждён орденами «Трудового Красного Знамени» и «За заслуги перед Отечеством» IV степени, а также двумя орденами «Знак Почёта». Соавтор сценариев к таким известным фильмам как «Полосатый рейс» (1961), «Путь к причалу» (1962), «Тридцать три» (1965).

7 июня – 225 лет назад в Москве родился русский религиозный философ, писатель, общественный деятель и публицист **Пётр Яковлевич Чаадаев** (1794–1856), прославившийся своими «Философическими

письмами». За нестандартные и противоречащие догматам времени сочинения был объявлен правительством сумасшедшим.

120 лет назад в Ростове родился русский советский поэт, писатель и переводчик **Николай Николаевич Ушаков** (1899–1973). Написал произведения в прозе «Ярославский вокзал», «Повесть быстротекущих лет», «Вдоль горячего асфальта». Стихотворения автора составляют многочисленные поэтические сборники. «Календарь», «Северное сияние», «Вершины перед нами», «Мои глаза» – лишь малая их часть. Есть в творческой копилке автора и критические работы.

105 лет назад в Панипате родился индийский писатель, сценарист, режиссёр и продюсер **Ходжа Ахмад Аббас** (1914–1987). Создал популярные фильмы Болливуда «Семь индийцев» и «Тысяча ночей на ложе из камня». Автор большого числа книг, к примеру: «Завтра принадлежит нам. Роман о современной Индии», «Чёрное солнце и другие истории».

11 июня – 120 лет назад в Осаке родился японский писатель **Ясунари Кавабата** (1899–1972), автор произведений «Снежная гора», «Тысячекрылый журавль», «Стон горы», «Старая столица». Является лауреатом Нобелевской премии в области литературы 1968 года.

105 лет назад во Владикавказе родился русский писатель **Юрий Вячеславович Сотник** (1914–1997). Прославился как автор рассказов и повестей для детей и подростков. Своё первое произведение Ю. Сотник написал в четвёртом классе и с тех пор меч-

тал стать писателем. Среди наиболее известных книг – «Как я был самостоятельным», «Вовка Грушин и другие», «Один дома».

13 июня – 40 лет исполняется русскому писателю-фантасту **Юрию Александровичу Погуляй** (1979). Среди известных работ автора можно выделить романы «Коман-

да», «Чёрный корабль», «Братство чародеёв», «Мечь Ледовой Гончей».

15 июня – 80 лет исполняется русскому писателю, драматургу, переводчику **Анатолию Андреевичу Киму** (1939), автору произведений «Белка», «Отец-лес», «Голубой остров».

СОБЫТИЯ

16 мая – День биографов. Дата профессионального праздника приурочена к событию, которое состоялось 16 мая 1763 года. Именно тогда филолог, критик и поэт Сэмюэл Джонсон встретил мемуариста Джеймса Босуэлла. В результате была написана одна из самых видных биографий в истории – «Жизнь Сэмюэла Джонсона».

95 лет назад (1924) вышел первый номер журнала «Мурзилка». Со дня основания выпуск журнала, адресованного детям от 6 до 12 лет, ни разу не прерывался. В разные годы с изданием сотрудничали Агния Барто, Корней Чуковский, Самуил Маршак, Михаил Пришвин, Константин Паустовский, Юрий Коринец, а в настоящее время на его страницах публикуются произведения и современных детских писателей.

17 мая – День рождения Интернета. В этом году Всемирной сети исполняется 28 лет: именно 17 мая 1991 года был утверждён стандарт WWW.

21 мая – Всемирный день культурного разнообразия во имя диалога и развития. Праздник в 2002 году провозглашён Генеральной Ассамблеей ООН, признавшей необходимость «укрепления потенциала культуры как средства обеспечения процветания, устойчивого развития и глобального мирного сосуществования».

23 мая – 140 лет назад (1879) Иван Тургенев получил звание доктора гражданского права в Оксфордском университете.

24 мая – День славянской письменности и культуры. Праздник приурочен ко дню памяти братьев Кирилла и Мефодия.

25 мая – День филолога, традиционно отмечающийся учителями литературы, русского и иностранного языков, сотрудниками библиотек, исследователями, преподавателями, студентами, аспирантами профильных факультетов высших учебных заведений.

День работников издательств, полиграфии и книгораспространения в Украине. Отмечается ежегодно в последнюю субботу мая.

27 мая – Общероссийский день библиотек. Праздник был официально учреждён в 1995 году. Дата выбрана в честь двухсотлетнего юбилея Императорской публичной библиотеки, которая была открыта в 1795 году.

30 мая – 100 лет назад (1919) Маяковский заключил договор на издание поэмы Велимира Хлебникова с Центральным издательством ВЦИК.

1 июня – День защиты детей. Праздник отмечают во всем мире, начиная с 1950 года. Однако ещё в 1925 году на Всемирной конференции в Женеве был поднят вопрос о ситуации с беспризорниками, сиротами и медицинской помощью детям. Но в то время инициаторы не нашли поддержки. Лишь четверть века спустя проблемами детей занялись всерьёз.

6 июня – День русского языка. Праздник приурочен к дню рождения Александра Сергеевича Пушкина.

14 июня – Международный день блогера. Сравнительно молодой праздник, традиции отмечать который началась в 2004 году.

Конкурсы

Литературный конкурс «Коллекция фантазий»

Актуально до **19 июня**

На конкурс принимаются фантастические рассказы, законченные не ранее 30 мая 2019 года и соответствующие одной из заявленных тем конкурса:

- «Города, существование которых не доказано»;
- «Железный рубль, стакан воды и вселенский пожар»;
- «Звери из тишины и света».

Объём конкурсных работ – от 5000 до 40 000 знаков с пробелами.

Каждый автор может прислать на конкурс любое количество рассказов, как сольных, так и написанных в соавторстве, но участвовать он может только в одном соавторском коллективе.

Победителей ожидают денежные призы: I место – 5000 рублей; II место – 2000 рублей; III место – 1000 рублей.

Десять лучших рассказов будут рассмотрены на предмет публикации редакциями следующих изданий: журнал «Мир фантастики», альманах «Полдень», интернет-журнал «Darker», журнал «Edita».

Подробнее: kolfan.ru/viewtopic.php?f=6&t=4

Международный литературный конкурс «Петроглиф-2019»

Актуально до **20 июня**

Конкурс проводится Автономной некоммерческой организацией поддержки и реализации культурно-образовательных проектов «Петроглиф» при поддержке Союза писателей России и Союза российских писателей. Приглашаются участники в возрасте от 18 лет, пишущие на русском языке, независимо от известности, профессиональной подготовки, членства в творческих союзах, места жительства.

Номинации конкурса:

- «Поэзия»;
- «Реалистическая проза» (малая художественная проза);
- «Фантастическая проза» (малая художественная проза).

Объём конкурсных работ: для прозаических произведений – 20 000 знаков с пробелами, в номинации «Поэзия» – не более семи произведений. Произведение на конкурс может представить только его автор или соавтор. Возможно одновременное участие в нескольких номинациях.

Лауреаты Конкурса в номинации «Поэзия», «Реалистическая проза», «Фантастическая проза» награждаются дипломами и памятными подарками. Произведения лауреатов могут быть опубликованы в альманахе «Полдень» (в номинации «Фантастическая проза») и журнале «Север» (в номинациях «Поэзия» и «Реалистическая проза»).

Подробнее: petroglyphcon.ru/konkurs/konkurs-2019

II Всероссийский литературный конкурс «Иван-да-Марья»

Актуально до **25 июня**

Конкурс направлен на духовное просвещение, нравственное и патриотическое воспитание подрастающего поколения, приобщение молодёжи к семейным традиционным ценностям и мировой культуре в целом, выявление и раскрытие молодых талантов, создание среды для творческого общения детей, юношества и взрослых.

Принимаются рассказы и стихотворения на тему «Отчий дом». Конкурсанты оцениваются в двух возрастных категориях: дети (не достигшие 18 лет до 25 июня 2019 года), взрослые (18 лет и старше). Во вторую категорию также входит семейное творчество.

Объём конкурсных работ – без ограничений.

Победители награждаются дипломами, премиями, ценными подарками, а также публикацией в журнале «Иван-да-Марья».

Подробнее: svetoch21.ru/literaturny-konkurs.html

Конкурс короткого рассказа «Сквозь пену дней»

Актуально до **30 июня**

К участию приглашаются все желающие, независимо от возраста и места жительства, с короткими рассказами любого жанра и стиля повествования на тему «Сквозь пену дней...»

«Каждый день полон событий – мелких и судьбоносных, реальных и рождённых фантазией, потешных и печальных, происходящих с нами и поведенных Интернетом или СМИ... События сливаются в единый поток – стремительный, искристый, бурлящий, как вода горных рек. И словно пена у кромки берегов остаются впечатления, воспоминания, артефакты. Чтобы превратиться потом в сюжет очередной занимательной истории – реальной или фантастической, весёлой или грустной, детективной или элегической. И мы рассказываем эти истории друг другу, как рассказывали жившие много лет до нас, и как будут рассказывать те, кто придут после – истории, увиденные сквозь пену дней».

Объём конкурсной работы – от 3000 до 5000 знаков с пробелами.

Победители определяются каждую неделю с 1 апреля по 30 июня. Лучшие рассказы озвучиваются в эфире радио «Гомель Плюс», а их авторы получают электронные дипломы и аудиозаписи со своими произведениями в формате mp3.

Подробнее: radiogomelplus.by/shows/konkurs-korotkogo-rasskaza-skvoz-penu-dney

Конкурс коротких рассказов им. Г. Д. Уэллса

Актуально до **8 июля**

Принимаются ранее не публиковавшиеся короткие рассказы на тему «Время». Язык конкурсных работ – английский. Объём – от 1500 до 5000 слов. К участию приглашаются авторы в возрасте до 21 года.

Победитель будет награждён денежной премией в размере 1000 фунтов стерлингов. Лучшие рассказы войдут в сборник по итогам конкурса.

Подробнее: hgwellscompetition.com/2019/01/30/hg-wells-short-story-competition-2019

Международная литературная премия им. И. Ф. Анненского

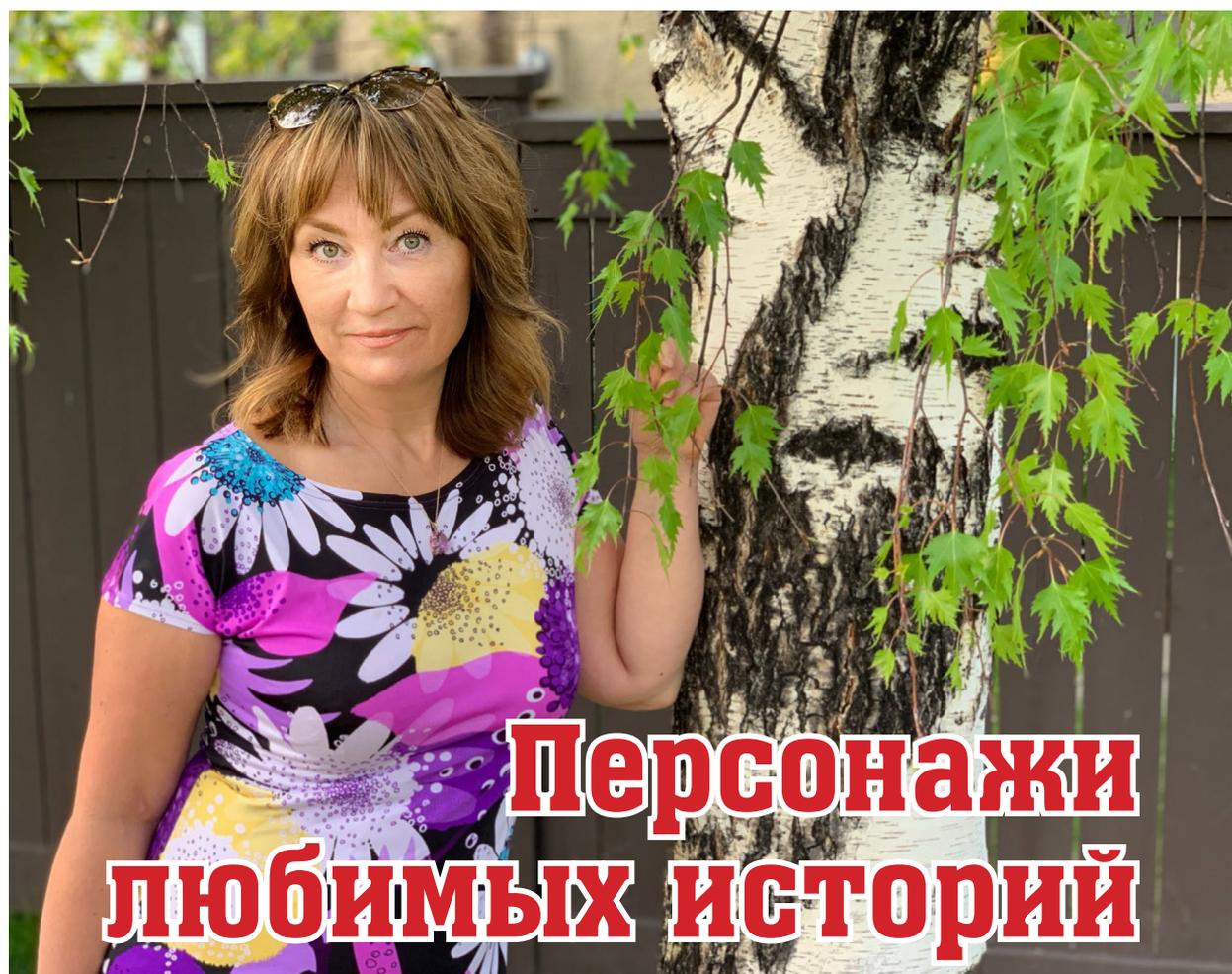
Актуально до **15 июля**

Премия учреждена к 110-летию со дня смерти русского поэта, драматурга и переводчика И. Ф. Анненского. На соискание премии могут претендовать авторы с ранее не публиковавшимися поэтическими и прозаическими произведениями, написанными на русском языке. Произведения, фрагменты которых публиковались в периодических изданиях (но не более 50 % от общего объёма текста), также допускаются к участию. Возрастных ограничений для авторов нет.

Объём конкурсной работы для прозы не ограничивается, для поэзии – до 100 стихотворений.

Призовой фонд премии в размере 75 тыс. руб. может быть разделён между двумя лауреатами. Лучшие работы будут опубликованы в литературных журналах и альманахах («Менестрель», «Тарские ворота», «Иртыш-Омь»).

Подробнее: litinstitut.ru/content/mezhdunarodnaya-literaturnaya-premiya-im-ifannenskogo

Персонажи любимых историй

Есть ли жизнь после финальных строк?

Интервью с Ниной Романовой

Новая книга манит яркой обложкой, будоражит воображение. Поддавшись этому почти магическому притяжению, человек открывает первую страницу, и перед ним возникает портал. Он может вести в иной мир, в иное время, в другую страну или город, в соседний квартал на чей-то огонёк или даже в чужую душу. Сделав шаг и переступив незримую черту, уже невозможно остановиться на полдороге и бросить сюжет на середине, так и не узнав, чем же всё закончится. Но ничуть не менее любопытно открыть для себя, как родилась идея произведения, как задумывались её герои, какая судьба ждёт их после финала истории по мнению самого автора.

Эти и многие другие интересные темы мы затронули в беседе с **Ниной Романовой**, автором бестселлеров «Узистка», «Терапевт», «Парашюты и парашютисты», «Главный врач» и «Жизнь по Капельке».

– **Нина, зачем современный человек берётся за перо и пишет книги?**

– За перо во все времена брались люди, которым было что сказать. Это относится совсем не обязательно к литературе художественной. Мною лично движет желание поделиться своим опытом. Этим продиктованы и мои профессиональные статьи по ультразвуковой диагностике, и художественные произведения, в которых я не только рассказываю о событиях из соб-

ственной жизни, но и затрагиваю волнующие вопросы, на которые я сама ищу ответы. Знаете, как кто-то идёт к психологу и «проговаривает» проблему, так я «проживаю» её в жизни моих героев и решаю: а хотела бы я так? История не терпит сослагательного наклонения, а литература – да. Вот иногда я использую судьбы своих героев в качестве черновика, чтоб сделать свой собственный выбор.

– **Какие задачи Вы ставите перед собой, как перед писателем?**

– Я – писатель непрофессиональный, а потому у меня нет чёткого плана по написанию романа к определённому сроку. Вдохновение же просчитать и распланировать невозможно. Поэтому план всего один – совершенствовать свой слог, а уж выльется ли это в новую повесть, короткий рассказ или интервью – покажет время.

– **Что Вы чувствуете, когда новая история готова? Отличаются ли эти чувства от тех, которые испытываете, когда видите готовую книгу?**

– Окончание истории всегда вызывает двойственное чувство: с одной стороны – это облегчение, удовлетворение результатом, с другой – опустошённость. Как только я ставлю последнюю точку, начинаю звонить подруге и кричать в трубку: «Я больше никогда ничего не напишу!» Эта лёгкая паника продолжается несколько дней, после чего мысли успокаиваются и неведомо откуда начинают появляться новые идеи. И хотя каждая написанная история требует ещё много труда до момента появления её на свет в виде печатного издания, душу греет осознание: «Я сделала это!»

Появление же книги – это всегда волнение: волнение радостное, потому что я держу свою мечту в руках, она сбылась, и в то же время волнение пугающее – а понравится ли книга читателю, поймёт ли он, что я хотела сказать.

– **«Узистка», «Терапевт», «Парашюты и парашютисты», «Главный врач», «Жизнь по Капельке» – какое из произведений для вас стало самым эмоциональным? Почему именно оно?**

– Я уже говорила в одном из интервью, что каждое произведение – это как ребёнок: один более успешный, другой менее, каждый со своими трудностями и характером. И работа над ними, как и воспитание детей, процесс всегда новый, совершенно незнакомый. Когда я писала вторую историю, мне казалось, что я переживаю над ней гораздо больше, чем над первой. Но абсолютно такое же чувство охватывало меня во время работы над третьей. Во время написания последней на сегодняшний день, пятой книги, я была уверена, что эта – самая «выстраданная». Но, оглядываясь назад, я помню написание каждой главы во всех моих повестях, и в каждую я вложила частичку своей души, будь то рассказ о врачебных буднях, о личных переживаниях героев или о прыжках с парашютом. Наверное, в этом и смысл – писать о том, что небезразлично тебе самому, что трогает до глубины души, а потому невозможно этим не поделиться.

– **Доводилось ли Вам читать отзывы о своих книгах? Если да, что из них запомнилось?**

– Ответ на этот вопрос хочу начать с цитаты Ф. Бэкона: «Пусть люди критикуют и порицают нашу книгу, лишь бы они

внимательно и вдумчиво прочли то, что в ней говорится». Мне повезло, отзывов на каждую из книг было много и все положительные. Одна читательница написала, что была разочарована в главной героине, но ведь книга написана не с целью представить идеального героя! Порадовало то, что дочитала она повесть до конца и та затронула её настолько, что захотелось поделиться отзывом, а каждый отзыв – это настоящий подарок для автора!

Всегда очень волнительно узнавать, совпали ли чувства читателей с моими собственными. Самыми любимыми были первые отзывы коллег. Помню, как я пересказывала маме, что одна из врачей ультразвуковой диагностики написала: «Я даже не думала, что настолько узнаваемыми могут быть описанные эпизоды с пациентами, коллегами! “Узистку” сначала читал мой муж (доцент кафедры хирургии), ну что... целый вечер он ходил за мной и читал вслух целые эпизоды...»

Отзывы помогают продолжать писать. Особенно такие: «Удачи Вам, неиссякаемого творчества, ну и, конечно, высокого разрешения и нескончаемой глубины сканирования (так у нас, “узистов” желают успехов)».

– **О какой из историй читатели отзываются наиболее тепло и чем это мотивируют? Согласны ли Вы с их мнением?**

– Отзывы приходят на все книги. Пожалуй, чемпионами всё-таки являются «Парашюты и парашютисты» и «Жизнь по Капельке». Я думаю, личные истории, рассказанные в этих повестях, вызывают такую бурю эмоций, что читателю хочется поделиться этим и с автором, и с теми, кому ещё предстоит прочесть историю.

Книга «Терапевт» находилась в топе продаж в течение целого года, и тираж её был распродан быстрее остальных, но, несмотря на это, отзывов она получила меньше, чем можно было бы ожидать. Как поделилась одна из моих читательниц, после окончания «Терапевта» она пребывала в лёгком шоке и бросилась читать «Главного врача», чтоб из этого состояния выйти. А отзыв уже написала о «Главном...», хотя «Терапевт» остался для неё наиболее волнующей и любимой книгой.

Ещё один отзыв буквально растопил мне сердце. Тоже от коллеги, который прочёл все повести и заметил, что название детектива «Жизнь по Капельке» подошло бы для всей серии, потому как в каждой книге я по капельке раскрываю жизнь – радости, печали, работа, любовь – капля за каплей...

– **Какой урок читатели вынесут из цикла «Повести в белых халатах»?**

– Главные герои – медики, а потому одна из главных идей – показать врачей обычными рядовыми людьми с их собственными проблемами, заботами, чувствами. Показать, что они тоже страдают – и болеют, кстати говоря, – что они не идеальны, но, несмотря на собственные проблемы, вкладывают в свою работу душу. Мне хотелось поделиться взглядом изнутри, показать читателю, что проблемы всегда имеют две стороны и, возможно, кто-то узнал в моих историях себя и задумался о своём отношении к людям в белых халатах.

За более чем 25 лет работы в медицине многое наболело: и почему хорошие врачи получают огромное количество жалоб, и как бюрократия мешает медикам качественно

делать свою работу, и что процесс выздоровления всегда требует совместных усилий, обоюдного доверия и без помощи со стороны пациента даже самый лучший доктор не сможет добиться успеха... Ну и, конечно, все мои повести – это неприкрытое признание в любви моим коллегам – людям в белых халатах, о каждом из которых можно написать повесть. Главные герои всех повестей – мои ровесники, и это неслучайно. Они так же, как и я, выучили другой очень важный урок – вывод, основанный на собственном опыте: жизнь – штука непредсказуемая и в ней не должно быть места отчаянию! Помните, что никогда не поздно начать сначала. Если вас что-то не устраивает – не бойтесь перемен! Ведь назвать жизнь полной можно, лишь наполнив её событиями и эмоциями до самых краёв.

– **А что насчёт детектива «Жизнь по Капельке»: он выделяется и по жанру и по тематике на фоне остальных книг. Его было писать легче или сложнее? Какие подводные камни пришлось обходить?**

– Процесс работы над детективом был сложнее, потому что это была первая повесть в моей жизни, до того я писала в жанре короткого рассказа. Оказалось непросто удерживать в одной руке нити, управляющие сразу несколькими судьбами, сопереживать одновременно нескольким героям, держать в голове их прошлое и планы на будущее и при этом подводить всех к единому финалу, ради которого «все собрались вместе в одной истории». Поэтому и писала я «Жизнь по Капельке» в два этапа – сначала повесть представляла собой чисто детективное произведение и называлась «Медицинский детектив», но возникло несоответствие жанра – преступление раскрывал герой второстепенный. И я развила образ Капитолины, сделав её центральной фигурой и в результате создав одного из моих любимых и самых удачных персонажей. Тогда повесть получила новое название «Жизнь по Капельке» – ведь во многом теперь это была уже история о непростой Судьбе пожилой женщины, которая по капельке отпускала ей и счастье, и беды.

Я сама очень люблю книги детективного жанра, но только без ненужного насилия и кровавых рек, поэтому старалась писать интеллектуальный детектив, где загадка разрешается в процессе умозаключений. Ну и конечно, с удовольствием включила в повесть рассказы об одной из самых загадочных и малоизвестных врачебных специальностей – патологоанатомии. Патологоанатомы на самом деле заслуживают огромного уважения, и надеюсь, мне удалось убедить в этом читателя.

– **Получит ли Ваш цикл продолжение? Какая судьба в будущем может ждать героев, которым в конце «Главного врача» Вы обещали «долго и счастливо»? Есть ли это самое «долго и счастливо» в реальной жизни или это всё из области сказок?**

– Следующая книга серии – «Кардиодрама оптимистки» уже написана и находится в работе у редактора. Я не буду раскрывать секретов сюжета, но в реальной жизни, конечно, есть «долго и счастливо». Мы сами выбираем, что назвать счастьем и как долго пребывать в этом состоянии. Об этом много рассуждает героиня новой повести и, как я надеюсь, довольно

убедительно. Нужно помнить, что быть счастливым – это тяжёлый труд, и если вы согласны трудиться, то ваши старания несомненно окупятся.

– Не было мысли выйти за рамки врачебной тематики в этом цикле и рассказать о персонажах не-врачах, с которыми мы познакомились на страницах? Например, о Костиной? Карасёвой?

– Такая идея была, и я даже сделала попытки ввести новых героев, которых после можно будет «раскрутить». Пока судьба их не «выписалась». Но никогда не говори никогда.

– Есть ли планы продолжить «Жизнь по Капельке»? Возможно ли, что Капитолине понравится проводить расследования, а доктору Азину попадётся новый материал для долгожданной книги?

– У меня столько запросов на продолжение детектива, что придётся, видимо, за него взяться. Думаю подружиться с каким-нибудь криминалистом, чтоб придать остроты и достоверности историям.

– От чего зависит, есть ли у книги продолжение или нет? Как Вы определяете, когда нужно писать дальше, а когда пришла пора поставить точку?

– Каждый раз, когда я заканчивала книгу в серии, я продолжала жить в окружении моих героев: я с ними разговаривала, спорила, обсуждала моих собственных пациентов и то, что происходит на работе. Однажды поймала себя на мысли, что думаю, а как бы поступил в этом случае Тёткин и что бы сказала Кунцева... Мне тогда показалось, что схожу с ума и что мысли мои абсолютно вне реальности. Дописав книгу, я тут же начинала следующую, просто меняла одного главного героя на другого и продолжала историю. Но вот поставлена точка в конце «Кардиодрамы», я закрыла свой лаптоп и отпустила всех героев жить своей жизнью для того, чтобы начать другую историю. Возможно, когда-то я снова вернусь к ним, но это будет не в самом ближайшем будущем.

– Спасибо, Нина, за беседу. Очень интересно узнать, как рождаются сюжеты и герои, и пометать, куда же они придут дальше. Ждём Ваших новых историй и продолжения уже знакомых. Удачи!

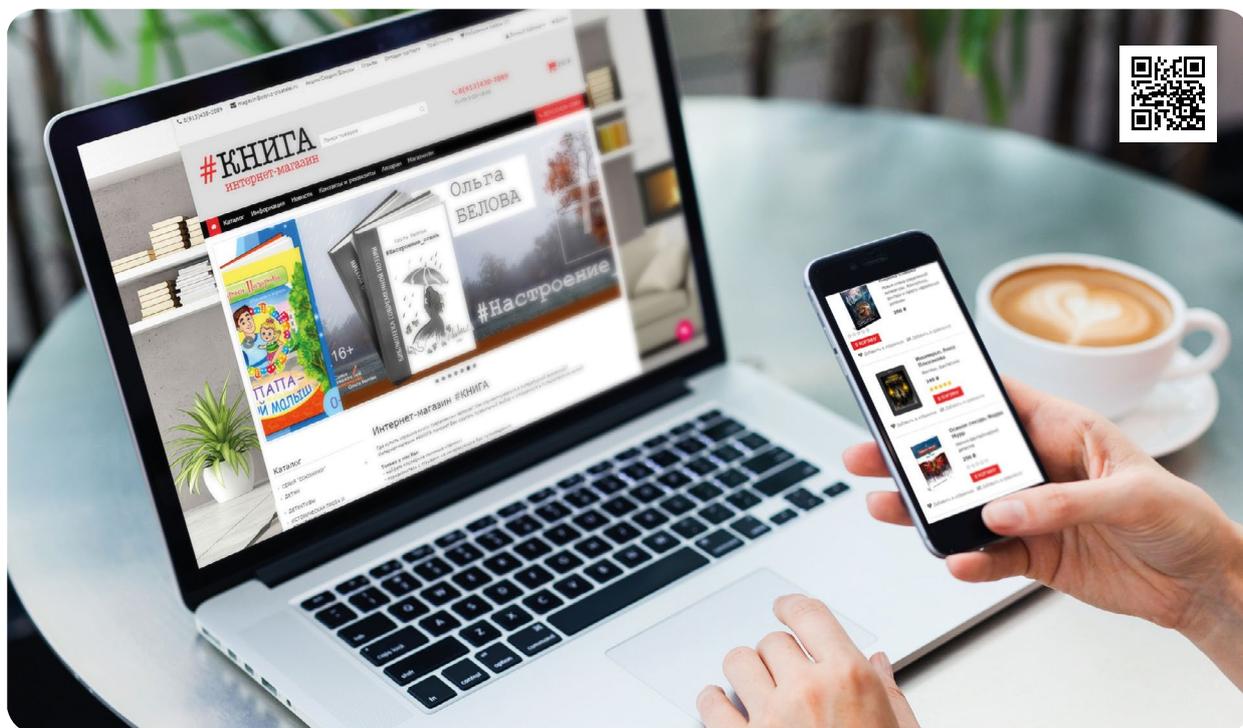
Екатерина Кузнецова, корреспондент
пресс-службы издательства «Союз писателей»

Новинка от издательства «СП»

В контакте с планетой. 2019 Сборник стихотворений и рассказов

Земля... Прекрасная планета со множеством загадок... Чарующие пейзажи, смена времён года, буйство флоры и фауны... В каждом уголке свои особенности, свои красоты, свои настроения. Все они нашли отражение на страницах этого сборника. Авторы из разных регионов представили на суд читателей своё творчество. Пейзажная лирика наших современников завораживает и чарует. И вот уже читатель погружается в жаркую атмосферу лета, кружится вместе с золотыми и багряными листьями в осеннем танце, чувствует, как щиплет кожу зимний мороз, ощущает позитив, обласканный лучами весеннего солнышка. Каждый автор видит мир через призму собственного восприятия и переносит это видение на бумагу. Но каким бы оно ни было, картины, нарисованные ими в рамках этой книги, неизменно поражают яркостью красок.

#КНИГА | Интернет-магазин современной литературы

Дорога писателя из тени к сердцу читателя

«В конце марта у меня вышла книга – моя первая серьёзная работа: психологический роман “Моя скрипачка”. Сначала читатели её приняли холодно, но прошло время, и с каждым днём я получаю всё больше положительных отзывов. <...> Люди пишут, что совершенно не ожидали ничего особенного от книги, на которую натолкнулись случайно в Интернете. Начинали читать, чтобы просто как-то скоротать время, не думая, что их может ожидать что-то большее, чем банальный любовный роман или чей-то приступ графомании. Но в итоге книга затронула, задела за живое, вызвала массу эмоций, заставила задуматься».

С этих слов, принадлежащих **Элле Залужной** – молодому писателю, успевшему заслужить хорошую репутацию подающего надежды и талантливому автору XXI века, хотелось бы начать эту историю. Историю, в которой говорится о непростом, не лишённом сложностей, но многообещающем творческом пути.

Элла Залужная – человек, способный смело смотреть в будущее и не бояться трудной работы. Её не смущают препятствия и отказы. Будучи оптимисткой, она в любой ситуации ищет возможности, а не причины сказать нет. Наверное, именно поэтому ей удаётся преодолевать ступени, которые другим оказываются не по силам.

Начав писать, Элла не сразу решила раскрыться. Лишь осознав, что момент настал и она готова к критике, к конструктивному диалогу, к знакомству с чужим мнением, каким бы оно ни было, писатель сделала шаг, смело выйдя из тени. Начинала своё общение с миром Элла Залужная на просторах Интернета. Она выкладывала свои работы и внимательно читала, что говорят

люди. Очень много положительных отзывов встречали её рассказы и, в конечном итоге, писатель пошла дальше. Она предложила свои творения на суд экспертному жюри, участвовала в конкурсах, номинировалась на премии. Результатом стали публикации в различных коллективных сборниках, альманахах и литературных журналах.

В 2017 году Элла сделала следующий большой шаг. Она прислала сборник своих рассказов «Точка НЕвозврата» в программу «Новые имена современной литературы», открытую издательством «Союз писателей». Рукопись прошла рецензирование и была принята к публикации. Вскоре свет увидела книга, отличающаяся психологиз-

мом и философичностью. На её страницах автор поставила много вопросов, ответы на которые герои ищут вместе с читателем. Острые, актуальные проблемы она рассматривала без страха и попыток замаскировать самое неприятное. Жанры в сборнике были смешаны. Но главным и неизменным оставалось желание докопаться до самой сути любой поднимаемой проблемы. Призыв быть добрее и человечнее, внимательнее и менее равнодушным отчётливо звучал в каждой истории, с каждой страницы.

Этой весной в издательстве «Ridero» Элла Залужная выпустила роман «Моя скрипачка». На протяжении трёх лет шла непростая работа над произведением. Началась она с изучения книг по психологии, музыкальной грамоты и других аспектов, необходимых, чтобы сделать историю достоверной и убедительной. Несмотря на романтическое название и тот факт, что в книге много внимания уделяется любовной теме, произведение рассчитано не на экзальтированную публику, жаждущую развлечений. Это серьёзная драма, в центр которой

поставлен внутренний конфликт личности в период подросткового кризиса. Основным аспектом, который рассматривается в качестве источника проблемы и ключа к её решению, становятся взаимоотношения между родными и друзьями. В рамках романа писатель рассуждает о нежных чувствах, о конфликте поколений, о попытках найти себя и своё место под солнцем, о счастье, одиночестве и ошибках, а также способах их исправить. И снова, как и в первом сборнике, Элла Залужная просит быть добрее, сочувствовать другим людям, обращать внимание на их потребности и желания.

Элла Залужная – человек, который хорошо идёт на контакт. Она всегда готова к общению и обсуждению, что оценили её читатели. Роман никого не оставляет равнодушным, и многие стремятся высказать своё мнение, узнать подробнее о представлениях писателя, её отношении к поднимаемым темам. Каждый читатель, заинтересованный в беседе, находит её. Именно в этой открытости Элла Залужная видит возможности для современного автора, поставленного в условия, когда Сеть наводнена графоманскими эпосами, а издательства не торопятся рисковать и связывать себя обязательствами с молодыми и ещё не раскрученными прозаиками. Каждый сам кузнец своего счастья и несчастья, своего успеха и своей неудачи. Автор романа «Моя скрипачка» на собственном опыте доказала, что, приложив усилия и не запирая сердце на замки, можно установить контакт с широкой аудиторией и помочь издателям в самом сложном – раскрутке нового имени.

«Чтобы что-то получилось, нужно много работать над собой и своими текстами, – убеждена Элла. – Общаться с читателями, жить интересной жизнью, творческой и не только. Поверьте, даже если вас напечатают в крупнейшем российском издательстве, ваша жизнь не изменится в одно мгновение, как по взмаху волшебной палочки. Главное для любого автора – любовь читателей, а её ещё нужно заслужить».

Екатерина Кузнецова, корреспондент
пресс-службы издательства «Союз писателей»

Загадки и законы ПОЭЗИИ

Как узнать, что Вы поэт? А если Вы это поняли, как действовать дальше? Что делать, чтобы усовершенствовать технику поэтического слова и найти своего читателя? Каков механизм творческого озарения? И чем отличается пиррихий от амфибрахия?

Всё, что интересно современным авторам, – в «Справочнике поэта», вышедшем в новокузнецком издательстве «Союз писателей». За названием, звучащим строго и по-деловому, скрывается исключительная по своему воздействию и содержанию подборка статей, важных с точки зрения практики и теории. Поэтическое творчество рассматривается под разными углами зрения, потому книга будет интересна самому широкому кругу читателей, любителям поэзии, авторам, учителям и филологам. А почему бы и нет, если всего на ста двадцати страницах компактно уместилось такое богатое и разностороннее содержание?

Составителем книги выступила **Ирина Малкова**, член Союза писателей России, современный автор. «Это – своеобразный дневник, куда я на протяжении многих лет записывала важные для себя вещи, свои любимые стихи, мысли», – говорит она о «Справочнике поэта».

Книга содержит и образцы поэтического творчества, яркие, «говорящие», иллюстрирующие ту или иную мысль автора-составителя, и теоретические статьи, и поэтический словарь.

Но главной целью его написания, разумеется, являются тайны техники стихосложения. Кто объяснит основы поэтического творчества доступнее, чем успешные и признанные поэты? Поэтому центральное место занимает знаменитое обращение «Как делать стихи?» Владимира Маяковского. Именно «делать»: этот заземлённый глагол, как никакой другой, подходит для процессов, описанных признанным мастером слова, одним из столпов и создателей нового направления искусства, породившего массу подражателей и последователей.

Статья имеет историческое и практическое значение. Можно не быть поклонником творчества поэта, но нельзя не проникнуться его идеями, которые, впрочем, содержатся и в его стихах в короткой и афористичной форме: «Поэзия – та же добыча радия. / В грамм добыча, в год труды». Сколько «руды» приходится перевероршить ради единого слова, Владимир Маяковский показывает на конкретном примере – стихотворении памяти Есенина. И, хотя процесс творчества глубоко индивидуален, чего и не отрицает великий пролетарский поэт, но всё же в нём есть общие, чётко подмеченные мастером законы: в стихах

Маяковского нет лишних, случайно затесавшихся, не несущих никакой художественной и смысловой нагрузки слов. И он шлифует своё произведение, добывает руду до тех пор, пока все строчки и слова не займут своё обоснованное место и не займутся своим непосредственным делом – выражением мысли автора. Но после прочтения статьи, названной подчёркнуто прозаически, вовсе не остаётся впечатления, что поэзия – ремесленничество. Наоборот, вспомнились скульпторы эпохи Возрождения: чтобы получилась статуя, нужно взять кусок мрамора и отсечь от него всё лишнее. Это действительно добыча руды, отсекание нужного от твёрдой, не всегда быстро поддающейся породы, для того чтобы придать ей монолитную форму на века.

Не менее легендарна и речь Александра Блока «О назначении поэта», «произнесённая в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина». Она иллюстрирует другой подход и другой аспект поэтического творчества – поиск гармонии, главного предназначения поэтического творчества, внутренней свободы творца в вечном поединке «поэта и толпы», тот самый «микрокосм», осознание себя в мире, которое и приводит к созданию шедевров. И как заключительный аккорд этой речи – мысль, которую только что, несколькими страницами ранее, развивал другой классик, Владимир Маяковский: чтобы выражать с помощью поэтического слова свои заветные мысли, нужно «уметь это делать».

И здесь на помощь приходит «Азбука стихосложения». Она составлена в доступной, понятной, но при этом исчерпывающей форме, не перегружает читателя литературоведческой информацией, но вооружает его академическим знанием. От самого понятия стихосложения и стиховедения мы идём к различению и видам рифм, узнаём тонкости метрической системы, виды строф, а также находим теоретическую информацию о правильности, ясности, чистоте

и точности поэтической речи. Каждое из определений сопровождается примерами из классики и задействует не только теоретические знания, но и мышление по аналогии.

При том, что книга содержит такие разные по времени создания и направленности статьи, она производит впечатление целостности. Практики и корифеи поэтического творчества на её страницах не противопоставляются теоретикам, а дополняют их и друг друга. Всё сказанное сопровождается попытками исследования «тайной тайны», механизма зарождения поэтической искры, попытки познать непознанное: что такое озарение – инсайт, какова психология художественного творчества в целом и поэзии в частности, и что такое ответственность поэта перед читателем?

А напоследок – прощальная улыбка: «Зачем поэту учиться, если стихи являются во снах?» И снова – никакого противоречия с предыдущим содержанием. Составитель справочника напоминает читателям, что любое творчество, сколько бы ни было в нём мастерства и вдохновения – в первую очередь большой труд. Не нужно бояться добывать руду в надежде извлечь радий, не стоит останавливаться перед тем, чтобы отшлифовать созданное под минутным впечатлением стихотворение – сделать его более ясным, чётким, мастерским. Ибо нет предела совершенству, но есть предел у печатных и электронных страниц. И, закрывая «Справочник поэта», понимаешь, что держал в руках настольную книгу стихотворца, затронувшую практически все грани поэзии. Автор-составитель не «поверил алгеброй гармонию», он объединил их вместе, подтвердив, что одно без другого попросту невозможно. Из многоголосия статей и стихов, из разницы подходов в итоге сложилась целостная и единая картина поэтического творчества – многогранного, трудоёмкого, но такого притягательного, сопровождающего человечество на протяжении многих веков.

Наталья Кондратенко, рецензент, филолог

Spontaneous Theatre «Шекспировские страсти»

Отгремела-отыграла 19 апреля Всероссийская акция «Библионочь-2019» в новокузнецкой Центральной городской библиотеке имени Н. В. Гоголя, оставив, хочется верить, в памяти её участников приятные впечатления.

Одной из самых популярных творческих площадок «Библионочи» стал международный спонтанный театр «Шекспировские страсти». И страсти эти, поверьте, бушевали! Постановка отрывка бессмертной трагедийной пьесы У. Шекспира «Отелло» в жанре action в новом комедийном формате имела несомненный успех.

Чтобы погрузить зрителей в атмосферу далёкого времени, в котором жил великий национальный поэт Англии и один из лучших драматургов мира, в сопровождении клавесинной музыки М. Таривердиева был исполнен необычайно чувственный сонет 141 («Мои глаза в тебя не влюблены...») на языке оригинала, а затем и в переводе С. Маршак.

А чуть позже, после приветствия участников акции, зрители услышали ещё одно стихотворение – поэтический труд В. Христенко, нашего современника. Поэт поведал миру житейско-бытовую историю о том, как актёры театра, исполняющие роли Отелло и Дездемоны, являясь в реальной жизни супружеской парой, встретились на сцене после того, как муж (Отелло) не ночевал дома. Реакция обманутой супруги (Дездемоны) была закономерно однозначной:

*...И Дездемона, изловчась руками,
Отелло задушила под конец!*

Именно эта тривиальная история по замыслу организаторов легла в основу поста-

новки отрывка трагедийной пьесы «Отелло» спонтанного театра «Шекспировские страсти». Текст пьесы оставался прежним, а вот эмоции и интонации актёров были далеки от привычного классического исполнения. Неистовство Дездемоны превзошло все ожидания, но об этом позже.

Специально подготовленные Дездемоны (некогда молодые, впечатлительные сотрудницы библиотеки, облачённые, по их мнению, в дездемонские наряды), томилась в ожидании своих Отелло, согласных на скорую расправу с ними за недостойное мужское поведение.

Состав венецианских мавров впечатлял не меньше: четверо экзотически очаровательных темнокожих гостей из Западной Африки в любой момент были готовы сы-

грать с новоиспеченными Дездемонами отрывок знаменитой пьесы на русском языке; неизменный друг Гоголевки А. А. Волобуев с нетерпением ждал своего часа, органично вписываясь в импровизированное театральное пространство; участник театра миниатюр «Дездемона» (представьте себе!) С. Рогачев без колебаний согласился «принять смерть» от рук ревнивой женщины.

В самом центре Малой гостиной разместилось супружеское ложе – роковое место, на котором и наступала зловещая развязка, апогей шекспировской драмы.

Актёром театра мог стать любой участник площадки. Без проб и кастинга.

Так оно и случилось. Более активными оказались представительницы слабого пола. Совсем юные, зрелые и даже пожилые Дездемоны были восхитительны в своих актёрских проявлениях! Они вдохновенно лицедействовали, пробуждая живые эмоции и аплодисменты зала. Ещё более вдохновенно они душили неверных Отелло, вкладывая в этот процесс всю мощь оскорблённого женского достоинства, бунтующего на протяжении многих веков и отчаянно рвущегося наружу. Превалирующее большинство новокузнецких Дездемон продемонстрировало свои актёрские способности в партнёрстве с гостями нашей страны – жителями далёкой и жаркой Гвинеи. И это понятно: внешнее сходство молодых людей с центральным персонажем трагедии усиливало погружённость в мир героев пьесы. Древняя шекспировская история становилась более зримой, осязаемой, ощутимой.

Самые смелые новокузнецкие мужчины проявили свои способности в творческом альянсе с Дездемонами из зала и Дездемонами-библиотекарями, сиюминутно готовыми подыграть талантливым землякам. Извиняющиеся и испуганные гневом женщин Отелло, так очевидно противоположные своему литературному предшественнику (отважный воин, непобедимый генерал), производили неизгладимое впечатление на публику. С лёгкостью профессиональных

актёров после финальной сцены удушения они срывали крики «Браво!» и овации отомщённых женщин. Справедливость торжествовала! Ни одна Дездемона не пострадала от рук Отелло.

Лучших актёров спонтанного театра «Шекспировские страсти» определяли зрители. Шесть талантливых счастливицов стали обладателями пригласительных билетов на премьерный показ спектакля «Пантера» в постановке Московского современного художественного театра.

Безусловно ярким заключительным моментом встречи стал всеобщий танец гостей площадки под песню Шакиры «Lucky». «Разогревали» публику, конечно же, гвинейцы, поразительно тонко чувствующие музыку телом. То-то было весело!

Мы выражаем признательность и благодарность всем участникам спонтанного театра «Шекспировские страсти». Всё, что мы делаем, мы делаем для вас. До новых добрых встреч!

Ж. П. Крупенникова

Фото: Е. Кузакова

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с Ларисой Агафоновой

«Пилюля» против грусти, или Как удержать творческое настроение

Мы очень сильно зависим от того, с какой ноги встали, разве нет?

А если не с той? А если за окном слякоть и хмурое небо вместо весеннего солнышка, такой долгожданной зелени и первых робких цветов? Какое уж тут настроение... Одно расстройство.

А для творческой личности отсутствие настроения зачастую означает затишье или вовсе «творческий штиль».

Настроение – это форма эмоциональной жизни человека, которая влияет на все психические процессы, протекающие в данный момент существования. Настроение вызывается эмоциями и зачастую напрямую от них зависит, но, в отличие от кратковременных и ярких эмоций, обладает намного большей продолжительностью и меньшей интенсивностью.

Чаще всего настроение вызвано вполне определённой причиной (даже если мы этого не осознаём), но при этом рикошетит на события, объекты и субъекты, не связанные с самой причиной.

Представьте себе огромный градусник для измерения вашего настроения. Нейтральное настроение – это ноль; всё, что выше, – со знаком плюс; всё, что ниже, – со знаком минус.

Каждое утро мы глядим на обычный термометр, чтобы узнать погоду за окном, несмотря на то, что с вечера уточнили метеосводку в Интернете. Вот так и с настроением. Вы ложитесь спать и строите на завтра грандиозные (или не очень) творческие планы, а утренний градус с лёгкостью их перечёркивает. Или же наоборот, благодаря рванувшему вверх настроению вы быстренько сворачиваете горы, о которых ещё вчера даже не мечтали.

Настроение – это общий маркер восприятия действительности.

Лариса Агафонова – кандидат психологических наук, доцент, автор более ста работ в области психологии, филологии и педагогики.

Чаще всего настроение бывает:

Рабочее. Вы активны, настроены написать статью или отредактировать рассказ; полны энтузиазма и нацелены справиться с задачками, как можно быстрее

Грустное. Вы сетуете на судьбу, на читателей, на ускользящее вдохновение. Вы хандрите по непонятной причине, перебираете предметы на рабочем столе и ничего не пишете.

Ваше настроение замерло на отметке далеко ниже ноля. Неуверенность в себе расцветает буйным цветом, страх опутывает жадными щупальцами, а лень становится «антигероем» дня.

Раздражительное. Вы видите критику вашего творчества в любом комментарии под выложенным в социальной сети литературным произ-

ведением или обычным постом. Неудачи вызывают ярость, а попытки окружающих убедить вас в позитивности своих намерений – гнев.

Нейтральное. Помните, как в известной песне про зайцев: «а нам всё равно, а нам всё равно»? Вот это сейчас ваше отношение как к победам, так и к неудачам в творчестве, да, впрочем, и в обычной жизни. Эмоции спят, и ваши творческие порывы тоже дремлют.

Радостное. Вы готовы свернуть горы: послать свой рассказ на конкурс, о котором даже мечтать боялись; с уверенностью набираете номер главного редактора топового журнала по литературе. И, более того, у вас всё получается. Вы довольны сегодняшним днём, проделанной работой, написанным вчера стихотворением, и столбик термометра вашего настроения взмывает вверх!

ЗАЧЕМ НАМ НАСТРОЕНИЕ?

◆ Настроение, равно как и эмоции, – это оценка, позволяющая анализировать всё, что происходит вокруг нас.

◆ Настроение – это своеобразный колокол, сигнализирующий окружающим о наших потребностях.

◆ Настроение помогает запустить процессы саморегуляции, дающие нам возможность адаптироваться к изменениям условий, правил или образа жизни.

◆ Настроение влияет на то, насколько успешно и качественно мы проживаем каждый свой день.

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ОТМЕТКА НА ГРАДУСНИКЕ НАСТРОЕНИЯ РЕЗКО ПОПОЛЗЛА ВНИЗ?

✓ Вы абсолютно точно читали в детстве сказки. Быть может, сейчас вы даже сами их пишете. А ведь именно в сказках исполняются самые заветные желания. Поработайте волшебником для себя! Исполните своё желание.

Конечно, если вы мечтаете полететь на Марс, то с этим лучше повременить. Но у вас наверняка есть желания, до которых не доходят руки, не хватает времени или сил. Есть? Сейчас самое время их исполнить. И, кстати, зачастую исполнение чужих желаний приносит нужный результат.

✓ Вы давно наводили порядок в письменном столе, разбирали файлы с многочисленными версиями своих произведений на компьютере или сортировали входящие письма и избавлялись от спама и ненужных документов?

Уборка помогает не только привести ваше пространство в порядок, но и имеет колоссальное влияние на наше настроение. Сомневаетесь? Попробуйте!

✓ Вы устали от постоянных дел, от груза ответственности, от рабочих дедлайнов? Выделите себе полчаса/день/выходные и займитесь любимым делом.

Скажете, непросто? Сколько минут или часов вы проводите в социальных сетях? Вам точно хватит этого времени на перезагрузку настроения!

✓ Вы сочиняете музыку? Пишете стихи? Создаёте фэнтезийные миры? Отлично! Переключитесь и направьте свои творческие способности в неожиданное русло.

Найдите рецепт трёхъярусного (можно меньше) торта или необычного салата. Достаньте из комода позабытое вышивание или прибор для выжигания. Сходите на мастер-класс по латиноамериканским танцам, самбо или гончарному делу. Кроме радостного настроения, вы получите новый полезный навык, который вполне может стать хобби.

✓ Посмотрите в окно! Там весна, не заметили? Солнце, даже если прячется за тучки, посылает нам такой необходимый ультрафиолет, поднимающий настроение и (опять же бонус) улучшающий цвет лица.

Выходите на улицу, наслаждайтесь красотой весенней природы и радуйтесь каждому дню!

***Друзья! На смену грусти и печали всегда приходят радость и отличное настроение!
А с ними возвращается и желание дарить своё творчество!***

Андрей Ивонин

Москва

Опять люблю

Весенний месяц март
И солнечный апрель
Что наконец пришли
На смену февралю
И птиц весёлый гвалт
И звонкая капель
Мне говорят о том
Что я опять люблю

Пробившаяся вновь
Зелёная трава
И за моим окном
Помолодевший клён
И стаи облаков
И неба синева
Мне говорят о том
Что я опять влюблён

И первые цветы
Душистые как мёд
Лиловой тучи тень
И дождик проливной
И мокрые зонты
И ласточек полёт
Твердят мне целый день
Лишь о тебе одной

Апрель

Какая в небе ширь и глубина!
А синева – умри и вновь воскресни!
На баке мусорном, от перемен пьяна,
Поёт ворона свадебные песни.

От пандемий отбившись и ангин, –
В руках портфель и чахлая мимоза –
Идёт и щурится на солнце гражданин,
Страдающий от авитаминоза.

Течёт и разливается тепло
Над пустырями, парками, дворами.
Хозяйка моет пыльное стекло,
Сверкают облака в оконной раме.

Везёт трамвай очередной улов.
Скрипит вагон обшарпанный и тряский.
Блестят вдоль улиц цоколи домов
И пахнут свежей известью и краской.

И праздная толпа шумит, снуёт
Туда-сюда без очевидной цели.
И музыка знакомая плывёт
Над обновлённым городом. В апреле.

Признание

Ты ткань огня и сумрака стена,
Тугих небес натянутые нити,
Бездонная ночная пелена
И солнце, воспалённое в зените;
Доверчивость ресниц и кротость век,
Прохлада простыней и сна прикосновенье,
Гуденье пчёл в садах, и первый снег,
И вёсен бесшабашное цветенье;
Листвы переплетённой кружева
Над головой,
Рассветы и закаты;
Дремотных трав упругих тетива

И грома отдалённого раскаты;
 Озноб и грохот проливных дождей
 По мостовым и радуг коромысла,
 В круговороте безмятежных дней,
 Исполненных гармонии и смысла.
 Ты кораблей бумажных паруса
 В ручьях звенящих;
 Фонарей мерцанье,
 И утренних трамваев голоса,
 И площадей застывшее молчанье.
 Ты даль иной неведомой земли,
 Плоды её, наполненные соком.
 Ты облако, плывущее вдали –
 В прозрачном небе, чистом и высоком.
 Ты небо, в брызгах солнца столько лет
 Хранящее тепло и гомон птичий.
 Ты стая птиц, летящая на свет.
 Ты жизнь сама.
 Не счесть твоих обличий...

Импрессионисты

Май. Цветение сирени.
 Пахнет свежестью земля.
 Небо, солнце, свет и тени,
 маки, крыши, тополя.
 Ранним утром на пленэре,
 взяв этюдник и мольберт,
 в Буживале и в Аньере
 или в Эксе, например,
 за фиксацией мгновений,
 чтобы только бы успеть
 ворох новых впечатлений
 на холсте запечатлеть.
 Ощутить их в полной мере
 поспешим скорей сюда.
 Здесь, друзья, в Ла Гренуйере
 плещет золотом вода.
 Здесь, как музыки на Парнасе,
 женщины – лови момент!
 У мамыши Клэр в запасе
 есть кальвадос и абсент.

Ярче день, и небо ближе.
 Аржантёй и Пти-Женвиль.
 Ведь отсюда до Парижа
 лишь каких-то восемь миль.
 Полчаса – всего лишь – тряски.
 Рельсы, шпалы, поезда.
 Только кисти, только краски.
 Только солнце и вода.

Облака глядятся в окна.
 Мутной Сены берега.
 Ещё влажные полотна
 Ренуара и Дега.

Потому что весна

День прибавился, пусть и заметно,
 Но только на треть.
 И тебе в тесноте этой комнаты
 Не усидеть.
 Ты выходишь из дома в дверной окаём,
 Где коты в подворотне поют о своём,
 Где орут воробьи, и причина ясна –
 Потому что весна!

А всклокоченный город шумит
 И спешит по делам.
 И на улице вновь суета
 И привычный бедлам.
 Ты шагаешь по лужам на солнечный свет,
 И вихрастый мальчишка глядит тебе вслед.
 Ты взволнована чуть и немного грустна,
 Потому что весна!

День пройдёт, не оставив следа,
 Как проходят все дни.
 После долгого трудного дня
 Город гасит огни.
 Ты о чём-то мечтаешь и смотришь в окно.
 Город спит, и вокруг все уснули давно:
 И дома, и коты, лишь тебе не до сна –
 Потому что весна!

Страницы автора

ok.ru/profile/186205593259
www.facebook.com/andrei.ivonin
vk.com/ivoninmb

Валерий Лепов

Якутск

Весеннее

Переживайте заново любовь
 ко всем на свете –
 к кошкам и собакам,
 к богатым, бедным, нищим и больным,
 ко взрослым, старикам, подросткам, детям,
 к чирикающим вестникам весны.
 К снежинке заблудившейся,
 к деревьям, в ажурной вязи замершим зимой,
 и к городским запыленным проспектам.
 И к площадям под коркой ледяной,
 к лесам вокруг, к реке, несущей воды
 в глубоком русле под нажимом льда,
 к холодному и северному морю,
 к горе притихшей, чья глава седа,
 к планеты неустанному динамо,
 к меняющимся часто полюсам,
 к луне большой, загадочной и странной.
 И к солнечным живительным лучам.
 Любовь к Вселенной нас объединяет,
 ведь в каждом атоме огромный скрытан мир –
 и он влюблён, поэтому мерцает, –
 поэтому и любишь ты, пойми.

Страница автора

soyuz-pisatelei.ru/forum/261-9225-35

Объятия весны

1

Объятия весны – милы!
 Но если честным быть, ребята,
 под солнцем тают,
 чтобы плыть,
 остатки зимнего спектакля:
 вот с Рождества
 в гирляндах ель,
 монетки от ледовых статуй,
 тюльпаны праздничных потерь
 смешались с грязью,
 множа слякоть.
 Но как весной не любить
 то очищение природы,
 когда всплывают корабли,
 почившие во мгле суровой.
 Когда подснежники цветут,
 то воскресает тело Бога,
 и славят дух и красоту
 непроходимостью дороги.
 Как крепость душ ещё узнать?
 Невыносимостью условий,
 когда студёная зима
 сменяется безумьем вёсен;
 когда лесная мошकारа,
 уже созревшая в болотах,
 готова кровь и пить, и жрать,
 и кормом стать для птиц прилётных, –
 тогда приходит благодать
 и понимание Природы,
 тогда осенний урожай,
 как дар бесценный,
 в дом приходит.
 Тогда объятия весны
 всегда милы, всегда честны!

2

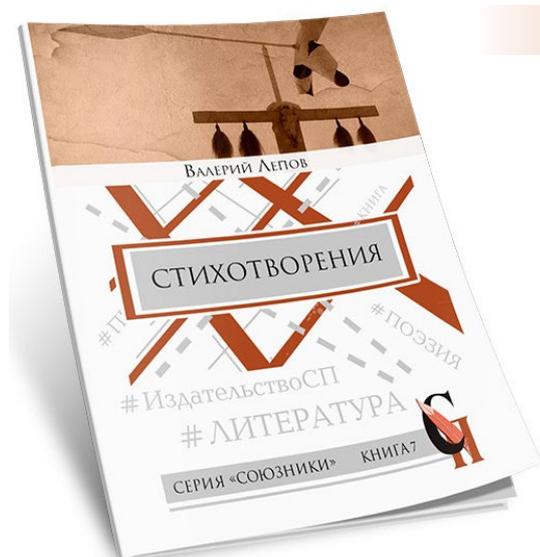
Изыди, сатана!
 На майский праздник
 я обниматься буду не с тобой,
 а лучше Бога праведного
 красить,
 чтоб он воскрес воистину.
 Любовь
 не перестанет
 сердце духом полнить.

А дух, как водится,
 везде неистребим –
 его и в сказках
 злая сила помнит,
 и от него летают корабли,
 ракеты – в космос,
 самолёты – в небо,
 а по дорогам –
 полчища машин...
 Пока не апокалипсис, конечно,
 но близко,
 очень близко, господа.
 Готовьте души
 к самой мерзкой сече,
 чтоб в суете объятий
 не предать.

3

Ты знаешь, боги
 продолжают жить.
 Питаться солнцем,
 путая сезоны,
 в заносах снежных
 прятать гаражи,
 выращивать отряд
 сосулк грозных.
 Резона нет
 отваживаться быть
 на улице
 без шапки и перчаток,
 мороз и солнце,
 небеса и быт

единожды
 и заодно зачаты.
 Растущий день
 уже снедает свет
 горящих ламп,
 тепло котлов дымящих,
 отваживаясь
 утренним алеть
 и вечерами
 оттеняя дачи.
 Уже не бредят ночи
 чернотой,
 белеют с каждой
 прожитой утратой,
 и в час расплаты
 тенью золотой
 разлитых нечистот
 под снегом тают.
 Пусть боги также
 продолжают жить,
 святые духи
 льдом весенним стонут,
 и с сопок, не считая этажи,
 сбегает древний
 мамонтовый топот.
 Ты умер, брат мой,
 для меня давно, –
 не ведая стремления к загадкам,
 в объятьях Авеля,
 Иуды, всей страны,
 чтоб оставаться к власти алчной
 падким...

Рекомендуем книгу автора

Стихотворения

Серия «Союзники»

Кол-во страниц: 24
 Формат: А6
 Обложка: мягкая

Издание в каталоге
knigi-market.ru/3804

Алёна Марковская

Москва

Весна

Весна приходит только к тем,
Кто больше ждать уже не в силах.
И дарит список новых тем,
И открывает души милых...

Весна приходит невзначай,
Да и уходит по-английски.
Цветочный разливает чай,
Расцвечивает лица близких...

Весна приходит каждый день
И даже каждую минуту.
Ей разрезать давно не лень
Обид и опасений пути.

Весна приходит просто так,
Когда что ждёт – уже не важно...
И морды кошек и собак
Сливаются в тумане влажном.

Весна для тех, кому видней!
(И оттого ещё тревожней).
Щемящий труд – служить Весне.
Цветы – с шипами... Осторожней!

Страница автора
vk.com/lucyel

Единственная весна

Посвящается Дню Победы

Другой такой весны уже не будет.
Так просто не получится, поверьте, –
Чтоб всех счастливей в мире стали люди,
Привыкшие к отчаянью и смерти.

Врагов, как и друзей, не выбирали.
Не за вождя – за Родину и милых
Встречали каждый день и умирали.
И расцветали вёсны на могилах.

Мы, дети двадцать первого столетья,
Воспитанные пошлостью и ленью,
Беспомощные, пойманные в сети,
И то пред ними встанем на колени!

Единственная, вечная, живая –
Как песня над Москвой и над Берлином!
Чудесная пора начала мая!
Но мать за чудо заплатила сыном.

Я верю, что все мерзости на свете,
Всех наших ежедневных мук короста –
Лишь от того, что редко о Победе
Мы говорили искренне и просто.

Давайте петь и плакать, словно дети,
Как на перроне перед расставаньем!
И будет только утро, май и ветер...
И стать чуть лучше смутное желанье.

Другой такой весны уже не будет.
Но с этой светлой песнею, поверьте,
Вновь станут на людей похожи люди,
Привыкшие к отчаянью и смерти.

Диана Радес Санкт-Петербург

Пурга метёт в начале марта:
Февраль позиций не сдаёт.
Судьбы весенней бита карта –
Зима красавицей цветёт.
 Зиме полгода было мало,
 Чтоб полог дивной чистоты,
 Какого в марте не бывало –
 Такой крещенской красоты, –
Накинуть городу на плечи
И инеем убрать кусты.
И фонари – ночные свечи,
Добавят сердцу доброты.

Нежный утренний ветер в лицо
Теплотой позабытою веет.
Близ Валдая – родное крыльцо,
И под солнцем асфальт соловееет.

Ждёт дождя на деревьях листва,
Тучи тёплые дождь приближают...
Час придёт, и небес острова
Ярким светом опять засияют.

Первый летний – не вовремя – день,
И проспекта умытая стража.
И усталой ногою – не лень,
Я иду, как ровесница ваша.

Я не буду цветы собирать,
Мне б с красою весеннею слиться.
Стар и мал, я любому под стать,
Мне сегодня, как прежде, под тридцать!

Праздник Апреля! Сердце, пляши!
От солнца хмелеем
 в просторах души.
Что может быть лучше?
 Хоть солнце, хоть гром –
Свет не угаснет
 под первым дождём.
И даже ночами не та уже тьма,
В бледной полночи сияет туман.
Белые ночи! Уже соловей
Пробовал голос средь голых ветвей.

Весна, оптимизма по полной налей!
Чтоб было светло
 среди осенних ночей,
Чтоб властвовал светом над тьмою
 твой Дух,
Чтоб души смягчал
 вербы праздничный пух.
В нас прорастает весенняя стать.
Силой сотворчества нам не устать
Жить, и работать,
 и радость дарить...
В душах холодных лёд растопить!

Весняночка

Девчоночка идёт в коротком платьице,
Душа её невинна и чиста.
А люд прохожий на неё таращится,
Глядит с прищуром страшного суда.

Весна, веснянка,
 девочка весенняя!
Идёшь, блистая дивной красотой.
И стебельком твой стан слегка колеблется,
И нимб волос под солнцем золотой.

Улыбкой светлой и слегка излучистой
Развеешь тучи, мрак – в глазах людей.
И осенью пребудешь самой лучшею
Ты в памяти натруженной моей.

Елена Старцева Югорск, ХМАО-Югра

Тебе, моя Россия!

Задумчиво шумит таёжный ветер,
Переплетаясь с нитью дум моих.
Наверняка он снова не заметил,
Что гостем стал в местах родных.

И снова с ветром заведу беседу.
И проболтаем с ним мы до утра.
О том, что из России не уеду.
Мне Родина до боли дорога!

Люблю берёзок тихое шептанье,
Тайги безбрежной гладь и тишину.
Весна в наших краях – очарованье!
Без этого я как прожить смогу?

Без яблони-невесты под окошком,
Без аромата полевых цветов.
Без земляники, собранной в лукошко,
И мартовских безбашенных котов.

Россия, нас судьба с тобой связала!
Многострадальная любимая страна.
И жизни целой будет слишком мало,
Сказать, как сильно я люблю тебя!

Седые берёзы

Седые берёзы, бегут облака.
Природа очнулась от долгого сна.
И солнышко робко глядит свысока –
Светить или нет, не решило пока.

А миру так хочется ясных деньков
Без хмурого неба тяжёлых оков.
Увидеть все яркие краски весны
И как распускаются листья, цветы.

И жизнь оживится, отгадет душа.
Весна! Ты чертовски свежа, хороша!
И будет земля ликовать без ума.
Спасибо, что всё же пришла к нам, весна!

Весна

А в апреле, а в апреле
Свиристели прилетели.
И щебечут, и поют,
И рябинку всё клюют.

Сразу всё вдруг оживилось
И погода изменилась.
Солнце вышло из-за туч.
И скользнул тихонько луч –

По аллеям, по дорожкам
И по городским окошкам.
Он теплом всех обогрел,
Радость подарить сумел!

И с весенним тем лучом
К нам апрель ворвался в дом.
«Хватит зимних вьюг, метели!» –
Так напели свиристели.

Александр Андронов Москва

О любви

О любви говори:
 Это брызги рассвета,
 Это солнце в ночи,
 Звёзд мерцанье в пруду,
 Это пламя свечи,
 Это осенью лето,
 Это сердце шальное
 В полуночном бреду.

Поцелуй под дождём,
 Тихий голос баяна,
 Свет испуганных глаз,
 Золотая луна.
 Это вечность вдвоём,
 Жизни сладкая рана,
 Это мир возле ног,
 Это ты и она.

Это нежность и страсть,
 Это ревность и жалость,
 Это ненависть, злоба
 И жажда страдать.
 Это ты, человек,
 Это всё, что осталось...
 Что такое любовь,
 Всё равно не понять!

Уеду...

От суеты без сожалений,
 От недомолвок и обманов
 В страну полночных откровений,
 Страну лазоревых туманов,
 Где буйной зелени просторы,
 И вечный свет не угасает,
 Где звёзды падают в озёра
 И потихоньку остывают.

Уеду я без назиданий,
 Без долгих слёз и без упрёков,
 Как в пору ветреных свиданий,
 Чуть-чуть фальшивых и жестоких.
 Туда, где гордо песня льётся,
 Гармошка пальцы обжигает,
 Девчонка верная дожётся,
 И сладко сердце замирает.

Где ветки мокрые сирени,
 Смеясь, ей под ноги бросаю,
 А на душе поют свирели...
 В страну, которой не бывает.

Мы с тобой плывём куда-то

Мы с тобой плывём куда-то
 В лёгкой лодке, ночь темна,
 Разнотравья ароматы,
 Из-за облака луна,

Вдруг, играя, осветила
 Гладь реки и берега,
 Замерещилась кобыла
 У ближайшего стожка.

Окунёк плеснулся где-то,
 Запах дальнего костра.
 Показалось, что планета
 Отдыхает до утра.

За весло, грести мешая,
 Будто мокрый водяной,
 Зацепился, развеаясь,
 Круглый «ёжик» травяной.

А луна опять пропала,
 Темнота и тишина...
 Ты меня поцеловала,
 Ночью летнею пьяна.

Образ твой

Я вспоминаю образ твой,
И мыслей стая,
Как первый снег над головой,
Кружит не тая.
Фонарь глядит из темноты,
Круты ступени,
О, как невинны и чисты
Твои колени.

И розы алые из рук
Листы роняя,
Упали в освещённый круг,
Не понимая,
Что шарм сейчас уже не в них,
Их нежной сути,
В моменте счастья для двоих,
В такой минуте.

А рядом губ твоих овал,
Дрожат немного.
Я прежде их не целовал,
Боялся Бога.
Ну как же можно быть такой,
Не понимаю.
Зачем ты здесь, зачем со мной?
И я смею...

Обожаю ночь

Обожаю ночь –
И тебя в ночи.
Мне бы только смочь,
Словно дым печи,
Обволочь теплом,
Подхватить, объять,
Чтоб меж звёзд потом
В забытье летать.
Стать печным сверчком,
Чтоб слова шептать.
Стать дверным крючком,
Чтоб не отпускать.
Дьявольским огнём,
Что сжигает всё.
Золотым дождём,
А потом ещё...

Не верю никому

И слышал я, что есть,
Мол, женщины другие,
Что ходят по земле,
Такие же, как ты,
Что хороши собой,
И будто молодые,
Что даже кое-кто
Приносит им цветы.

Я, правда, не видал,
Хоть пожил и немало:
Возможно, где-то есть
Особая страна.
Где женщины живут
Под небом бледно-алым,
Не верю никому –
Ты на земле одна!

Руки твои

Эти руки твои
Мне звезду зажигают под вечер,
Что висит за окном, –
Нет прекраснее этой звезды.
После трудного дня
Опускаются тихо на плечи:
Я вернулся домой,
И сегодня не будет беды.

В них таинственный свет
И простая великая сила,
В этих хрупких руках
Мир привычно спасающих вновь.
Злую весть отвратят,
От того, с кем судьба породнила
И кому принесла
На ладонях в подарок любовь.

Я к губам поднесу
Утомлённые эти ладони,
Я лицом в них уткнусь,
Безотчётные слезы тая.
Я закрою глаза,
Растворяясь в вершинах гармоний
Колыбели любви,
Где отныне планета моя.

Анива, Сахалинская обл.

Это любовь

Я давно люблю Серёжку.
Только он такой дурак!
То за косу меня дёрнет,
То обидит просто так...
 А однажды после школы
 Возвращалась я домой.
 И в руке держала крепко
 Телефончик новый мой.
Мне его купила мама,
Чтоб всегда на связи быть.
Я на кнопку нажала,
Чтобы маме позвонить.
 Мне навстречу шёл мальчишка.
 С виду был приличный он...
 У меня из рук он резко
 Выхватил вдруг телефон.
Тут откуда-то Серёжка
Выскочил – и ну за ним!
Он летел быстрее ветра
За обидчиком моим.
 Завязалась мигом драка,
 Но Серёжка победил!
 Кулаком своим с размаху
 Хулигану нос разбил.
Поделом тому досталось.
А Серёжка – он герой!
Ведь не каждый бы решился
На поступок на такой.
 И теперь я не обижусь,
 Если вдруг он в школе вновь
 За косичку меня дёрнет.
 У него ко мне – любовь!

Я люблю!

Я люблю!
Неужели случилось?
Целый мир изменился вдруг.
Я люблю!
Чувства. Мысли. Краски.
Скорость. Ветер. Восторг. Испуг...

Ожидание неизвестного.
Слёзы радости. Сердца стук.
Звёзды. Музыка. Вдохновение.
Страх. Волнение. Нежность губ...
Я люблю!
Неужели случилось,
Что ворвался ты в жизнь мою?
Я люблю!
Наконец свершилось!
Я люблю... Я люблю. Я люблю!

Танцующая корова

Представьте себе – на лужайке цветастой
Под звонкую трель соловья
Танцует корова... Ах, как же прекрасна
И как грациозна она!
Бежит по траве, так легка и воздушна.
Прыжок... и парит к облакам!
Она так изящна, движенья послушны.
Открыта навстречу ветрам...
Вы скажете – как же такое возможно,
Что так грациозна она?
Я думаю, тут догадаться несложно...
Да просто она влюблена!

Я расскажу тебе, милый

Я расскажу тебе, милый, сегодня
ЧУДО.
Я подбирать слова осторожно
Буду.
Чтоб не спугнуть это хрупкое, нежное
СЧАСТЬЕ.
И это в нашей с тобой, милый,
Власти.
Какая радость мою наполняет
Душу!
Не бойся, милый, ведь я
Не трушу.
Наверно, ангел небесный взмахнул
Крылами,
И это чудо теперь случилось
С НАМИ.
Ты будешь сильным. А можно, я буду
Слабой?
Любимый, скоро ты станешь
Папой.

Виктория Никитина Калининград

Ночные тайны

Луна плывёт, как лик Джоконды,
с улыбкой вечной на устах.
Познать вселенские законы
лишь может гений иль монах,
а нам – восторг и созерцанье
сего шедевра красоты.
Быть может, в миг очарованья
прозренья вспыхнет с высоты?
Глянь! Месяц долькой апельсина
на звёздной скатерти лежит,
иллюзий вьётся паутина,
как будто кто-то ворожит.
Вот белый стих на лист ложится...
шедевр готов – поэту снится –
на чёрном бархате блистает,
звездой в небе утопает.

На заре

Ночь черна, горит любовью...
но рассвета вспыхнет полоса,
чары сгинут вмиг, мечтою
вдруг рассыплется роса,
бриллиантовой искрою
отражая небеса.

Глаза его я вспоминаю –
в их лаве вновь я погибаю,
где не унять объятий жар
и поцелуев сладострастья
и не понять ни лжи кошмар,
ни ускользящего счастья...
Как извержение вулкана!
И нет подвоха, нет обмана.

Вы мне снились...

Где летний зной?! Зачем Вы скрылись,
Любви несбывшейся герой?
Я Вас ждала. И Вы мне снились,
И были так нежны со мной...

Ах! Осень вновь сплетает паутинки,
Кружит придуманной мечтой,
Рисует золотом увядшие картинки...
Сияет луч в них озорной!

Осеннее обострение

Звуки бодрые летели
из открытого окна –
Сарабанду отбивала
чья-то бойкая рука.
Осень поздняя. Дожливо.
И сонливы воробьи.
Обострение осеннее –
пустеют все дворы.

Всё же детям непонятно,
отчего грустят их мамы,
И уныло смотрят кошки
на залитые дорожки.
Бах ли, гаммы... поскорее
доиграть бы, да за рамы
Заглянуть, где пляшет дождик
и проходим строит рожки.

Страница автора
vk.com/id103865238

Александр Онищенко

**Сертолово,
Ленинградская обл.**

Пишу стихи

Пишу стихи о Родине, о чести,
О подвигах защитников страны,
Хочу, чтоб не было ни лжи, ни лести,
Хочу, чтоб были помыслы чисты!
Хочу быть честным до конца перед собою
И перед светлой памятью дедов, отцов,
Шагать с непреклонной головою
И смело правду людям говорить в лицо.
Пусть это горько, но правдиво,
Чтоб Совесть, Честь и Память не срамить!
Жизнь не прожить во лжи красиво
И к лучшему её не изменить!
Не одинока Правда, знаю,
У каждого из нас она своя!
На Правду право уважаю,
Вот в сущности позиция моя!

22 декабря 2018 г.

Саркофаг

Живые ныне все уже седые,
Но многих нет теперь среди живых,
Чернобыльцы! Друг другу стали мы родные,
Как братья, ближе всех друзей иных!

Если назад сегодня оглянуться,
Всмотреться вдаль, туда, за горизонт,
Признаюсь, хочется порой вернуться
Туда, где было всё наоборот!
Чтобы ещё плотней в строю сомкнуться,
Чтобы друг другу крепче руки сжать,
Чтоб никогда ни перед кем не гнуться,
Под марш «Славянки» радостно шагать!
Чтоб всю заразу, так вот, саркофагом
Укрыть за раз, надёжно, навсегда!
Чтоб не было в стране под красным флагом
«Полураспада» и «распада» никогда!

21 мая 2018 г.

День вчерашний

Мы с тобой отслужили давно,
Гимнастёрки сменили на куртки,
День вчерашний – как будто в кино,
Где года – всё равно что минутки.
Мы Отчизне служили своей,
Положив на алтарь дорогое,
Стали все мы друг другу родней,
Слово «Родина» – это святое!

Наша Совесть пред нею чиста,
Мы на блага её не сменяли,
Жизнь без Чести, с чистого листа,
Мы с тобой, мой друг, не начинали!
Мы всё прошли с тобой, герой,
Мундира Честь и Совесть не позоря,
Тот путь навек нас породнил с тобой,
Теперь мы вместе, в радости и в горе!

22 мая 2018 г.

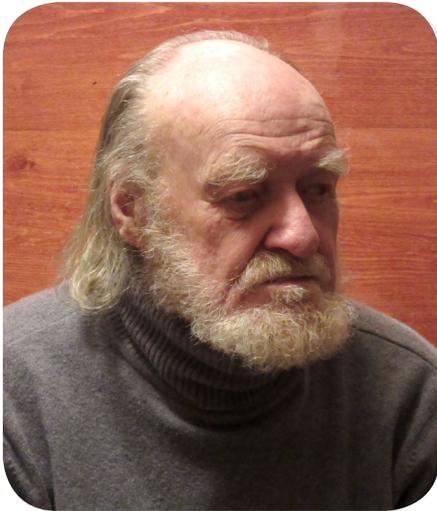
Где ж вы, милые деньки?

Скоротечны лет мгновенья,
Тех, что сладки иль горьки,
Жаль, что нет им повторенья...
Где ж вы, милые деньки?

Будто ларчик приоткроем,
Поглядим, захлопнем вновь,
Веет то теплом, то зноем,
То вдруг в жилах стынет кровь.

Только в памяти хранятся
Отпечатки прошлых лет,
То болят, то вновь приснятся,
То как будто бы их нет!

14 мая 2018 г.

Лев Пряхин

Нижний Новгород

Человек состоялся?

Проза в стихах

(Окончание. Начало в №№ 7–10, 12/2018, 1–4/2019)

45. НЕ СОСКУЧИШЬСЯ

45-1. ...Будить?! Впрочем, воли земной не отыщется для всенародной побудки. И всё же любой человек православный достоин (а значит, обязан) за судьбы народа святым православным молиться, особенно близким – природным. Они по причине родства безусловного к животрепещущим фибрам народа – и близки, и чутки. Собором молиться! Собор уже там, где сошлись душа в душу хотя бы лишь два обывателя в вере естественной, Богу угодной, и в духе свободном. Природе послушные люди, с талантливым сердцем во всём от рожденья до смерти, в артели сбиваются. Тем более если они патриоты (не «вроде б») российской Земли. ...Естественностью полноводных ключей направляются в необъяснимый поход ручейки. На погибель? Нигде их не ждут корабли.

Но жизнь так сильна, что они
в полноводные реки сливаются.
45-2. И люди способны сплотиться и слиться
в могучий поток православия,
если – от искренних к Богу молитв.
Вас, истых молитвенников
(обретается), вместе немного пока?
Но если и так – не беда. Вы истоки ключей.
Вы сольётесь. Поскольку –
участники, духом сплочённые, битв,
Где целью побед – чистота православия.
И вами полниться будет река
Соборности. Вы из числа вожakov
масс народных, во имя её возрождения
денно и ночью трудящихся.
Вы – руководители тутошние сопричастников
жизни естественной, где не найдёт себе места,
при всей её «набожности», антимония.
А там, где хотя бы два слившихся
искренних голоса, Бог поджидает молящихся.
И ваши молитвы –
не голос в пустыне: симфония.
45-3. Услышат её все святые,
на русской земле просиявшие,
И сделают всё, что возможно, чтоб души
не чёрствые верили
в искренность русского патриотизма,
К каким бы конфессиям ни приникали
носители их, из-за евроциничных
«реформ» пострадавшие
И жить в связке с ними (казалось бы,
до безнадёжности полной) уставшие.
Россия была, есть и будет надеждой
сцепной православного коллективизма.
45-4. Но нам, на словах православным,
нескляшным на дело,
Вконец (или нет?!) обезволенным
есоопричною волей кондиций,
в упор несуразных,
Запутавшей нас, пусть и мастерски,
очень умело,
В безоблачной лжи и отнюдь не
в весьма примитивных соблазнах,
Не выбраться самостоятельно (стыдно
признаться, но факты не прячутся)
из меркантильных тенёт,
Которые претенциозно зовутся научной
политэкономией (или её уже бросили?) и
(тоже заумью чмокающей) экономикой,

Где место расчищено до «посинения» битв
на финансовых рынках сторонникам,
«Евроинтеграции» вящей поклонникам.
На деле тенёта сии – уникальное средство
грабастать богатство планеты
без шибких мает
И без подобающих хап раскрутить
не безоблачных смет.

45-5. Протоптан к богатствам народа
извилистый след.

Его направляет довинченный до
безрассудства «величественных»
победителей бред:

«И пусть возмущённо сопят,
разбираясь в тенденциях наших
бестрепетных (что нам бояться,
Когда очень хочется громко смеяться),
В попытках за хвост схватить истину, кучки
по части политики нашей дальтоники:
На наш хохлачок – неотёсанных комиков.
Пусть дельно (?), упорно (!) – как смогут –
копаются, не возникая (иначе!) в своём
разрушительном для них самих бескорыстии,
Пока нам,
расхристанным вдрызг европутам,
творить экономику,
схожую с их, без ироний,
геройской, и выгодно, и безопасно, и
в целом не хлопотно.

Поскольку нас нюх не оставит без «така»
(как не оставляет титанов прогресса
бессчётно волнительный миг, где побед
Без счёта!). А вслед...»

А вслед закавычим сию откровенность
во имя безоблачной истины:
Политика эта ведёт безоглядно к гибели
общества, а вслед за тем – человечества
в целом: безропотно, даже безшопотно,
Когда забредёт безответственность
за благоглупость (с испугу?).

А там многолик
Бес сутью своей – беспробудный тупик.

45-6. Вы, ценности материальные!
Где ваше место законное?
Не там ли, где попроще духа, а ваше
конкретно – за ним, чтоб тупик не возник?!
Но вас увлекли без оглядки
соблазны купонные.

Купонов жир – тромбофлебита
общественного организма
плужник (вкупе, и напрямик – ломовик).
Бесценности (!) материальные –
пища и плоти, и духа.

Но плоти (живёт обязательность),
как наполнителя (если забыть об отходах
естественных, после чего и шиши хороши)
Материи, явно потребной для производителя
пищи духовной – души.

45-7. Комфорт? Но какой? Торжествует
лишь то, что диктует соблазн: показуха
Рублёвского типа. Она оплеуха
Естественной жизни с тем,
чтоб потаскуха
(Альфонс, потаскун) ложью
прочих людей одурачивали
своей «истиной».

Не столько таинственной, –
это для разума (если он есть)
помрачение – сколько воинственной.
Прогресс...

В чём? Да в том, что бесценности
«приватизируют», то есть присваивают
сквозь дефект недобитого слуха
одни торгаши.

А обществу, с видом крутых благодетелей,
определяют они (и не только
в кармане родном) кукиши.

Комфорт – совокупность удобств. Для чего?
Разумеют безумцы: для тела.
Без всякой практичности.

И действуют ради него безответственно
перед великою цельностью:
сущностью оптимистичности.

45-8. Но жизнь – иерархия. С высшею
точкой – душой. И во имя
её неприступности, несокрушимости
Господом Богом завещано дело

Строительства жизни. Всё прочее
подчинено (и, должно быть, умело)

Её основательным требованиям
в нетленных во времени
категоричности и гармоничности.

Во имя строительства личности!
Комфорт – это лень! Но не отдых потребен
любым организмам. И даже
не деятельность, не работа – служение

Душе. Даже если служение это несёт им
одни неприятности.
Под именем бед? Нет!
Служение – действие на опережение.
А там, где служение, – бедам себя не найти.
По теории невероятности.

46. ЧТО НАШЕ?

46-1. А мы себе ищем местечки иные – такие,
чтоб чувствовались они мягкому месту,
при этом не только подарками.
На ощупь – не дюже холодные,
но и не слишком чтоб жаркие.
Служение наше должно превратиться
в досуги: весёлые, яркие.
А как быть душе?
До неё ль в наших «муровах» нам,
Когда между духом и страстью
идёт ледяная война?

46-2. Всё плоти – в комфорте! Здесь –
высшая точка
поставленной на голову иерархии.
Которой не ведомы перед грядущим
ни страхи, ни
Надежды... Чтоб шанс появился, в конце-то
концов, человеку вполне состояться,
Понять надо сердцем ему,
что преступно богатствами Родины
распоряжаться без трепетного прилежания.
Но нечто иное почти твёрдокаменно
закоренело в привычках уже наших тусклых,
невежественных постсоветских новаций.
Сплавляем на Запад (теперь и на юго-восток)
то, чем Бог одарил наш народ православный
для истинного возмужания.
Всё – наше.

И нашего нет ничего: мы обязаны
суть сохранить и умножить для наших
(и если потребуется, то не только) потомков.
В расчёте, насколько возможно:
при несокрушимости прока.
Всё – их. И – ничто. Жить должны и они
тоже ради потомков. И те!
В обычной, естественной, в духе,
не тронутом с древних времён, простоте.

46-3. И быть заедино с народами тех же,
что наши, духовных истоков.

А все умножения – ради служения
всечеловеческой правде-мечте,
Без сроков, а главное, чтоб без пороков,
Участниками вариантов доверчивой
жизни во всей полноте.
Но надо при том, чтоб сей миг –
по космическим меркам – земных
человеческих будней и праздников,
счастья и бед
попытаться возглавить любовью.
Не пляшет тогда самовластная
дьявольская аневризма,
Каким бы апломбом не располагало
бесовское выучкою и геномами
выдрессированное поголовье.
Те люди, кто школу служения небезуспешно
кончает, во всём устояв от воздействий
гордынь – индивидуумы, и
при этом все – коллективисты.
И, если с колёс обстановка соскочит, –
с манерой когтистой!

46-4. ...Всё это фантазии? Нет такой
школы земной, где бы люди могли,
ну, хотя б обозначить
Суть жизни естественной с тем,
чтобы тягу людей
к индивидуализму взять и раскулачить?!

47. ОТ СОБОРНОСТИ К МЕДНЫМ ТРУБАМ

47-1. Есть! Это – соборность. Всего,
что живёт по законам Природы
от пяток и до головы.
Да, было: во всех отношениях истых
соборность ничтожной казалась. Особо во
время набегов ордынских. Москвы.
Величие в жизнь воплотил государь
Даниил Александрович, твёрдо
направивший к свету
душою и делом слависта
Восточнославянского, ночи истории
послеваряжской эпохи –
тернистой, щелистой и мглистой,
Борьбой по законам любви изо всех
(и откуда брались они?!) сил.
Борьбою той самой, которую
истый восточнославянский

народ подхватил неподдельно
И сделал своей путеводной звездой
и немеркнувшей целью.
Начал же сию безнадежную (вроде бы)
битву для судеб Руси,
Свалившейся под горем разных нашествий,
казалось бы, навзничь,
Великий защитник её Александр Ярославич!
47-2. ... Конкретики хочешь спасительной?
Ну что ж, получай: она –
в жизни святой православной Руси.
И лишь у неё и защиту от всякого рода
врагов, и пощаду за грех равнодушия
и дезертирство проси.
В те, чуть ли не сказочные времена
Все, без исключений, роды, племена
Бодрились единством восславским.
И это не сказка.
Поэтому и не нуждались
ни с кем, для сплочения, соединением.
Ни в западных русах,
Ни в родственниках неожиданных –
пруссах.
И лишь с появлением протестантизма
весьма разворотистого, что
в угоду глобальности замыслов
Запада, Русь превратилась в Россию:
«Даёшь всесмещение плоти?!
Всех жизнеспособных людей
без различий и духа, и рас, и конфессий
До дня (и до дна),
когда время приходит процессий,
Привычных вовсю, когда
в еврократическом¹ пыле
соборность скосили.
Тогда стало надо вдруг, чтоб за все выходки,
пахнувшие самобытностью,
люди «пардона» просили.
В века домосковские,
Пылом господства над миром
Европы стареющей броские.
47-3. Не тот коленкор был в семье
Даниловой, в обществе и в государстве:
«Пусть граждане наши
свою самобытность лелеют.

¹ *Еврократичность* – европейская демократичность. (Прим. автора.)

А мы, православные власти, готовы помочь
им во всём этом через
отнюдь не осмысленный дар свой».
Кто дарит без всяких надежд на
Отдаривание, –
бывает, что дарит последнее, –
тот никогда не истратится, не оскудеет.
47-4. Когда – всё в общине.
И в горе и в радости – все заодно.
Не плоть здесь главенствует, но та,
что только от Бога, – любовь.
И к ближним и к дальним. Здесь плоть
начинает свой победоносный поход!
А причина...
Найти её, право же, немудрено:
Где цели одни (в близкородственной плоти
они), возникает сплочение духа!
А им управляется кровь.
47-5. Соборность! Не раз и не два
на Руси приключалась беда.
Такая, что, кажется, – стоп:
не осталось от жизни,
естественно трудной, –
а значит, счастливой, – следа.
Но не исчезала сплочённость! И люди –
соборно! – хватаясь за гуж всем народом,
вытягивали из трясины болезного быта
Общину, из рабства идей ядовитых –
Плодов приходимцев, соблазнами
несовместимых с естественностью
человеческих целей набитых,
Гасили огонь небывалых военных пожаров.
К врагам, когда те нападали,
всегда относились естественно грубо.
Такому народу что стоило крепость
воздвигнуть, вовек неприступную
ни для хазар, ни для диких кошмаров?!
Победы бесспорные...
Дело ответных ударов!
Но... слабость бесспорности –
медные трубы.

48. РАЗНЫЕ ЭПОХИ: ЧТО В НИХ ТВЕРДЬ, ЧТО ПЛОХО?

48-1. Да... грех неизбывный не только
народа восславского – медные трубы.
Они, как ещё выражаются (нет, не о них
только) в кое-каких округах его, в южных

особенно (или я в нуль ошибаюсь
с границами), любви.
И так вот случилось: когда (и пока)
они пели,
И в душах (а надо б, чтоб только в ушах)
их мелодии всласть беспросветно гудели,
Эпоху соборности
бросила навзничь эпоха царей.
Способная зреть и терпеть,
но, увы, не прозреть.

48-2. А дальше – всё проще... Ушло
из-за вящей ущербности то, что назвали
с надеждою за содержание,
А звали потом и доньне зовут
лишь с иронией – самодержавие.
На смену ему очень скоро пришли
либералы, поборники полных (сначала)
рублями (на счастье!) больших кошель,
Не справились (впрочем, когда они были
вождями на счастье народов и где?!),
и марксистов
С их вздыг русофобом великим,
речисто-смолистым,
Пристроили у государственных
(борзых) рулей.
А те, «отодвинув» строптивых, к тому же
в испуг обленив говорливые толпы
оставленных вроде б живыми в застое
(Увы, это дело совсем не пустое)
Несметные толпы людей, перестроили их
восприятие истины и пережалили
Надеждами на безнадежное счастье
в безделье тупом. На последнем этапе
(пока он последний)
заслуженные плутократы
(Узнать бы, где плачут
по ним и какие утраты)
Свободой безнравственности
дух живой простаков по рецептам
английским (и американским!) поджарили,
В чёрт знает каком гуманизме
(специфику духа
и запах прогресса чтоб отобразить)
изваляли и
в их (простаков всепогодных)
среде разбазарили.
Не зря, нет, не зря
охлопуть гордятся своими скрижалями.

48-3. Но не уничтожить свободу соборности
деятелям гордопатии!
Им, ушлым умельцам. Их много. Они все
Такие. И всё же им не довелось
проявить себя в сфере старателей.
Там, где не укрыть откровенность идей
голубых, даже с умненькой тщательностью
подбирая крутых прихлебателей
(Роль их реактивна: ведь ежели
нет прихлебателей – смерть хитрократии!),
Ничем и никто подсобить не сумеет.
Поскольку опять возродится соборность,
которая есть Человек.
Всё прочее – лишь человекообразие. Блеф.

48-4. В отличие от прихлебателей, он,
Человек, – из мечтателей
И, как не покажется странным
при этом, копателей.
А сутью духовной своей он, хотя и
задёрванный гонкою за процветанием,
тварям циническим не по зубам.
Уверенность крепнет его. Ибо судит он о
происшествиях по ими созданным и
выставляемым по ойкумене всей
недопотопным гробам.
В которых везут на погост
устроения разума.
Любого. Имеются даже, причём уже
в полном достатке (не хватит? – добавят),
изделия выращенного с любовью маразма.
...Живёт и такой экивок на любовь.
Но у них, прихлебателей, видных
и ловких по части попсовых искусств,
Весьма непригодный для целей
питания душ благоверных прикус.
А так как (и даже) один человек, в ком жива
вера истинная, – в поле воин, то есть и
бесстрашные (те, кто с молитвами!) братии!
И здесь, на Земле, и в обителях вышних.
Все – вместе!
Поскольку всё общее в быте: и грусть
и веселье, и горе, и песни.
Хоть «тресни»!
Все за неделимую в духе, и в крови,
и в дружбе с народами братскими Русь.
Единство: бестрепетный способ добить
вроде б неистребимую (так ведь
считается в «обществе»?) гнусь.

48-5. Всё в мире естественном есть,
 чтоб любой человек состоялся
 в своей самобытности,
 Поскольку она приспособлена
 к этому Божиим произволением:
 Природой, наполненной тайнами – пищу
 жизненной силы для творчества вплоть
 до духовных вершин ненасытности.
 И несокрушимой ответственностью –
 полем вечным бессмертия.
 В случае жизни по Божьим велениям.

49. НА СТРАЖЕ

49-1. ...В том, что здесь уложено, нет
 никаких моих личных фантазий.
 Нет, я не могу утверждать, будто б эти
 сказительницы вообще сюда не просочились.
 И всё же, в основе своей, не они породили
 моих размышлений причины.

Представленный мною здесь свод
 размышлений – отнюдь не досужий трактат,
 не последствия невропатической,
 в писк социальной заразы
 И связанных с ней катавасий.

49-2. В нём место мной отведено (мало
 слишком? – но всё-таки...) возрасту всякому,
 а значит, целям бескрайним
 и опыту жизненному:

Без всякого рода купюр – человеческому.
 Значит, кладу бесценному,
 пусть, очевидно, не безукоризненному.

Здесь возраст мой тоже старался
 с естественной (значит, не личностной!)
 тягой к умиротворению

Души. А она (эта тяга) –
 сестра преклонению

Рассудка перед незапятнанной грязью
 сует безотрадных историей нашей великой.
 На фоне действительности несуразной.
 Всё больше помпезной, всё ярче безликой.

49-3. Но жизнь не буксует. Толкают события
 несокрушимой уверенностью бытия
 При всех неестественностях, чем заполнена
 наша – искусственная – колея:

Тех самых, крутых неестественностях,
 без которых нельзя

Никак ощутить человечеству формирования

в недрах его вездесущности
 радости от интереса, –
 Души и рассудка
 к великим сокровищам духа
 (без этого гибель!) –
 основы не материального
 (этот – помощник, бывает, живого!) прогресса.
 Лишь через историю путь проторён
 к возвращению чувств наших из суеты
 есократии к Первооснове своей:
 Залогу рождения
 (не производства) спасающих
 от разложения душ

полноценных наследников
 (тоже – истории вклад) первородных идей.

49-4. В них несокрушима надежда.

А значит,
 дорога, которой заведомо вёдом путь ясный,
 а значит, настройкою мозга ведом
 Без всяких неведомых нам исключений.
 Не только бессменно удобных и разных
 (любых!) проявлений большой человеческой
 сути, настроенной веским трудом:

У счастья ведущих иных не бывает.
 Иное проверить несложно, но вряд ли
 есть смысл: что живёт без труда – прозябает.

А здесь лишь попытка понять.
 И проститься. На время. Оно не молчит
 никогда. Оно – даже беззвучное – бает.
 Господствовать должен лишь взгляд,
 не зацикленный круговоротом
 навязчивых догм.

49-5. Взгляд до отрешённости от
 очень срочных проделок бесстрастный.
 Привычки к комфорту – наследственности
 Гуманизма, господствующие в рублёвках,
 Толкают людей – приглядишься: хотя
 и не ясно, по чьей установке,
 со всей очевидностью ловко.

Людей самых разных пристрастий
 на путь, безусловно, опасный.

На путь им родной и приятной
 (под видом усталости) лени...

К бесстрастности лестницей разума
 (я проверял не один раз)
 ведут (так – обычно) крутые ступени.

К бесстрастности, неодолимой почти,
 в рамках нашего вдрызг суетливого мира.

А чтоб без «почти», надо сделать её
 обобщениям несокрушимым подвластной.
 За нею конкретика жизни и факты истории
 (недопустимо, чтоб их «корректировать»
 вдруг – и не вдруг – раззудилась рука).
 Отсюда стремление чёрствых политиков,
 А также семи пядей ушлости критиков,
 мистиков и аналитиков
 Не лезть в обобщения властные
 и, что всем им
 не желается, в не «с бороною» константы.
 Особенно (не угодить!)
 в те (заманчивые) варианты
 Оценок крутых, что витии относят к числу
 непотребных, опасных «бессмертию»
 авторов мифов, в грядущих веках.

50. ИТОГ САМОБИТНОСТЬЮ МЕТЬТЕ

50-1. А впрочем, всему, что я в опусе сём –
 с первых слов – утверждаю, не верьте.
 Для этого (чтоб вы отвергли
 мои рассуждения) я и привёл аргументы,
 В которых не вольничают
 «ключевые» моменты
 Проектов, раскрученных до междометий.
 Я искренне верю в их истинность...
 Я не рисуюсь. Мне не до того.
 И совет мой идёт от души.
 Я был бы безмерно доволен и рад, если б он
 даже в шерсть либеральных
 «тусовках» не сник.
 А вы – безусловные личности, и без моих
 обойдётесь советов. И всё же...
 Внимание к людям...
 Но что им родней и дороже?!
 Лишь тоже безмерная помощь,
 чтоб сердце и разум, в какие бы вам
 не пришлось угодить «свистопляски»,
 Всегда находили поддержку и ласки,
 А если полезно (бывает) – и таски,
 Не только в борьбе, но, что главное, –
 в мирной (как будто) тиши
 Всегда меж собой находили во всех
 необъезженных тонкостях общих язык.
50-2. Свой собственный. Мысли чужие:
 сырые и неподготовленные к потреблению
 (часто случается) в той притязательной мере,

В которой наш внутренний голос
 плескаться (а чаще – скитаться) привык,
 Выталкивают разум наш (так бывает
 нередко) к услужливой лжи. Напрямик.
 Там мины для искренности. Под ногами.
 А ведь человек от природы своей буровик.
 Шаг влево, шаг вправо – и мысли чужие
 ведут (в лучшем случае)
 к неблагосклонной премьере...
 В карьере?
 В каком? И – возможно – в какой?
 Вы не смейтесь... Случается, тащат
 к хронической язве. Бывает – желудка.
 И это опять же не юмор. Но есть роковая
 её разновидность – рассудка,
 Когда невозможна ни сердца, ни разума,
 ни убеждений побудка.
 Привычка пугливая, но жизнестойкая –
 мыслить в пределах
 чужой безответственности.
 Мыслителей много, а путь – однопутка.
 Попутный и встречный...
 В одном бездорожье;
 комфортном (!) для мысли, обточенной
 ловко духовной сухменью: потоки
 (В которых не блещут
 полезные жизни уроки)
 Привычны в реалиях
 охлопатичной посредственности.
50-3. Крушение – если не норма, то ждёт нас,
 без устали, часто. Так что сомневаться
 полезно, но не заменяя толпою утех.
 И не в одиночку. Причём, очевидно, – не в
 подобострастии, а в непрестанной борьбе
 Со всеми общинниками. Но ни в чём против
 них, как не против кого бы то ни было,
 но, безусловно, за всех,
 В ком не захватил место лобное
 (но разберись
 для начала: ты прав ли?) устойчивый грех.
 Добейся, чтоб Новый Завет застолбил
 своё место. В судьбе.
 Твоей и не только. А люди-попутчики (здесь
 разговор не о детях) тебе, собеседник мой
 вымышленный, не общинники.
 Что общего в духе живом у тебя –
 и в безбожном у них?!
 Борись, чтоб сплотиться в общине,
 убрав разночтений морщинки.

А прочих возможно (с теорией
невероятности в дружбе) привлечь к себе
только плодами (отнюдь не из слов
состоящих) деяний твоих.

51. СОМНЕНИЕ – МАТЬ ОБНОВЛЕНИЯ

51-1. Не переставай сомневаться...

Конкретно – и даже в такого характера
с давних времён
жизнедействующем постулате:
Народ состоятелен только тогда,
когда в нём сердцевина жива.
Особенно, если она не попала
в привычные миру сему жернова.
Надёжен в нём – вечностью –
стержень из подданных, в ком
сохранилась их (истинная) самобытность –
в остойчивом оригинале,
В котором её человечеству с древних времён
мудрецы (поищи – и найдёшь!) подавали.

51-2. Сомнений в надёжности истины этой,
сомнительно, чтобы возникло, когда она
вас посетила. А дальше – едва ли.

Поскольку прогресс с демократией требуют,
чтобы смешением с некой компанией
преображался народ наш
в устойчивые дубликаты.

Не оригиналы,
Разряженные в европейский
весьма завлекательный пух.

Где пух, там заводится прах.
Вечность им подберёт
(зрит наука!) присущий их старости круг
Общениа в мире. С защитой расчётливой
ждут их хранилища-сертификаты.

Всё станет (фантазии это?!),
как требуют конгломераты:

Прогресса в «квадрате».
А дальше – в квадраты

Ячеек-народов великие
лидеры мира заложат затраты,
Подобные тем,
что шуруют сейчас как излишки,
согласно статей,
что зовутся «утраты-растраты».

(Есть рифмы, которые с этим процессом
безудержно запанибрата).

51-3. А цели великой сей
по разрушительности
бодро служит экзамен (похлеще ЕГЭ) –
Из тех рысаков, что мы раньше успели
поставить в ряды расторопных.

Он верен прогрессу законов безустальной
унификации прошлых времён, землекопных.
Трудяга суровый (и хитрый)
по части «развития» жизни – «хоть лопни»,
Чтоб общество не заблудилось в своей
самобытной, как евры считают, – пурге.
Итоги системы экзаменов: все, безо всяких
потуг, в отношении членов
«сообщества», имя которых «простаки»,
Должны быть похожи «и рожей, и кожей»,
а главное – мыслями, только на
еврократии шустрой стандарт,
а иначе – никак!

Причём, что касается мыслей, они быть
обязаны материального клина.
Иначе нельзя! Чтобы духу живому, чем Бог
наградил, не нашлось в душах (вроде б
людей) ни местечка, ни даже помина.

51-4. ...Работа отлажена... И вот уже вера
истинная (как и всякая) в людях меняется
(будто б сама по себе)
на уныние и многоточие...

Такая вот, брат, она –
оченькратическая состоятельность.
И в этом её всеобъемлющая,
по понятиям кое-каким, созидательность.
Соборность? И с нею случается...

Правда, не всякое.
Но всё же бывает, при этом нередко: народ
состоятелен даже когда в нём (бывает,
в челе его) лидеры, так сказать, прочие.

К тому же в среде этих прочих (весьма
многочисленных) преобладает мякина.
И всё б ничего, так сказать, если б эта
«мякина» тянулась к истокам соборности,
пусть колебимо, но неукротимо.

51-5. Трагедия (да, драма сыграна) в том,
что характер мякинной среды формируют,
почти без помех с православных сторон,
хитрократы,
Стремящиеся превратить самобытность
в досужую пыль на ветру.

Борьба с ними непостижимо трудна,

ибо сила их в том, что они – дубликаты
Без устали чуждых народному духу вождей:
обходимцев, соратников гидры,
душою чубатых.

Таких, что заботятся о сохранении
«веротерпимости» в мире.

А с нею о водах целебных. В сортире.
51-6. Борьба эффективна не против них,
а за единство в соборном миру,
Где всё православное в жизни к добру.
Победа весьма вероятна?

От нас всё зависит...

Победа? Пока, однозначно,
естественность в нас не закиснет.
Но вряд ли вам в следующем постулате
удастся безоблачно засомневаться:
Не может никто из людей состояться,
когда дух единства в народе низложен.
Где гибнет душа, там народ превращается
в призрак. Тот, что именуется нацией.
Там духа единого нет.
Значит, личность развиваться не может.

52. ЧЕМ ГЛАЖЕ, ТЕМ ГАЖЕ

52-1. А ныне?.. Дневалит ли всё ещё выход
из цепких капканов материализма
для тех нестандартных людей,
Кто в бред либеральный опущены
волею есократических судеб?

Да так, что не сыщешь среди них искателей
«истины» – марксовых бредней правей.
...Оставьте воро́нам и вóронам труп.

И пусть мёртвые духом
потешатся призраком воли.

Попал в неприкаянность? Не унывай:
труд бесстрастный
любое отчаяние укротит и остудит.
Расчёты, те, что фантастичней фантазий,
рождают надежды реальные в самом,
действительно (всё-таки: вроде бы?),
несокрушимом расколе.

52-2. Ничто и никто не уходит бесследно.
Особенно этнос, народ: будь он малым
по численности или очень большим.
Все без исключения и без разбора народы
несут в этом мире великие миссии.
И каждый – сугубо свои. Но апломб

плутократов немало народов уже сокрушил
В процессе строительства ложного рая
во имя свержения истины.

И всё же не лишне отметить:
ещё не на пенсии их обветшалое кредо.

52-3. Соборность разрушена?

Если где есть она, то еле теплится?
Осколки (?) разбросаны

(тоже заслуга Системы)

по миру весьма прогрессивной метелицей.
И нет в ней просвета. Безудержна гонка?

И всё же догнать её сможет
увёртливая похоронка.

Причём ради одушевления
(оригинальностью!)

буйнократической мифологемы.

Которая томно глаголет: «Всё то,
что олицетворяет естественность жизни,
в сугробах стремительной лжи исчезает.
Остатки под гнётом

свобод разрушительных
вскачь превращаются, в целом, в останки.
И тут не поможет никто никогда
и униженным, и оскорблённым протестами,
и не омоет их беды слезами».

И всё потому вроде бы,
что у охлократической
истины (истинной!) только такие задатки.

52-4. Курирует эту систему элита солидной,
финансово крепкой закваски

Через «самобранки»,
Копеечным отступом:

«деньги не любят транжир и балбесов»,
Упорно пытающихся оседлать, где не надо,
«приличное» место.

И отступ неспешно спешит,
под себя подминая «напасти»

На очень серьёзных людей и на комиков,
Тем самым (весь?!) пар выпуская из них:
пар волнения «общества», пар, перегретый
борьбой за «подъём» экономики.

...В этих пуантах танцуют
их (лидеров) вышколенные обеты,
Которых ещё
лицемерные песни не спеты.

Так, очень свободные духом
И брюхом
Всесильные мира сего заодно защищают

И делай то,
 что ему надо в борьбе неминучей.

53-4. ...Сейчас надо без передыху осколки
 талантливых действий хотя бы сгребать.
 Даже вроде б в совсем несуразную кучу.
 Чем больше она, тем сложнеей
 бюро-демо-охло-авто-плуто и прочим
 подобным им «кратам»
 к ней, из-за боязни
 попасть на рожон, подступиться.

И если не хватит вам (каждому
 неравнодушному сыну и дочери каждой
 Отчизны родной) сил, затем,
 Чтоб перенастроить себя на волну
 самобытности древних путей и проблем,
 То (нет в том сомнений) найдутся в ней
 те, кто удачливее вас и круче.

53-5. Они возродят наш народ из осколков.
 Ведь даже из пепла (на русской земле!),
 что́ (ответьте мне) не возрождалось?!
 (И мы если б не увлеклись демократией
 западной, то возвратились бы вовремя
 в светлое будущее,
 где всюду процветает сердечность.)
 Случалось (и это не мифы),
 за время, ушедшее в вечность,
 Не раз возродились не только
 разумные твари с их крепким апломбом,
 но вирусы, звери и птицы!
 Вот и человечество после утрат
 к возрождению интуитивно стремилось,
 стремится и будет стремиться!

53-6. Вы пеплом свои черепа присыпать от
 отчаяния не спешите: ущербная это забота
 Всегда. Даже если ваш вклад в возрождение
 кажется (пусть и окажется) скромным.
 Считайте, что вы состоялись в сей жизни,
 запутанной ложью
 с бесчисленными «многоточиями»:
 Вполне состоялись за счёт ваших вкладов,
 пусть дюже неброских.
 Бесспорно, такая работа –
 До полной безбрежности – головоломна.
 И даже для личностей сильных,
 больших и сплочённых друг с другом
 в единый порыв, неподъёмна

Без Божией помощи. Остепеняйтесь
 своими (они от Него) полномочиями.

53-7. Есть Сила великая. С Ней
 не сравнятся каким бы то ни было
 силам нигде, никогда.
 Она – безупречная и нерушимая Власть.
 И чтобы свободными быть,
 надо Ей подчиняться во всём и всегда.
 Немедля. Без отдыха. И – без труда.
 Молиться, трудясь, и трудиться, молясь.

54. ВСЕГДА, А НЕ ТОЛЬКО КОГДА НАВАЛИЛАСЬ БЕДА

54-1. ГОСПОДИ!
 Спаси, сохрани и вразуми меня,
 раба Твоего искреннего,
 И всех моих
 родственников и благожелателей,
 И всех православных христиан,
 И всех тех людей, которые тянутся
 к православию,
 И даже тех, кто к Тебе, по недоразумению,
 не тянутся, но близки мне по духу своему.
 Прости нам всем наши прегрешения
 вольные и невольные
 И вразумляй нас практически постоянно,
 Как нам жить в этом мире,
 Как с ним взаимодействовать,
 В чём и как ему противостоять.

54-2. ГОСПОДИ!
 Сохрани Россию,
 И не оставь на погибель нас, людей русских,
 В нашем духовном и мирском разброде,
 Но помоги нам
 объединиться во Имя Твоё.

54-3. ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ!
 Не отвращай взора Своего
 От России и русского народа,
 Но защити нас всех от напастей
 И от радостей,
 Которые отдаляют нас от Господа Бога,
 И помоги нам обрести силы,
 Необходимые и достаточные
 Для противостояния всякого рода соблазнам.

КОНЕЦ

Макс Шац

Нюрнберг, Германия

Время

Венок сонетов

1 До 21 декабря

Скажи, ведь время не бросает тень!
Оно, кажись, как шапка-невидимка,
отретуширует всё, и со снимка,
где дерево стояло, смотрит пенёк.

Была ли там цветущая сирень
и наша запахов весны поимка?
Узнаем мы, когда росой дымка
объявит начатым прошедший день.

Сиреневые снятся нам леса,
но серебрятся спицы колеса,
несущего нас от отрога к логу.

Стрелой познав бескрайность синевы,
мы будем помнить лишь дрожь тетивы,
чтоб с лёгкой ношей – в гости к козерогу.

2 После 21 декабря

Чтоб с лёгкой ношей – в гости к козерогу,
туда, где правит индевелый царь,
Его Превосходительство январь,
мы рады и убогому итогу.

Не горделиво мы идём к порогу;
был тёмный путь, в руках один фонарь,
с ним хорошо и грустно, словно встарь,
когда, не спотыкаясь, шли мы в ногу.

Но всё, что грезилося заменой солнца,
к утру не постучит лучом в оконца
уютных изб на вспольях деревень.

И мир утонет вскоре в просветленье,
в мечтах о ежегодном обновленье
вот сбросит старые рога олень.

3 О тонком

Вот сбросит старые рога олень,
как будто покидая поле битвы,
а может, потому как и молитвы
на сон шептать бывает просто лень.

И бьётся всё, и трётся о кремь
(искра как звук, такой слышали хит вы?),
ломает красоту свою он – бритвы
стальное лезвие. Взамен – мигрень.

Наверное, бесстрастные ко снам,
и мы что только не свершим, чтоб к нам
любое чудо не нашло дорогу.

Но узкий путь, пусть мало слов о нём,
то Тонкое – его не сжечь огнём.
Оно ж вовне, подвластно только Богу.

4 О чувствительности вещей

О нож! Вовне (подвластно только Богу
созданиям таким сочувствовать)
влача бытё, готов ты резать, рвать
все щупальца в отместку осьминогу,

душа твоя кем стала понемногу,
нет-нет да цепко прям за сердце хватать!
И будет оно вечно ревновать
иголку, милую подружку, к стогу.

Но есть ли сердце у ножа, что любит?
И есть ли у него душа, что сгубит?
За то, что не был он в ответ любим...

Когда со зла иль в горечи ломаем
предметы, вряд ли мы подозреваем –
своих невзгод вполне хватает им.

5 Мы и здешние

Своих невзгод вполне хватает, им
судьба изгоев вечно непонятна,
не знать, что от чернил на ней все пятна
отмыть не можем мы... и не хотим.

Кому-то повсеместно слыть чужим –
коль в меру – даже, в общем-то, занятно,
но *быть* чужим – о том попробуй внятно
повествовать, не уходя в экстрим.

Промеж людей и слов стоит колосс,
безмолвный истукан, король полос
нейтральных, белых пятнышек на карте.

Не тех, которые не смыли вы б.
Так обратим его в громаду глыб,
перешагнув себя в лихом азарте!

6 Вещая весна

Перешагнув себя в лихом азарте,
терпеть не в силах засуху и зной,
и не один ковчег воздвиг бы Ной
и сэкономил только бы на шварте.

Так что ж корабль наш до сих пор на старте?
Вина тому – простой древесный гной.
Стоим. И снится каждой нам весной,
что, чай, парим сквозь лето уже в марте.

Жизнь – это миг. Грядущее не с нами,
но существует вещая весна. Мы
всё верим, что застой преодолим.

Боясь воды и высоты, вдаль рвёмся,
а близкому, как о себя споткнёмся,
мы лишь тогда внимание уделим.

7 Пусть путь...

Мы лишь тогда внимание уделим
пути неиссякаемому благу,
когда, примерив, словно шарф, шар к шагу –
земной, – узрим, что каплей растворим

и зверь, и люд в круговороте зим
космических. Путь сеет в нас отвагу,
уподобляясь на волнах зигзагу,
к ответу шлёт – что дастся нам одним?

С корыстью набирая скорости,
вплоть до созвездий можно дорасти,
коль не заикливаться на стандарте.

Пусть самых резвых ждёт там свой пульсар...
Да кинет даже не в июле в жар,
когда уже пойдёт речь об инфаркте.

8 Жизнь – не любовь

Когда уже пойдёт речь об инфаркте,
сердца становятся ржавей оков;
тут стоит опрокинуть пару слов
(не голову, чтоб спать на школьной парте,

не типа «Ты навечно в моём *харте!*»,
такие – лишь из юношеских снов,
любви на этой парте яркий зов)
о том, сколько осталось нам при фарте.

Смерть не страшна, пока мы дальше дышим,
но всё сильнее её дыханье слышим,
иль это отпеванье, лития?

Иль стрелки хоровод и ход минуты?
Дневной мечтатель и писатель, тут ты
не прав насчёт нетленства бытия.

9 (Жа)ждать!

Не прав насчёт нетленства бытия
ночной читатель и приятель пива –
всему, что зарождается красиво,
не избежать пут ненасытия,

где ива ниц для водопития,
где высыхает западня-крапива,
схлестнувшись на закате дня игриво,
лелеять впредь лишь мрак укрития.

Под утро потайная железа
кольнёт железом, на губе слеза,
уверенная, как кладоискатель,

того напоит, кто сквозь ночи ждёт;
он прав, ведь он – свободный от тенёт,
подземных вод последний обитатель.

10 Постапокалипсис

Подземных вод последний обитатель –
не волосатый, но усатый сом –
всю память мира держит плавником,
как крест Спаситель или круг спасатель.

Он чистой правды первооткрыватель,
волшебных врат в большой бездверный дом,
он слеп – и склеп, наполненный добром,
не знающий зла жизни зажигатель.

Поймают, предадут свои ж творения
его в другого мира день рождения,
что сходит вновь с ума от действия.

А в небе, как в земле, – ни солнца там, ни
луны, чей серп бы шёл на звёзды-камни,
пронзая суть неравноденствия.

11 Вселенная чудес

Пронзаясь сутью равноденствия,
мы ищем ту исконность, что маячит
чёрной дырой, как будто кто-то плачет
вдали в таинственном (бла)женстве. Ян

да инь, и мы, как чаепития
участники, идём с ума, а значит,
мужая, зайчик солнечный поскачет
к звезде на праздник светолития.

Пустот беспыльность да орбит овальность,
и в каждом духе и душе дуальность –
дуэль Всевышнего с самим собой.

Где вместо метких пуль Жар-птицы перья,
а цель – попасть в себя, бессмертьем меря
всех экзистенций круговой конвой.

12 Противоположность сингулярности

Всех экзистенций круговой конвой
и состояний, достигаемых лишь
во сне, в делирии, когда ты мыслишь
чем-то, что вне тебя, – не головой,

вдруг отразится белой радугой,
её начала невозможен выслеж,
её частиц посвечивающих тишь
хранима капельницей-капсулой.

Но по отдельности, в любой из них
как много шума, сдвига, дней цветных!
Калейдоскопа сам изобретатель

такого никогда не представлял –
лишь тот, кто дерево жизни разветвлял,
покинув время как его создатель.

13 От существа к сущности

Покинув время как его создатель
покинул нас (?), хотя искал в раю,
мы словно зрим рассвет в ночном бою,
не властен над бойцами заклинатель.

Запрятаный внутри нас собиратель –
рассыпчатость событий как свою
судьбу он видит – тут поймёт, что у
случайности есть правообладатель.

И фаталист твердит, что счастье вшиво,
но в лучезарности его прилива
мы вечности всплеск ищем озорной.

Уже и не нуждаясь в пище, даже
в любви, подобно вдруг ожившей саже,
шагнём из тьмы на финишной прямой.

14 Загадка

Шагнёт из тьмы на финишной прямой
самозабвенный век нью-человека,
рождённым в янтаре приснится Мекка,
паук, учась летать, включится в рой.

Но в силах ль нам подняться над горой?
Лишь пробуем ходить. Наш род – калека.
И фантастических дней дискотека
раз, два – и прошумела стороной.

Да оставалось б нечто, что не вспомнить,
энигмы нить, чтобы не ком, а дóm вить,
где пианино клавишей ступень

поскрипывает в будущее звонко,
где паутиной стекловидно тонкой,
скажи ведь, время не бросает тень.

15 Магистрал

Скажи, ведь время не бросает тень –
чтоб с лёгкой ношей в гости к козерогу,
вот сбросит старые рога олень, –
оно ж вовне, подвластно только Богу.

Своих невзгод вполне хватает; им,
перешагнув себя в лихом азарте,
мы лишь тогда внимание уделим,
когда уже пойдёт речь об инфаркте.

Но прав насчёт нетленства бытия
подземных вод последний обитатель,
пронзаясь сутью равноденствия.

Всех экзистенций круговой конвой,
покинув время как его создатель,
шагнёт из тьмы на финишной прямой.

Лариса Агафонова

Москва

Такая жизнь

– Тужься, милая, тужься. Уже головка показалась. Давай, помоги маленькому.

Молоденькая роженица ревела в три ручья, вцепившись в подлокотник жёсткого родильного кресла.

– Да что ж ты рыдаешь? Не ты первая, не ты последняя. Сейчас родишь, и всё пройдёт.

– Ра-а-ано мне было рожать, – всхлипывала между потугами черноволосая большеглазая девчонка. – Семь месяцев всего.

– Рано не рано, а тебя привезли со схватками, и воды, как свекровь твоя сказала, уже отошли. Ребёночек явно на свет просился. Чего теперь вздыхать? Выходим, и не таких выхаживали.

– Ой, мамочки! Ой, как больно! – громко закричала девчонка, и через несколько минут малыш появился на свет...

– Вот и славненько. Вот и ладненько. Посмотри, мальчик у тебя, – ворковала пожилая акушерка, а сама сноровисто обмывала, очищала, вытирала крошечного недоношенного малыша. Тот едва кряхтел, обеспокоенный долгим трудным делом: появлением на свет. – Сейчас доктора позовём. Он всё остальное сделает.

– Мальчик, – измученная девушка откинулась на подголовник кресла и закричала снова: – Ой, как больно! Опять больно! Опять схватка!

– Да не придумывай, – отмахнулась было акушерка. – Погоди-ка, схватки возобновились. Ты, часом, не двойню носишь? УЗИ когда в последний раз делала?

– Да не знаю я, – простонала роженица. – Я УЗИ вообще не проходила ни разу. Я только тест сделала и на учёт встала, а потом с мужем к его родителям уехала в деревню. А там врача нет. Ой, мамочка! – орала она уже в полный голос.

– Вот уж дурочка малолетняя, – проворчала акушерка. – Как детей делать, она умная, а как к врачу сходить, так дура-дура. Давай, тужься. Этот попойкой идёт, не перевернулся. Давай! – прикрикнула она на притихшую было девчонку. – Угровишь ребёнка!

Второй малыш явно не торопился на свет. Только через два часа, наложив щипцы, акушерка вытащила второго мальчишку, ещё более мелкого, чем первый. Перевитый пуповиной, посиневший, малыш поначалу долго не кричал, несмотря на все усилия акушерки. И лишь услышав крик старшего брата, которого принесли и положили матери на живот, тоже закричал. Близнецы, близкие. *Вроде бы всё обошлось...*

Обоих недоношенных малышей медики взяли под особый контроль. Районная больница – это вам не перинатальный городской центр, конечно, но врачи своё дело знают, независимо от места работы. Выхаживали мальчишек. Юная мамочка часами простаивала у двери особой палаты. Не так, как в кино, за стеклянной перегородкой, а перед обычной палатой с ободранной краской на двери, за которой держали сложных малышей.

Папаша близнецов в больнице не появлялся. Привезли роженицу его родители, пожилые деревенские жители, испугавшись, что невестка родит дома. А сам он был в отъезде. Да что уж там скрывать, непутёвый у них был сынок. Поздний ребё-

нок, заласканный, залюбленный – Димочка. Мамина радость, папина гордость. Высокий, широкоплечий, со светлым кудрявым чубом, мечта всех местных девчонок. Он рано уехал из дома, подался в город, после девятого класса поступил в автодорожный техникум. Свободы ему захотелось, воли. Кто ищет, тот почти всегда находит. Вот и он нашёл. Прибился к одной компании, сначала травку покуривал, потом таблетки в ход пошли, следом инъекции.

Очнулся Димочка в наркологической клинике. Рядом такие же, как он, наркоманы с ломкой. Как-то приехали родители сыночка навестить, а он, оказывается, в отключке на полу в общежитии валяется. Они его в охапку – и в больницу. Денег заняли, в хорошую клинику положили. *И вроде бы вылечили...*

В клинике медсестричка работала. Не высокая, худенькая, черноволосая, большеглазая, как оленёнок. Ингой звали. Ласковая такая девчонка, рука у неё лёгкая. К ней пациенты бегом на уколы-капельницы бежали. Вот и Димочка бегал-бегал, да и влюбился. И она тоже. Ну и что, что наркоман, так ведь бывший же. Наивная девочка, она была абсолютно уверена, что её любовь его спасёт. И родители Димочки так её пригласили, пирожки домашние носили. Она и растаяла. Её-то родственники далеко, не наездишься.

Инга – девчонка домашняя, на маминих-бабушкиных харчах выращенная. Третий ребёнок в семье, последыш. Старшие дети давно разъехались, а её уж очень опекали, шагу не давали ступить. Вот от этой душившей её заботы и решила она сбежать. После медучилища надумала самостоятельную статью, мир спасать. Собралась и уехала за триста километров от родного дома. Подружка-однокурсница с собой по-манила, работу в клинике обещала. В компании оно всегда веселей. С работой не обманули, а с компанией Инга пролетела. Подружка живо замуж выскочила и с мужем-военным укатила. А Инга осталась. Одиноко ей было, а тут Димочка. Вот и ки-

нулась его спасать. Быстренько у них закрутилось. Только родители Димины настояли, чтобы сынок с невестой домой вернулись, от греха городского подальше. Инга уволилась и уехала за своей непутёвой любовью в деревню. Так ведь любовь же!

Пожениться влюблённые не успели, а вот ребёнка сделать – это дело нехитрое, быстро управились. Мелькала, конечно, у Инги мысль, что Димочка недавно лечился от этой пакости. Но так то мысль – разве её поймаешь? Как Инга забеременела, так Димочка и подался на заработки. На свадьбу заработать да на малыша. Руки у него золотые, машину-мотоцикл собрать-разобрать с закрытыми глазами может. Родители переживали, что кровиночка снова из-под контроля выйдет. Ну так он же теперь ошибки осознал, скоро отцом станет. *Вроде бы беда прошла стороной...*

Инга легко переносила беременность. Даже обещанный подружками токсикоз почти не мучал. Вот только поправилась она сильно. Прямо как на дрожжах росла. Свекровь откармливала тощую невестку, а Инга и рада, ела за двоих. Правда, оказалось, что за троих.

Димочка дома бывал наездами. Поначалу деньги привозил, жену будущую баловал деликатесами. Не нарадуешься на такого заботливого мужа. Ну, почти мужа.

В один из приездов Инга с ужасом заметила свежие следы уколов под коленками у будущего папаши. Димочка почти не отрицал, говорил, что один раз всего ширнул за компанию. Обещал больше ни-ни и спешно уехал. Потом кто-то из деревенских донёс родителям, что видел Димочку в компании бывших дружков. Родители по проторённой дорожке рванули в город спасать непутёвого сыночка. Нашли, снова уложили в клинику. А когда вернулись, невестка несостоявшаяся рожать начала. На седьмом месяце. Срочно повезли её в районный роддом. И получили на руки сразу двух недоношенных внуков. Надеялись, что пацаны выживут. Выжили, спасибо докторам. *Вроде бы опасность миновала...*

Своим родственникам Инга сообщила, что стала мамой, только когда её с мальчишками выписывать собрались. Димочка так и не появился. Сбежал из клиники, и с концами. Свекровь, правда, квохтала над ней, как курица над цыплятами. И помогать обещала, и Димочку выгораживала. Но ехать в деревню Инга не захотела.

Позвонила родителям и огорошила новостью. А они что? Примчались сразу, конечно же. Мать запричитала, отец сначала громы и молнии метал, что дочь-любимица такой фортель выкинула, а потом ничего, остыл, даже прослезился, на внуков глядя. И постановил: ехать блудной дочери домой, под крылышко к матери с бабушкой. Непутёвого несостоявшегося мужа забыть, мир спасти перестать, заниматься близнецами – и точка. Ну, точка так точка. Что уж теперь ершиться? Мальчишек Павлушу и Петрушу забрали. Всё как положено – с шариками и цветами. И отбыли восвояси. *Вроде бы всё шло своим чередом...*

Через пару месяцев стало ясно, что мальчишки развиваются по-разному. Петруша, прямо как по руководству для молодых мамочек, активничал, а плакал только, если был голоден. А вот Павлуша всё больше вяло лежал в кроватке, не реагируя на окружающий мир. Ножками не сучил, глазки так и продолжали косить, как у новорождённого, и всё чаще маленькое тельце принимало неестественные позы. Первой забила тревогу мать Инги. Настояла на внеплановой поездке к врачу, тот послал к невропатологу. Ну и закрутилось. Обследования, анализы, консилиумы. Первый диагноз. Перепроверка. *Вроде бы врачи могли ошибаться...*

Не ошиблись. Павлуше поставили окончательный диагноз: детский церебральный паралич. Почти приговор. Беда. На всю жизнь.

Инге даже предложили отказаться от сына, пока не поздно. Ну а что: это ведь не на день-два, а навсегда.

«Ты молодая, незамужняя. У тебя останется второй ребёнок. Тебе его поднимать надо».

«Это ж такая ответственность».

«У тебя личной жизни не будет. Редко какой мужик на чужого ребёнка пойдёт, а тут двое, и один из них больной. Подумай! Оно тебе надо?»

«Ты ж сама медик, понимаешь, что тебя ждёт».

Каких только доброжелателей не было: и подруги, и медсестра в больнице, и просто знакомые. Родные поддерживали как могли. Но ведь решение принимать Инге. Ей крест нести. Мать ревела в подушку, отец пил валокордин литрами. Бабушка свечки в церкви ставила, а Инга, домашняя девчонка, не знавшая в жизни никаких проблем до встречи с Димочкой, ни минутки не сомневалась: Павлуша будет жить дома, в семье. *А разве можно по-другому? Плоть от плоти.*

И началась совсем другая жизнь. Инга пошла на курсы массажистов, чтобы Павлуше массаж делать. Потом подружка посоветовала на маникюршу выучиться. Деньги ж надо зарабатывать, а с больным ребёнком куда устроишься? Вот и стала Инга на дому клиентов принимать. Отец половину комнаты с кладовкой объединил, кабинет оборудовал небольшой, там дочка и работала. Мальчишек мама с бабушкой по очереди нянчили, пока Инга вкалывала. Петя охотно оставался с бабушками, а вот Павлушка без мамы плакал, тосковал, а она за стенкой слушала и, сцепив зубы, пилила, обрезала, красила. А куда деваться? Павлуше лекарства требовались, процедуры всякие, а всё денег стоит. *Хочешь жить – умей работать.*

Жизнь строилась по жёсткому графику, иначе не получалось. Кормления, купания, прогулки, процедуры. Пока сыновья лежали в колясках, было проще, а вот когда Петруша пошёл, а потом побежал, стало невозможно гулять без помощников. Павлик ведь лежит в коляске, а за Петькой не угонишься. Выходило так, что на двоих

детей для прогулки нужны двое взрослых. Подстроились. Спасибо родителям, выручали. Бабушка-то старенькая, куда ей за Петькой угнаться. Да и Павлушу не поднимет, силы уже не те. Зато дома помогает со стиркой и стиркой. *Роли распределили. Наловчились.*

С несостоявшейся свекровью Инга отношения поддерживала: а как же, бабушка ведь. Димочкин отец почти сразу после рождения близнецов умер. Сердце остановилось. А мать так и возилась с сыночком – из притонов вытаскивала, возила его по врачам, в моменты ремиссии откармливала и на работу пристраивала. А куда деваться? *Материнская любовь всё выдержит, выдюжит. А женская?*

Конечно, Инга про Димочку думала. Когда без сил ложилась в свою старую девичью кровать, когда купала беспомощного Павлика, когда сидела у кровати, опутанной проводами капельниц и всяких-разных приборов. Когда не могла разорваться между прытким Петькой, гоняющим воробьёв и голубей, и только-только сумевшим сесть без посторонней помощи Павликом. Когда руки опускались от бессилия помочь собственному ребёнку. Когда те же руки отваливались, а спина не разгибалась после очередного маникюра или педикюра. Думала, вспоминала, ненавидела, проклинала и... любила. *Первая любовь самая сильная.*

Когда мальчишкам было два года, появился Димочка. Просочился мимо остолбеневшей Ингиной матери и напрямик к Инге. На колени бухнулся, лбом в пол и заплакал. Навзрыд, со всхлипами, куда там скупой мужской слезе. Каялся, прощения просил, в любви клялся к Инге и мальчишкам. Замуж звал. Инга и растаяла. Мать в крик: «Куда ты, дура, собралась? Он наркоман, а они бывшими не бывают!» Отец поначалу ультиматум поставил: «Или он, или мы», а потом остыл, увидел дочкины глаза и на попятную пошёл. Такая надежда в них светилась, такая усталость от одиночества. Девчонка ведь и не видела ничего

хорошего, одна боль сплошная. *В общем, приняли зятя.*

Расписались Инга с Димочкой без помпы: печати-подписи поставили и стали жить. В той же Ингиной комнате, разве что диван вместо узкой кровати поставили. С мальчишками полегче стало. Димочка хорошим отцом оказался, заботливым. Павлушу на себе таскал, на процедуры возил, развивал по-всякому. Книжки читал про паралич этот церебральный, новые методы лечения выискивал. С Петькой в футбол играл, на велосипеде научил ездить.

С работой поначалу не ладилось, своих автомехаников хватало в городе. Но ничего, потихоньку клиентами оброс. Инга выдохнула немного. Даже улыбаться начала, оттаяла. Вышла на работу в поликлинику, хоть глаза от ногтей подняла, людей увидела. *Жизнь-то налаживалась.*

Петю отдали в садик. Черноволосый крепенький ушастый мальчишка ни минуты не мог усидеть на месте. В четырёх стенах хандрил, задирает такого же лопухого, но худенького и нескладного Павлушу, не понимая, почему брат сидит в коляске и не хочет играть в догонялки. Со временем, конечно, Пете объяснили, что Павлик немножко другой, он не будет бегать и прыгать, но всё равно всегда будет самым лучшим Петиним другом, самым близким и родным. И самое главное – Павлика нужно защищать, никому не давать в обиду. Петя же старший. На целых два часа. Он и защищал. Когда стало хватать силёнок, катал коляску с братом, развлекал его рассказами из садика, смешил и тормозил. Первым делом после возвращения домой бежал к Павлуше – проверить, всё ли в порядке. Павлик брата обожал, без него тосковал и куksился. *Так близнецы же.*

(Окончание следует)

Страницы автора
soyuz-pisatelei.ru/agafonova
vk.com/agafonovalarisa

Владимир Гакштетер

Сочи, Краснодарский край

Минутный беспредел

Рассказ

*Возмездие всегда придёт,
Пусть хочешь ты или не хочешь,
Судьба твоя тебя найдёт,
А ты заплачешь, захохочешь...*

*Когда душа твоя огнём,
Для мести ищет злое жало,
Не спишь ночами, зришься днём,
Ты только помни: лишь начало...*

*Всех бед твоих, душевных ран,
Сокрыто в этой злобной мести.
В ней нет победы, лишь обман,
Для мозга яд, подобный лести.*

*Ты струн возмездия не тронь,
Их музыку опасно слушать,
Судьбы своей крутой излом,
В тех звуках могут слышать души.*

*Возмездие – богов удел,
Ведь их начало – нами править!
А наш минутный беспредел,
Порой всей жизнью не исправить!*

Если вы, приехав в Сочи, захотите побывать на горе Ахун – а вы обязательно захотите, – то, когда подниметесь на башню, расположенную на вершине горы, гид-экскурсовод непременно покажет Орлиные скалы. При этом он расскажет легенду о Прометее. О том самом Прометее, который принёс нам, людям, огонь и которого Зевс за ослушание приказал приковать к этим скалам. Каждый день прилетающий орёл клевал незащитного мученика. Но нашлась девушка по имени Агур, пожалевшая Прометея. Она стала приносить ему воду, чтобы облегчить страдания. А однажды Ахын, бог скотоводства, вероятно, влюблённый в девушку, узнал об этом и в наказание приказал сбросить её со скалы в ущелье. Агур превратилась в реку, которую так и называют – Агура. Но и сам бог Ахын превратился в гору Ахун.

Античные мифы о Прометее, легенды, сказания народов Кавказа – их много, самых разных и очень трогательных. Но мы, современные люди, с уважением относимся к этим легендам, всё-таки больше воспринимаем их как сказки. Да и как ещё воспринимать то, что девушка превратилась в реку, а злобный бог – в гору...

Я же хочу поведать вам, быть может, тоже легенду... или даже вполне реальную историю, которая могла произойти здесь, в Сочи, какую-то сотню лет назад. Многие рассказывали её мне в детстве, и теперь я попробую поделиться ею с вами...

Судьба человеческая

История эта произошла в начале двадцатого века в совсем ещё небольшом городке Сочи, расположившемся на Черноморском побережье. Город того времени и близко не напоминал сегодняшний курорт, да и какой-либо курорт вообще. Море, тёплое и ласковое, было и тогда, пляжи были, и солнце, конечно, было. У самого моря стояли дачи, виллы московских богачей, а город простирался лишь до территории нынешнего центрального рынка и железнодорожного вокзала. Грязные узкие

улицы, маленькие домики, а за городом – утопающие в зелени сады... Всё это лучше было рассматривать издали, не удаляясь от моря далее, чем на километр, потому что разливающиеся временами бурные горные реки оставляли после себя множество озёр и ручейков. Всё это зарастало небольшими деревцами, кустарниками, которые следующий же паводок уносил в море. В заболоченных местах в громадных количествах водились комары, и спасение от них было только у моря...

Имя этого человека точно неизвестно. Я слышал, что его звали Аслан. Одни говорили, что он грузин, другие – армянин или осетин. Не думаю, что сегодня это имеет большое значение. Аслан по тем временам был местный богач и жил на горе, недалеко от сегодняшней Мацесты, где всегда свежий воздух и почти нет комаров. Он владел огромным участком земли с садами и виноградниками и, конечно, большим каменным домом.

Дома Аслана ждали любимая жена и единственная малышка-дочь Айнур, имя которой означает «луч света». Аслан, очень жёсткий и даже жестокий человек, дома, среди своих женщин превращался в нежного пушистого котёнка. Он безумно любил жену и готов был выполнить любое её желание. А скромница просто любила мужа, отдавая ему всю себя. У них не было сына, и тем не менее Аслан никогда не упрекал жену за это. Он верил, что однажды Бог услышит его просьбы и даст ему наследника. Но судьба распорядилась совсем по-другому...

Я заметил, что там, где всё очень хорошо, даже слишком хорошо, всегда вдруг что-то происходит, и это хорошее становится таким же, как и у всех – обычным, серым, тоскливым и безрадостным. Почему так происходит? Человеческая зависть, ненависть к тем, у кого всё хорошо и ладненько? Не знаю. Однако через два года после рождения дочери жена Аслана заболела и скоропостижно умерла. Горе, постигшее этого совсем ещё молодого человека было

неизмеримо. Он не смог найти себе другую женщину, хотя в округе красавиц было предостаточно. Но вот так...

Айнур заняла в жизни Аслана место и дочери, и жены. Ей по наследству досталась вся любовь, на которую был способен её отец. Аслан богател, но для кого это всё было нужно, как не для единственной Айнуры? Каждый день любящего отца начинался с того, что он шёл в комнату девочки и интересовался у кормилицы, как спала дочка, что маленькую беспокоило. В любой день Аслан готов был привезти для неё самого лучшего врача или отвезти её в больницу, но малышка почти не болела, росла активной и весёлой. Всё детство Айнур прошло в родительском доме. Здесь же, на большой поляне перед домом собирались соседские мальчишки и девчонки. Они бегали по полям, резвились в садах, гуляли с взрослыми в лесу. Несмотря на бесконечную любовь к дочери, отец никогда не выделял её среди сверстников, и девочка росла скромной и застенчивой. Он видел в ней черты характера матери и очень радовался этому. Именно такой должна быть женщина на Кавказе.

Шли годы, маленькой девочке исполнилось двенадцать лет. Всё чаще Аслан задумывался о том неизбежном, что должно было случиться в её жизни. Он не представлял себе, что когда-то доверит свою девочку чужому мужчине и тот станет её мужем, отцом её детей. Его отношение к мальчишкам их селения изменилось настолько, что в окружении Айнур остались одни девочки. Но был соседский мальчик Алёшка – русский, которого Аслан не мог устранить из окружения дочки. Алёша и Айнур были ровесниками, и их матери с первых дней растили детей вместе. Когда девочка лишилась матери, её место практически заняла мама Алёшки. Аслана такое положение не очень устраивало, но интересы дочери для него всегда были превыше всего. Маленькая Айнур плакала без Алёшки, а тот поднимал скандал, когда рядом не было подружки. А однажды произошёл случай,

который навсегда открыл двери Алёшке в семью Айнур...

Большая чёрная гадюка грелась в лучах весеннего солнца в центре цветника. Она не собиралась ни на кого нападать, но Айнур, разглядывая прекрасные цветы, слишком близко к ней подошла. Девочка не чувствовала опасности и напевала любимую песенку. В этот день отец совершенно случайно оказался дома и, стоя у окна, любовался своей красавицей. Рядом с Айнур, как всегда, был Алёшка, и он первым заметил змею, готовую броситься на девочку. Аслан видел, как мальчишка схватил руками почти двухметровую гадюку и отбросил её как можно дальше. Но та, конечно, успела укусить ребёнка. Аслан немедленно отвёз мальчика в больницу. Через несколько дней маленький герой уже был дома, и с тех пор Аслан относился к нему как к родному сыну...

Запретная любовь

Истинное счастье наблюдать за тем, как малыши растут, познают окружающий их мир. Ничего ещё не понимающие, даже не воспринимающие как опасность край кроватки или ступеньки на лестнице, они осваивают всё это с вашей помощью. Но проходит время, и они уже бегают, да так, что не догонишь. Взрослеющие дети – это уже немного другое счастье, часто сопряжённое с беспокойством за то время, когда они предоставлены сами себе. Дети продолжают расти, но счастье всё равно остаётся, и к нему прибавляется радость и переживание за их успехи или неудачи. Как там будет дальше, как устроится их жизнь?

Выросли и Алёшка с Айнур. Алёша хорошо знал своё место, понимал, что девушка, которой уже исполнилось пятнадцать, навсегда останется его сестрой. Он, как верный друг, всегда был рядом. Аслан много общался с юношей, доверял ему и рассчитывал в будущем устроить его судьбу, найти для него хорошую невесту. Алёшка же любил Айнур, и совсем не как

сестру, но даже самому себе боялся в этом признаваться. Он осознавал, что его любовь разрушит всё: его жизнь, жизнь его любимой, навсегда разлучит их. Айнур тоже любила Алёшу, и тоже не как брата. Как-то они вдвоём забрались на Орлиные скалы. Их часто водили туда взрослые, рассказывали ту самую легенду о Прометее и Агур, показывали скалу, к которой, по преданию, был прикован Прометей. У них даже был свой камень – огромный кусок скалы, лежавший очень близко к краю пропасти. Около этого камня девушка и призналась Алёше в своей любви – она знала, что первым он никогда этого не сделает. Айнур пообещала любимому, что постарается уговорить отца не выдавать её замуж за другого.

А этот «другой» уже наметился. Один юноша из хорошей семьи увидел Айнур и, похоже, влюбился. Его родители встретились с Асланом, которому парень понравился, и в ближайшие дни отец намеревался поговорить с дочкой...

Беспредел

А через день Айнур вдруг исчезла. Утром, как обычно, Аслан постучал в её дверь, но никто не ответил. Встревоженный отец вошёл в комнату и обнаружил, что дочь не ночевала дома – её постель была заправлена. Аслан обыскал всё, но нигде её не нашёл. «Сбежала» – первое, что пришло ему на ум. Но сбежать Айнур могла только с Алёшей. И он приказал привести к нему юношу. Алёша был дома и сам ничего не знал. Тогда к Аслану подошёл старик сторож. Он рассказал, что видел из окна, как Алёшка поздно вечером провожал девушку домой и как они целовались у угла дома.

«Целовались! Значит, любовь у них! Значит, пригрел у себя под боком негодяя и предателя», – рассуждал теряющий последнее самообладание Аслан. Он приказал своим людям отвести Алёшу в подвал и поговорить с ним как следует.

– Пусть скажет, где моя дочь, а затем выбросьте его за ворота! – кричал он.

Почти весь день взрослые мужчины избивали юношу, но ему нечего было сказать. Результата не дали и поиски Айнур – она бесследно исчезла. К следующему утру Алёша не выдержал пыток и избиений, потерял сознание и умер. Перепуганный Аслан приказал отнести его на Орлиные скалы и сбросить оттуда.

– Все подумают, что парень прыгнул со скалы из-за Айнур, – объяснил он.

Так и сделали. А через два дня охотники принесли домой Айнур. Нашли её в лесу в заброшенном домике. Девушка лежала там связанная и едва-едва стонала. Её тело было настолько изуродовано, что все решили, что она непременно умрёт. Аслан понял, что Алёша тут ни при чём, не мог он так надругаться над любимой...

Деньги! Счастье, достаток, спокойствие и удовлетворение приносят они в дом, когда заработаны честным трудом. Это человеческий закон денег. Фактом является и то, что если в одном месте денег прибавляется, значит, в то же время где-то их убавляется. И хорошо, если убавление это происходит по доброй воле, с радостного согласия заплатившей стороны. А если нет?

Аслан зарабатывал деньги всю жизнь. Его люди работали на виноградниках, в садах, а он платил им мизерную зарплату, зная, что они никуда не могут уйти с родной земли. Пользуясь трудным положением своих партнёров в городе, он покупал, продавал, обменивал всё на всё, неизменно извлекая выгоду, и не считал зазорным забрать у человека последнее. Но, живя в состоянии, он не мог не замечать, насколько сильно его ненавидят люди, косвенно ставшие по его вине бедными или вовсе нищими...

Теперь Аслан был уверен, что всё, что произошло с его дочерью, сотворили его враги. Но их было очень много, и определить, кто именно это сделал, быстро он не мог. Да и возможности не было. Нужно было спасать дочь. Айнур лежала в самой

дорогой палате больницы, за ней ухаживали лучшие врачи и персонал. Девушка была без сознания. Аслан не отходил от неё, готов был взвыть, как раненый зверь, – и выл, когда в палате не было никого. Его сердце разрывалось от горя. Он едва не потерял единственную дочь, надежду всей его жизни. Он убил Алёшу, которого любил как сына, и теперь не мог простить себе того гневного порыва. Он не знал, что сказать Айнур об Алёше, когда она очнётся. Думая в эти минуты о прошлом, Аслан вдруг понял, что лучшего жениха для дочери, чем Алёша, не существовало на свете. Он сам, своими руками разрушил всё, что с таким трудом всю свою жизнь строил...

Алёшу нашли лесники на четвёртый день. Один из них обратил внимание, что птицы кружатся как раз над той скалой, где по преданию был прикован Прометей. Лесник посмотрел на скалу в бинокль и увидел лежащего на уступе человека. Срочно вызвали альпинистов, и вскоре тело юноши спустили. На уступе он лежал лицом вниз, птицы его не повредили, и потому опознать Алёшу было нетрудно...

Айнур поправлялась тяжело. Ещё совсем дитя, она подверглась такому изощрённому насилию, которое трудно себе представить. И если молодое тело оживало, затягивались раны, то душа девушки ещё очень долго металась между жизнью и смертью. Убийцы не решились добить её в лесном домике, но надеялись, что она без помощи умрёт сама. Они хорошо знали, как отомстить Аслану, где его самое больное место. Злодеи выследили влюблённых, дождались, когда Алёша, проводив девушку, пойдёт обратно, и выкрали её на пороге собственного дома. Очнувшись, Айнур ничего не смогла рассказать о своих похитителях. Их было трое или четверо. На вопрос дочери об Алёше отец сказал, что он ищет бандитов. Девушка была ещё слишком слаба, чтобы узнать правду.

Прошёл месяц. Айнур уже была дома, и Аслан в конце концов был вынужден рас-

сказать ей, что Алёша не пережил ту ночь, когда её украли. Он рассказал, что юношу нашли у подножия Белых скал. Бедная девочка долго плакала, оделась во всё чёрное и объяснила отцу, что теперь будет носить траур всю жизнь. Но она не рассказала ему, что жить без Алёши не собирается...

Наступил сороковой день со дня гибели Алёши, и вдруг Айнур опять пропала. Теперь её искали всем селением, осмотрели все дома, постройки в округе, а нашли на следующий день у подножия той же скалы. Несчастливая девушка бросилась вниз не в силах пережить потерю любимого. Она не превратилась в реку, но душа её так и осталась там.

Теперь наступил черёд Аслана пережить то, что ему уготовила судьба. Похоронив Айнур, он целый год почти не выходил из дома. Он забросил все финансовые дела, а дом, землю и огромные деньги переписал Алёшиной матери, у которой было ещё двое детей. К годовщине трагических событий на могилах Айнур и Алёши стояли два одинаковых памятника из белого мрамора. Их и сейчас можно найти на старом кладбище. Ещё какое-то время Аслан ходил к могилам, а после года исчез...

Но с тех пор на горе Ахун появился старик. Где именно он там жил, неизвестно. Возможно, в каком-нибудь домике, а скорее всего, в Ахунской пещере. Все, кто встречал старика, говорили, что не слышали от него ни единого слова. В руках у него всегда была большая узловатая палка, отполированная руками настолько, что блестела, как лакированная. Когда в тридцатые годы на Ахуне была построена башня, старик каждый день приходил к ней, поднимался на самый верх и подолгу смотрел на Белые – Орлиные скалы. О чём он думал в эти минуты, что просил у Бога? Прощения? Вряд ли. Он сам для себя был и судьёй, и тюремщиком, и палачом. И если посмотреть на старые фотографии, сделанные в районе башни в то время, наверняка где-то можно увидеть этого старика...

Поход

Когда мне было пятнадцать – шестнадцать лет, а это был 1966 год, июнь – июль месяц, мы с друзьями решили забраться в Ахунскую пещеру. Приготовили фонарики, новые батарейки к ним, спички и свечи. Нас было четверо. Родителям мы сказали, что идём в поход на гору Ахун – там много заброшенных садов, может, что-нибудь наберём. Сейчас с ужасом представляю, чтобы кто-то из моих мальцов отважился на такое. А тогда мы были герои – некому было задницы нам надрать.

Подшли мы по тропе к пещере. Вход – просто дыра между камней. Пригибайся и заходи. Попадаешь в небольшое низкое помещение с новым отверстием впереди. Так мы прошли три уровня и выбрались в большой зал. О высоте зала сложно говорить, потому что он вытянут вверх, но примерно – четыре-пять метров. Зал освещён благодаря нескольким отверстиям в потолке. В углу видим дыру приличного размера. Мы, конечно, туда. Там очередное помещение, но уже совершенно тёмное. Так мы прошли ещё пять или шесть ярусов, пока не достигли дна пещеры. Вокруг мокрая глина, небольшие сталактиты, с которых капает вода. К счастью, летучих мышей там не было. И вот в самом низу наши фонарики вдруг разом начинают бледнеть и очень быстро гаснут. Особенно не пугаемся и зажигаем свечи. Но в пещере гуляет ветерок, который так и норовит задуть огоньки. Быстро выбираемся в зал.

Опасность миновала, и мы решили осмотреть его. Пол зала состоит из больших плит, которые, как ступени, поднимаются вверх по горе. И вот только теперь мы почувствовали запах костра и увидели небольшой дымок, поднимающийся к потолку. На одной из плит, метрах в десяти от нас мы заметили лежанку и человека. Он сидел у костерка молча, повернувшись к нам спиной, и тень его вместе с дымком покачивалась на стенках пещеры. В одну секунду

вспомнили легенды, которые нам рассказывали. У страха глаза велики – и мы как ошпаренные бросились из пещеры. Может, это сам Ахын – хозяин пещеры и бог? Глупость, конечно, мы и тогда так не думали. А вот то, что это старик Аслан, – вполне вероятно. К тому времени ему лет семьдесят или восемьдесят могло быть. Одно хорошо помню – жилая была пещера...

Выскочили мы наружу, посмотрели друг на друга, извазюканных в грязи, посмеялись над своим видом да и пошли вниз на Агурские водопады – глинку смывать. Идём по тропе и видим – поперёк тропы лежит убитая большая чёрная гадюка. Мешала кому-то. Только собрались дальше двигаться, дружок мой Сашка и шепчет: «Смотри! Рядом, в кустах!» Там вторая такая же гадюка, живая. То ли он, то ли она защищать свою пару приползла, а может, отомстить. Мы кое-как её сторонкой обошли – всё-таки горе, хоть и не человеческое.

Добрались мы до водопадов, выбрали себе полянку рядом с Чёртовой купелью. Не знаю, почему так называли это прекрасное место. Чистейшая вода, крупные, просто огромные раскалённые на солнце камни. Быстро раздеваемся и стираем свои тряпки. Но вымазать легко было, а вот отстирать одежду удалось не очень. Через час-полтора всё на камнях высохло, мы накупались

и позагорали. Надеваем окаменевшие штаны и рубашки и идём полтора километра до автобусной остановки. В то время слово «бомж» как-то не применялось, но пассажиров автобуса мы своим видом смутили. Доехали до вокзала – и по домам, отмокать в ваннах.

Если когда-то у вас появится желание побывать в этой пещере, реализуйте его обязательно – не пожалеете. Как её найти я подскажу: когда стоите лицом к башне на горе Ахун, зайдите за башню по направлению левой руки и увидите хорошую тропу. Она вас и приведёт к пещере Аслана. А вот гадюк не убивайте. Запомните: они там хозяева, а мы гости, только не всегда достойные...

Вот такая у меня получилась история. К сожалению, совсем нерадостная. И только хочется ещё раз повторить:

*А наш минутный беспредел
Порой всей жизнью не исправить!*

Страницы автора
www.proza.ru/avtor/zerdym
stihi.ru/avtor/zerdym

Ольга Митькина

Москва

Слава

В тот день солнце светило особенно ярко. Возникало ощущение чуда!

Слава встал раньше обычного, не спалось. Вздохмаченный, он прошёл на кухню. Автоматическим движением поставил на огонь турку, чтобы выпить традиционную крепкую утреннюю чашку кофе. Потом наскоро умылся. Включил чёрный ноутбук. Экран засветился голубоватым светом.

«Введите логин и пароль».

Он набрал заветные буквы и увидел длинный список новых писем. Это были рассылки, но одна из них привлекла его внимание: «Работа для студентов-программистов».

«Как раз для меня!» – подумал Слава.

Тем временем бодрящий аромат кофе наполнил всю комнату. Парнишка вернулся на кухню и налил горький напиток в любимую белую чашку с толстыми стенками и надписью: «Риск – благородное дело». Глотнул немного ароматного кофе.

Затем снова подошёл к компьютеру и открыл отмеченное сообщение:

«Срочно ищем разработчика приложений в крупную компанию.

Мы ожидаем, что Вы:

- не менее года программируете на Java;

- как минимум год занимались разработкой Android-приложений;

- владеете параллельным и многопоточным программированием;

- знаете классические алгоритмы и структуры данных».

Слава учился в университете на факультете компьютерных технологий. Отлично знал всё вышеупомянутое.

Как раз сейчас он закончил один проект, который длился почти год, и искал новую интересную работу.

В течение последних нескольких лет он закончил множество компьютерных курсов по программированию заочно. Уже имел опыт работы в нескольких компаниях. Резюме у него всегда было наготове и хранилось на известных сайтах по трудоустройству. Отклик на предложение не занял много времени.

Он отправил письмо и пошёл на кухню, чтобы сделать бутерброд с сыром. Внутри возрастало странное волнение.

Через несколько минут Слава услышал звук, означающий, что в электронной почте появилось новое письмо. Он метнулся обратно к ноутбуку. Открыл сообщение. Оно гласило:

«Добрый день! Ваше резюме нас заинтересовало. Мы хотели бы пригласить Вас на собеседование с руководителем департамента сегодня в 15:00. Наша компания находится по адресу... С уважением, специалист отдела кадров Екатерина Вишнякова».

Немедля он бросился набирать ответ:

«Здравствуйте, Екатерина! Получил ваше письмо. Благодарю вас за приглашение. Обязательно буду на собеседовании в назначенное время. С уважением, Вячеслав Иванов».

До встречи оставалось не так уж много времени. Слава решил продумать, в чём пойдёт. Достал из высокого деревянного шкафа чёрный классический костюм, белую накрахмаленную рубашку из химчистки, чёрный строгий шёлковый галстук. Примерив, решительно снял и повесил обратно.

«Пожалуй, пойду так, как обычно: в синем джемпере, белой майке и тёмно-синих джинсах. Компания у них демократичная, работать можно будет из дома. Думаю, что такой вольный стиль им даже понравится», – решил он.

Парень быстро оделся в привычные вещи и выбежал из дома. Чтобы унять внутреннее беспокойство, Слава решил прогуляться по окрестностям офиса возможного работодателя. Он находился в районе старой Москвы.

На месте, где сейчас располагался известный бизнес-центр, когда-то работала самая крупная шелкоткацкая фабрика в Российской империи. Выпускались высококачественные шёлковые ткани для подкладок и платьев петербургских модниц. Ею владел француз из Лиона, купец московской гильдии Клавдий Осипович (Клод-Мари) Жиро. После революции, в 1919 году фабрика была национализирована. Продолжала поставлять на российский рынок ткани. В 1990-х производство на территории фабрики прекратили. А в начале 2000-х открыли бизнес-центр, каждый корпус которого назвали в честь великих российских промышленников: «Морозов», «Мамонтов», «Рябушинский» и так далее. Теперь всюду красовались кафе и рестораны, мелкие лавочки с сувенирной продукцией для иностранцев. Кроме того, в бывшей фабрике разместился музей старых компьютеров.

Слава решил в него заглянуть. Внутри практически никого не было, кроме бородатого и полного мужчины в белой футболке с крупной надписью «I want to change the world». Он, как музейный смотритель, должен был наблюдать, чтобы никто ничего не сломал. Все компьютеры в рабочем состоянии находились в открытом доступе. Любый желающий мог подойти и попробовать на нём что-то нарисовать или написать. Однако музей был пуст, поэтому мужчина уснул, развалившись на старом кресле, да так крепко, что, подойдя поближе, можно было услышать его храп.

«Вот и хорошо, что смотритель спит. Никто не будет отвлекать меня пустыми раз-

говорами. Сейчас быстро всё посмотрю и сяду у старого “Макинтоша”, настроюсь на встречу».

Парнишка тихо, чтобы не разбудить мужчину, обошёл все компьютеры, ненадолго задерживаясь у каждого экспоната.

Вот этот он увидел в школе на самом первом уроке информатики. Слава тогда ещё и не предполагал, что станет программистом. Вот на этом играл в свою первую компьютерную игру с соседом Сашкой, когда мать с отцом ушли в гости к друзьям. А на этом отправил своё первое письмо другу из Германии. Целая жизнь промелькнула за несколько минут перед глазами. Завершив небольшую экскурсию, он опустился на серый крутящийся стул около «Макинтоша».

«Макинтош» с детства был его любовью. Возможно, что и программистом Слава стал, потому что безмерно восхищался Стивом Джобсом, «отцом цифровой революции» – человеком в чёрной водолазке, потёртых джинсах и кроссовках, покоровшим сердца миллионов по всему миру. Парень знал, что Джобс руководил разработкой iMac, iTunes, iPod, iPhone и iPad, а также развитием Apple Store, iTunes Store, App Store и iBookstore.

«Вероятно, спящий человек напротив тоже мечтал быть как Джобс, поэтому и надел такую футболку», – мелькнуло в голове у Славы.

Чтобы не слышать храпа и не отвлекаться на происходящее вокруг, Слава вынул чёрные наушники и включил любимую музыку – «Мечту» Федерика Шопена. Под звуки композиции стал размышлять, какие вопросы могут задать на собеседовании.

Первый вопрос, что пришёл в голову, звучал так: «Почему Вы хотите работать именно в нашей компании?» Надо бы о них побольше почитать. Парень достал телефон и стал искать по поисковикам преимущества работы в компании Y, кроме известного бренда и удобного месторасположения офиса.

Слава сделал неожиданное открытие: два раза в год в компании проводятся концерты, на которых выступают музыкальные группы сотрудников. В честь праздников

тил мужчина, и тогда в коллективе присутствовали вдохновение и энтузиазм.

Как и ожидалось, интервьюер спросил Славу, как и почему он стал программистом, на каких языках умеет программировать. Единственный вопрос, который давался Славе с трудом, звучал так: «Где Вы видите себя через 5 лет?»

Жизнь часто бывает крайне непредсказуемой, поэтому юноша и представить себе не мог, куда его может забросить через пять лет. Однако на этот вопрос среди его однокурсников принято было отвечать, что он видит себя в роли руководителя подразделения информационных технологий в крупной компании, поэтому Слава так и сказал. В конце встречи договорились созвониться на следующий день.

Несмотря на то что результат ещё был неизвестен, Славе казалось, что всё прошло нормально. В приподнятом настроении он позвонил Алине, как только вышел из здания, с надеждой на встречу вечером.

Алина ехала из университета домой. Он слышал гул улицы в трубке. Её голос звучал уставшим. Тем не менее она согласилась на встречу через час у неё дома.

Окрылённый, Слава купил букет голландских роз в палатке около метро и нырнул в подземку.

Они познакомились с Алиной в университетской библиотеке в начале года. Высокая, стройная, с длинными тёмными волосами, внешне она ему сразу понравилась. Парень тогда решил пригласить её на чашку кофе. Она согласилась. Они разговорились. Оказалось, что Алина учится на том же факультете, что и он. Необычная профессия для девушки. «Наверное, она умная», – подумал тогда Слава.

Через неделю она уже пригласила его домой. Они вместе слушали музыку, варили пельмени и танцевали. Первой их песней стала «She will be loved» «Maroon 5».

*Tap on my window knock on my door
I want to make you feel beautiful
I know I tend to get so insecure
It doesn't matter anymore*

*Постучи в моё окно, постучи в мою дверь.
Я хочу, чтобы ты
чувствовала себя прекрасной.*

*Я знаю, что на меня нельзя положиться,
Однако это не имеет уже значения.*

Он прикасался щетиной к её гладкой щеке. Они танцевали, прижавшись к другу. Потом Слава предложил ей встречаться, и она согласилась. Казалось бы, теперь должно было наступить безоблачное счастье, но...

Ему приходилось много работать. Слава приехал поступать в Москву из одного южного города. Родители сами жили небогато, поэтому приходилось искать любую возможность для заработка. Он писал приложения, разгружал ящики с товаром в магазинах, торговал на воскресных рынках, писал на заказ курсовые, ездил по домам и чинил компьютеры.

Алина выросла в обеспеченной московской семье. Учёба в университете была её единственной заботой. Она очень ревновала Славу к работе. Ей хотелось, чтобы теперь всё время парень проводил с ней. Иногда доходило до бурных сцен.

Иногда Славе хотелось уйти от неё навсегда, но после нескольких дней разлуки он понимал, что-то необъяснимо тянет его к ней. Он вспоминал, как сжимал её пальцы в своих, как они целовались, сбежав ото всех, под тополем возле университета. В такие моменты он набирал её номер и мчался к ней, где бы девушка ни находилась, даже после тяжёлого дня.

Сегодня Слава собирался рассказать ей о собеседовании. Кроме того, предвкушал романтический вечер с приятной музыкой при свечах.

Алина жила одна – родители купили ей квартиру, как только она поступила в университет, – поэтому никто и ничто не должно было помешать этим планам сбыться.

Слава вышел на знакомой станции, надел наушники и пошёл к дому девушки. Он опять слушал «Maroon 5». Сегодня почему-то хотелось слушать эту группу снова и снова.

*So glad I met you
Take my breath away
Make everyday
Worth all of the pain that I have gone through*

*Я так рад, что встретил тебя.
Возьми моё дыхание,
Сделай так, чтобы каждый день жизни
Стоил боли, через которую я прошёл.*

На улице уже зажглись фонари. Город стал праздничным и таинственным. Слава увидел Алину, когда подходил к подъезду. Она куталась в огромный белый шарф, замотанный вокруг шеи. Шапка с огромным помпоном почти напознала на глаза.

– Привет! Как твои дела?

– Привет! – вместо ответа она кинулась в его объятия, стиснув почти до боли. – Как же я по тебе скучала!

– И я... я тоже очень скучал! Вот, тебе розы купил, – Слава вручил ей букет.

– Какая прелесть! – воскликнула Алина и закрыла глаза, вдыхая тонкий аромат любимых цветов.

Затем они открыли подъезд, поднялись на тринадцатый этаж. Вошли в квартиру. В воздухе пахло ванилью и корицей.

– Надо же! Купила утром себе пару булочек к завтраку из французской булочной за углом – целый день прошёл, а запах остался. Кстати, ты голоден?

– Не очень. А ты?

– А мне сегодня в университете так и не удалось нормально поесть. Так голодна, что, кажется, я съела бы целого слона.

– Давай пожарим стейк и сделаем огромную миску салата из помидоров и огурцов.

– Давай.

– Как прошёл твой день в университете?

– Да вроде бы нормально. А как твои дела?

– А я сегодня ходил на собеседование в компанию «У». Завтра должны позвонить.

– Я уверена, что всё будет хорошо и ты получишь эту работу, – сказала Алина, ставя букет в изящную хрустальную вазу. Ты такой молодец! – девушка повернулась к Славе, обхватила его руками и

стала страстно целовать. Он не сопротивлялся.

Через некоторое время в воздухе появился запах сильно зажаренного стейка.

– Кажется, пора снимать мясо с плиты, а то мы получим только обгорелые угли.

Слава занялся мясом, а Алина начала строгать салат. Вскоре они красиво сервировали стол, зажгли свечи и сели ужинать.

– А знаешь, если я получу эту работу, то в июле, после сессии, мы сможем поехать вдвоём на море в Крым. На пару недель. Что скажешь?

– Здорово! С тобой – хоть на край света!

– Я уже представляю, как мы купаемся в море целыми днями. Вечерами бродим по берегу и слушаем волны. А если вдруг не получу эту работу и денег не будет, поедем к моим родителям. Там у нас тоже здорово в деревне! Свои кролики, куры, козы, большой яблоневый сад...

– Хорошо. Договорились.

После ужина они, обнявшись, валялись на диване и смотрели фильм «Дом у озера». Это была одна из их любимых картин. Так и уснули.

Рано утром Алина встала первой. Сварила ароматный кофе, пожарила яичницу-глазунью на двоих. И пошла будить Славу.

Он безмятежно спал, раскинувшись по всей кровати. Девушка подошла и нежно его поцеловала.

– Вставай, любимый. Нам пора в университет, а то опоздаем. Я приготовила завтрак. Буду ждать тебя на кухне.

– Иди ко мне, – произнёс Слава и притянул девушку к себе.

– Мы же опоздаем...

– Ладно, иду, иду.

После завтрака они быстро оделись и вышли из дома.

Уже светало. Между домов виднелась тоненькая розовая полоска неба.

В момент, когда они собирались спуститься в метро, на Славин телефон раздался звонок с незнакомого номера. Это оказался вчерашний интервьюер.

– Добрый день! Можете говорить?

– Могу.

Иллюстрация Екатерины Власенко

– У меня для вас отличные новости! Вы вчера успешно прошли тестирование. Мы принимаем вас на работу! Только есть единственный нюанс. Ваше постоянное место работы будет в Москве, однако новые сотрудники – разработчики приложений несколько месяцев проходят стажировку у наших партнёров в США. Вам, вероятнее всего, придётся решить этот вопрос с университетом. Подумайте, согласны ли вы на такие условия. Сегодня-завтра я жду вашего звонка с ответом. Если да, то приезжайте в эту пятницу к нам в офис – будем оформлять документы.

Алина выжидающе замерла рядом, чтобы услышать результат разговора.

– Ну что?

– Я получил предложение о работе, но на несколько месяцев надо будет уехать на стажировку в США.

– Ты согласишься?

– Думаю, да. Такой шанс выпадает нечасто, – он увидел, как Алина сникла и погрузилась. – Да ты не расстраивайся! Мы

будем каждый день разговаривать по видеосвязи в «Скайпе». Будем постоянно общаться по WhatsApp. Мы же живём в веке цифровых технологий! Будем писать письма друг другу по электронной почте. За учёбой ты и не заметишь, как быстро пролетит время. Я заработаю денег, и мы поедем летом в Крым, как и хотели!

Он обнял девушку, но та быстро вырвалась и не оглядываясь вошла в метро.

«Не буду думать об этом сейчас. Поеду уладить дела в университете. Вечером подумаю, как поднять Алине настроение».

В университете Слава направился сразу в деканат. Объяснил ситуацию и договорился о досрочной сдаче сессии через две недели.

Потом попытался найти Алину, но её нигде не было.

Ребятам до самого отъезда он решил ничего не говорить. Как обычно, отсидел первые три пары, постоял у лестницы с однокурсниками, послушал университетские байки. Затем позвонил в компанию «У» и ответил, что согласен и может приехать уже с документами. Договорились через два часа.

Попрощавшись с однокурсниками, Слава выбежал из университета и поехал в сторону нового офиса.

Юноша подумал, что следует срочно найти себе друга по переписке в США, чтобы подтянуть английский язык. По дороге он изучал сайты для языковой практики иностранцами: Italki, SkyEng, Hellolingvo. Он зарегистрировался сразу на нескольких. Дорога до офиса пролетела мгновенно.

Когда он подошёл к охране, его уже ждала сотрудница отдела кадров, высокая блондинка с ярко накрашенными губами.

Они пошли в переговорную. Во второй раз Слава присмотрелся к офису более внимательно. Он заметил, что у некоторых сотрудников на рабочем месте были домашние животные. У одного из программистов на коленях дремал пушистый серый кот. Парень одной рукой время от времени чесал кота за ухом и расплывался в довольной улыбке.

«Как только вернусь из Штатов, тоже заведу себе кота и буду брать его на работу», – подумал Слава.

В переговорной девушка положила перед ним стопку бумаг и попросила всё заполнить и прочитать. Слава порадовался, что у него с собой были все необходимые документы. Первые месяцы жизни в Москве его часто останавливали полицейские с требованием предъявить документы. С тех пор парень всегда носил паспорт и свидетельство в рюкзаке.

Юноша заполнил все бумаги. Кроме стандартного набора, там встретилось описание места, в котором ему предстояло пройти стажировку. Он уже знал, что в Маунтин-Вью расположены офисы «Гугл» и «Майкрософт», а также музей компьютерной истории, но в брошюрке содержалась информация о погоде, университетах в округе, местах, где можно вкусно поесть, и так далее. Он уже представлял, как ходит по тем же улицам, по которым ходили Стив Возняк, Стив Джобс, Билл Гейтс и Пол Аллен. Его размышления прервала сотрудница из отдела кадров, ворвавшаяся в переговорную как вихрь. Он отдал ей заполненные документы и вышел из офиса.

Покинув офис, снова набрал номер Алины. Она не отвечала. Слава решил поехать к её дому, по пути подбирая слова утешения. Никого не было. Он заглянул во французскую булочную за углом и купил свежих круассанов. Девушка их очень любила. Вернулся к подъезду. В этот момент раздался звонок. Это оказалась Алина.

– Привет! Как твои дела? Ты сейчас где? Я стою около твоего дома. Ты скоро будешь?

– Я не хочу тебя сегодня видеть. Ты ведь собираешься от меня уехать. Ты уже сделал свой выбор!

– Перестань, Алина, успокойся! Приезжай, я подожду. У меня для тебя сюрприз!

Последние слова девушка, скорее всего, уже не слышала. В трубке раздались длинные гудки.

«Ну что, – Слава, хоть и был раздосадован реакцией девушки, не растерялся, – раз вечер освободился, поеду домой – посмотрю, кто сидит на сайтах общения на английском языке».

Дома он сварил себе макарон с сыром. Налил огромную чашку крепкого англий-

ского чая и стал искать людей, проживающих в окрестностях Маунтин-Вью. Через пять минут он увидел профиль парнишки примерно одних с ним лет и набрал сообщение на английском:

– Привет! Как твои дела? Ты живёшь в Маунтин-Вью?

Через несколько секунд последовал ответ:

– Привет! Я живу недалеко.

– Здорово! А я приеду скоро к вам из России.

– Ого!

– Как давно ты уже в Маунтин-Вью?

– Два года – с тех пор, как поступил в Стэнфорд.

– Тебе нравится там?

– Очень.

Тут неожиданно раздался телефонный звонок. Это была Алина. Без прелюдий она начала:

– Знаешь, может быть, всё-таки приедешь? Я, кажется, была неправа. Мне без тебя грустно и одиноко. Тем более что осталось уже мало времени до твоего отъезда из Москвы.

Странное дело. Он не мог долго на неё сердиться. Каждый раз, когда в трубке раздавался её голос, Слава терял силу воли.

– Хорошо. Сейчас поймаю такси и приеду.

Он набрал номер телефона известного таксопарка и вызвал автомобиль. Быстро закончил разговор с новым знакомым, пообещав выйти на связь завтра вечером, наскоро сполоснул тарелки, схватил купленные круассаны, оделся и вышел на улицу ждать машину.

Когда подъезжали к её дому, он поднял голову и увидел свет в её окне. Позвонил в домофон и, почти как птица, взлетел по ступеням наверх.

Алина встретила его в коротком розовом домашнем платье из хлопка. С распущенными длинными волосами, она была чуть-чуть похожа на спящую красавицу. Он наклонился и поцеловал её в родинку на шее.

– Привет! Прости меня за то, что не согласилась на встречу сразу. В качестве извинения я купила нам чудесного французского вина и сыра в фермерской лавке. Пойдём на кухню и устроим маленький пир!

Прежде чем она успела ускользнуть на кухню, парень схватил её за талию, прижал к себе и начал страстно целовать в губы. Прошло несколько минут, прежде чем они оторвались друг от друга и последовали на кухню.

– Какую музыку поставим?

– Что-нибудь французское. Представим, что сегодня мы в Париже. Давай «Вечную любовь» Шарля Азнавура.

*Une vie d'amour
Remplie de rires clairs
Un seul chemin
Déchirant nos enfers
Allant plus loin
Que la nuit
La nuit des nuits*

*Вечная любовь,
Наполненная чистым смехом,
Единственная дорога,
Выводящая из ада,
Ведущая дальше,
Чем ночь,
Самая тёмная ночь.*

До полуночи они наслаждались едой, смеялись, целовались и просто приятно проводили время. Обоим хотелось, чтобы этот вечер как можно дольше не кончался.

Потом Слава снял с себя браслет. Он купил его на блошином рынке в своё первое лето в столице.

– Знаешь, человек, который продал мне когда-то этот браслет, сказал, что его обладатель будет счастлив до тех пор, пока будет его носить. Мне он часто приносил удачу. Я поступил в университет, получил работу, удачно снял квартиру, самое главное – встретил тебя. Я дарю его тебе. Когда я буду в Штатах, эта вещь будет напоминать тебе обо мне и о моей любви. И у тебя всё будет хорошо.

– А я дарю тебе книгу Бориса Пастернака. Она моя самая любимая, – Алина подошла к книжному шкафу и сняла с полки книгу в бордовом переплёте, раскрыла её и начала читать одно из стихотворений Юрия Живаго:

*Сними ладонь с моей груди,
Мы провода под током. Друг к другу
вновь, того гляди,
Нас бросит ненароком.
Пройдут года, ты вступишь в брак,
Забудешь неустройства.
Быть женщиной – великий шаг,
Сводить с ума – героизм.*

Она читала, а он слушал её голос и не мог наслушаться. Одновременно ему казалось, что сейчас всё происходит не с ним, а он лишь сторонний наблюдатель чьих-то судеб.

– Спасибо. Я буду всюду носить её с собой. Как будто ты рядом.

Несмотря на нежную ночь любви, Слава встал в пять утра. Иногда он очень любил первые тихие часы дня поработать над чем-то важным. Сегодня была и ещё одна причина, почему он встал так рано. Ему нужно было заполнить документы для американского посольства. Парень не хотел расстраивать любимую, лишней раз напоминая о том, что скоро отъезд.

Он заварил крепкий кофе и сел заполнять анкеты и бланки. Скоро всё было готово. Слава с удовлетворением спрятал бумаги в рюкзак и пошёл на кухню жарить оладушки к пробуждению Алины. Он любил иногда создать какой-нибудь кулинарный шедевр, чтобы поразить девушку.

Через полчаса квартиру заполнил запах ванили и свежееиспечённых оладий, а также терпкого кофе с корицей.

Алина встала счастливой. Она на цыпочках подкралась к Славе сзади и крепко его обняла. Затем уткнулась носом в плечо, вдыхая слабый аромат его духов, смешанный теперь со вкусными запахами.

– Я тебя люблю!

– И я тебя люблю!

(Продолжение следует)

Страницы автора

www.olgamitkina.com

www.stihi.ru/avtor/omitkina

Работа делает свободным

(Продолжение.)

Начало в №№ 12/2018, 1–4/2019)

Когда я уже выбегал за околицу, откуда ни возьмись появился немецкий мотоцикл и затормозил, перерезав дорогу и закружив снег. Я прикрыл лицо рукой, зажмурившись. И вдруг немец, который сидел на мотоцикле, сказал:

– Осия?

Я почувствовал, как сердце ушло в пятки. На мотоцикле сидел Вольфганг.

– Осия? Это ты? – переспросил Вольфганг, удивлённо глядя на меня. – А мы тебя обыскались. Вот так номер.

Я почувствовал, как по ногам потекли тёплые струйки.

Вдруг раздался испуганный возглас. Я моментально поднял голову. Позади Вольфганга на лошади, запряжённой в телегу, сидел Гамаюн. Краска сбегала с его лица, он узнал меня. И прекрасно понял, ЧТО здесь произошло.

Вольфганг спрыгнул с мотоцикла и направиł автомат сначала на меня, затем на Гамаюна:

– Я догадывался, что ты не так просто возишь сено на несуществующую конюшню! Нельзя вам верить, полякам! – обратился он к онемевшему Гамаюну. Подождав, пока он встанет рядом со мной с поднятыми руками, Вольфганг одним выстрелом убил лошадь. – Марш за мной в штаб! Только попробуйте сбежать: выстрелю сначала по коленкам.

– Пожалуйста, Вольфганг! – я бросился ему в ноги. – Макс умирает! Спаси его, ты же дружил с моими родителями! Пожалуйста, Вольфганг! Я всё что угодно сделаю, только спаси Макса!

– Заткнись, подонок! – отчаянно зашипел Гамаюн, еле держась на ногах и поглядывая на свою бездыханную любимую лошадь. – Не сдавай хотя бы Макса!

– Ах, так есть ещё и Макс? – Вольфганг пнул меня ногой в живот. – Помню, помню твоих приятелей. И кстати, я не дружил с твоими родителями. Я ими командовал.

– Вольфганг, пощади нас! – рыдал я. – Тебе же всего двадцать два года, как ты можешь быть таким жестоким?!

Но он затащил меня в штаб под прицелом автомата и запер в комнате, потом заставил Гамаюна отвести его к убежищу. Я сидел у стены и не шевелился. Не верил, что это происходит в реальности, а не в одном из страшных снов, которые порой навещали меня в убежище.

Вскоре в комнату зашёл Вольфганг и тут же ладонью прикрыл нос:

– Ты под себя ходишь? – гадко усмехнулся он. – Переживаешь? Они тебе всё равно уже не отомстят за то, что ты появился не в том месте не в то время. А я, пожалуй, сделаю кое-какой подарок. Небольшой. Ты же любишь стрелять в людей.

Я только тяжело дышал. Вольфганг закурил и вышел.

До самого вечера ничего не происходило. В комнате никого кроме меня не было, я не знал, где Макс и Гамаюн. Иногда за дверью слышались шаги. И в этой проклятой тишине я лежал на боку, чувствуя, как сводит живот и как ноют виски. Подкатывала тошнота, но получался только звук «Э» на вздохе.

...Жалобный крик. От него я очнулся, стремительно сел на полу, повертел головой. За окном виднелось чёрное небо. «Собаки?..» – пронеслось в мыслях. Но крик повторился, причём ещё громче. Следом послышались взрослые мужские голоса и кривая польская речь Вольфганга.

– Держи его, ты не видишь, как он трясётся? – визжал Вольфганг за стеной. Потом, видимо, повторил ту же фразу на немецком. Опять крик. Да это же Макс!

Я вскочил, забыв про мокрые штаны, и попытался открыть дверь. Не получилось. В истерике я начал ломиться в неё всем телом, бить ногами, руками и орать.

– Ма-а-а-а-акс! – ревел я, разбивая в кровь кулаки о твёрдое дерево.

Вольфганг выругался, я услышал хруст и глухой удар. И сразу вой моего друга. Вой, крик и под конец жалобный стон и всхлипы, разрывающие грудь изнутри.

– Пустите меня! Ма-а-а-акс!

– Тебя твой дружок зовёт, иди к нему, – крикнул Вольфганг. Затем обратился к кому-то по-немецки. Я услышал шаги, скрип замка. Дверь распахнулась, и я вывалился в коридор. Хотел подняться, но не мог поймать равновесие. Ещё одна судорожная попытка, и мою голову впечатал в пол чей-то сапог.

Из соседней комнаты вышел малиновый мокрый Вольфганг. Он был пьян настолько, что еле управлял ногами. Я едва мог разглядеть его из-за прижатой головы и тусклой лампы. Третий немец вытолкнул из комнаты какой-то тёмный силуэт. Силуэт завалился на Вольфганга, но тот толкнул его к стене и сказал что-то немцу из комнаты. Немец принёс фонарь. Вольфганг ловко нажал на кнопку и осветил силуэт.

– Вот твой Макс, нечего так бесноваться!

Макс размахивал руками, пытаясь найти опору, и скулил. Его одежда была изорвана, тут и там виднелись рубцы и ожоги. Но стоило мне поднять взгляд на его лицо... Тот ужас, который мне открылся, я не смог забыть никогда. Всё лицо Макса заливала кровь, а на месте глаз зияли две дыры с ожогами вокруг.

– Осия впереди, попробуй его найти! – смеялся Вольфганг, говоря то на немецком, то на польском. – Иди-ка ты ко мне, Осия, хочу с тобой провести время.

Меня пронесли на руках мимо Макса в комнату, бросили на пол, начали стаскивать одежду... Я ничего не видел и не чувствовал. Рот открывался, как у рыбы, и в мозгах всё растаяло.

Глава 9

Было серое мартовское утро. Склизкий туман медленно расползлся вдоль тропинок, окутывал низкие кусты. В чаще про-

тяжно ухала сова. Всю деревню согнали к виселице. Рядом с ней стояли двое парней – один с растрёпанными каштановыми волосами и с висящей на груди табличкой «Я жид». Его глазницы были завязаны окровавленной марлей. Второй – черноволосый, с безвольно болтающимися руками и табличкой на груди «Я помогал жидам». Люди стояли, завернувшись в платки. К ним жались заморенные дети. Немцы кричали что-то, лаяли собаки, пытаясь сорваться с поводков.

Я стоял в одной рубашке, еле держался на ногах, поддерживаемый за плечи Вольфгангом. Он гладил меня по шее, по которой бил накануне.

– Бедняжка. Меня всегда так штормит от шнапса, который привозит Крамер. Кошмар. Что я творю. Кошмар, да, Осия?

А я не мог сказать ничего.

Гамаюн сам влез на ящик и надел на шею смертную верёвку.

– Леслав Бржозовский. Помогал жидам скрываться.

Гамаюн отчаянно искал кого-то в толпе, не обращая внимания на слова палача. Наконец, его взгляд остановился на мне.

– Это из-за тебя мы умираем! – заорал он. Его глаза налились кровью. Даже за пеленой слёз я мог разглядеть, как худое лицо искажилось от гнева. – Из петли тебя проклинаяю! Немецкая подстилка! Предатель! Пусть тебя сожрут свиньи, я...

Нацист выбил из-под его ног ящик.

Молодое тело Гамаюна взметнулось вверх.

– Господи, нет! – вскрикнул я, сдавший всех своим появлением в деревне! А разве есть что-то более страшное, чем быть виноватым в чьей-то гибели?!

К виселице подтолкнули ослепшего Максена. Он был в сознании.

– Максен Корчик. Прятался почти полгода.

Максен замахал перед собой руками, пытаясь найти петлю, но нацист схватил его и развернул к толпе.

– Он умрёт не через повешение. Его застрелит другой еврейский мальчик.

Я не успел глазом моргнуть, как меня вытащили к виселице и сунули в руки пистолет.

– Так и надо жидам! – крикнула из толпы какая-то женщина. Я выронил пистолет на снег и упал перед Максеном на колени.

– Макс! Милый, знаю, нет мне прощения! – рыдал я, цепляясь за его штанину. – Я не стану убивать тебя, лучше сам умру!

– Хошка, – ласково проговорил Максен, пригнувшись ко мне. – Я не вижу тебя. Но надеюсь, что ты изранен меньше. Не плачь! – он на ощупь вытирал пальцами мои мокрые щёки. – Не бойся, застрели, мне будет легче! Я взлечу в небеса к Гамаюну, Циле и Саре. Передам твоим родителям привет. Мне не суждено выжить. Я не сержусь на тебя.

– Стреляй! Ты же очень любишь стрелять в людей! – прикрикнул Вольфганг. Он весь трясся и подозрительно двигал руками в карманах форменных штанов. Я с ужасом видел, что происходящее доставляет ему плотское удовольствие.

Максен сам поднял пистолет и вложил в мою руку. Он улыбался посережними губами.

– Давай, Хошка, у тебя всё впереди. Рад, что прощаюсь с тобой в здравом уме.

Он осторожно взял мою руку и навёл пистолет себе в грудь.

– Я помогу, – говорил Максен, другой рукой гладя меня по голове. – Ты держи пистолет крепче, чтобы не выпал. На счёт три я нажму твоим пальцем на курок. Раз, два... Прощай! – Максен поцеловал меня в щёку. – Три!

Раздался выстрел. Максен сполз по мне на снег, оставляя на моей рубашке кровавый след. Гестаповцы одобритительно загудели, толпа вздрогнула. Я упал на труп Макса и, обхватив его руками, завыл жалобно и протяжно, как воют одинокие волки в ночной тишине...

...Грузовик немцев мчался по дороге. Я сидел внутри и тупым взглядом сверлил руки. Из кабины доносился смех и громкий голос Вольфганга. Я не вникал в их речь, не было до них дела. Надо мной издевались,

на моих глазах повесили Гамаюна, я почти собственноручно убил лучшего друга. Мысли крутились и слипались в один тяжёлый ком, который невыносимо хотелось выбросить из головы. Появлялся силуэт серьёзной Цили, потом возникала Сара. Она хохотала прямо мне в лицо. Теперь её смех звучал неуместно и гротескно. Я тогда поддерживал Сару, но теперь понимал, что делал это зря. Нельзя смеяться над войной. Нельзя хохотать с нескрываемой радостью, стоя над бездной, куда валятся тысячи трупов. Как можно беззаботно кружиться и петь песни, когда за какие-то пятьсот вёрст от тебя в небо поднимается чёрный дым крематориев?! Глупая Сара никого не потеряла. Поняла ли она свои ошибки, когда в истерике бросалась на Гамаюна?

Ехали долго. Наконец, грузовик стал сбавлять скорость и затормозил окончательно.

– Выходим! – оповестил Вольфганг, открывая дверцу.

– Дайте мне хотя бы штаны! – взмолился я. На мне до сих пор была надета только длинная белая рубашка. Правда, уже не совсем белая. Тут и там краснели пятна крови Максена.

– Зачем они тебе, ты же под себя ходишь! – загоготал шофёр на чертовски ломанном польском и выпихнул меня наружу.

Мы приехали на какой-то вокзал с огромным количеством народа. У всех на груди были нашиты жёлтые звезды, многие держали чемоданы и свёртки. Где-то плакал ребёнок, слышались вопли пожилых женщин и крики немцев, которые сновали по перрону.

– Иди. Скоро прибудет поезд.

– Куда нас всех отвезут? – со страхом спросил я, озираясь по сторонам.

– Какой ты непонятливый! – возмутился Вольфганг, поглядывая на подошедшего шофёра. – В лучшую жизнь.

– Это где такая жизнь-то?

– Приедешь – увидишь.

Вольфганг и шофёр скрылись в толпе. Вдалеке послышался гудок, и на станцию налетел, поднимая клубы дыма, поезд. Я

широко раскрыл глаза: это был поезд для перевозки скота. Я отчаянно завертел головой, ища Вольфганга, но тот исчез. Толпа буквально внесла меня в вагон. Никаких сидений не было. Это действительно оказался поезд для перевозки скота.

Дверь захлопнули и заперли на засов. В вагоне было человек девяносто. Поезд тронулся, уныло прогудев на прощание. Его гудок звучал как безумный крик о помощи, отчего у меня по спине пробежали мурашки. Я придвинулся к щёлочке между досок и стал смотреть, как исчезает платформа. И заметил Вольфганга. Он махал рукой и кричал что-то, растянув рот в злорадной ухмылке.

Люди вокруг явно нервничали, но вели себя смирно. Они поставили чемоданы на пол и сели на них. Какие-то мужчины переговаривались между собой, предполагая, что нас везут на промышленные работы. Я уже догадался, что никакой лучшей жизни в конце пути поезда мне не светит.

Глава 10

Поезд ехал уже почти двое суток. Холод пробирал до костей, и я весь окоченел в одной рубашке. Нам не давали ни воды, ни еды. Какую-то женщину в другом конце вагона беспрерывно рвало. В вагоне стояла невыносимая вонь.

Один парень отковырял доску в полу и предложил всем справлять нужду в дыру, потому что дышать было уже невозможно. Я сначала терпел, мужественно стиснув зубы, но потом не выдержал. Ничего унижительнее никогда не испытывал. Я старался не смотреть ни на кого, поэтому не знаю, смотрел ли кто-нибудь на меня. В любом случае отвратительно и стыдно.

Из-за того, что я долго терпел, у меня разболелся живот. Я забился в угол и сел, поджав ноги. Рядом спала женщина с ребёнком на руках. От голода ребёнок вопил и махал руками. Я сначала старался не слушать, а потом осторожно, чтобы не разбудить мать, нагнулся к нему и прошипел:

– Замолчи! Сейчас же!

Ребёнок перестал плакать и недоуменно воззрился на меня во все глаза. Я толкнул женщину:

– Угомони его!

Она завалилась на бок. Мёртвая. Не отдавая себе отчёта в действиях, я схватил ребёнка за плечо и толкнул на мать. Он скатился с обмякшего тела на пол, дёрнулся пару раз и затих. Видимо, ударился затылком.

– Ненавижу, – простонал я сквозь зубы, не в силах контролировать эмоции. Перед глазами начала вставать белая пелена, живот заболел ещё сильнее, а в висках бешено застучало. – Ненавижу!!! Твари! Сволочи!

Никто не отреагировал. Только ту женщину с другого конца вагона опять вывернуло. Я закричал сильнее. Мне вторил какой-то другой ребёнок.

Спустя буквально час кто-то воскликнул:

– Табличка «Аушвиц»!

Я моментально вскочил и прилип к щёлочке, пытаюсь рассмотреть окрестности. Польские названия убрали, теперь какие-то «аушвицы»... Упираясь лбом в стенку, разглядел колючую проволоку и людей в полосатой одежде вдалеке. Руки похолодели и сами собой опустились.

Эшелон остановился. Снаружи уже ясно слышалась шумиха. Двери с грохотом раскрывались, в вагон зашли несколько человек в полосатой одежде. Я очень удивился их внешнему виду: они выглядели довольно сытыми и подозрительно чистыми. Эти люди кричали на разных европейских языках бодрими голосами.

По выходу из вагонов всех людей построили в две длинные колонны, в одной были мужчины, а в другой – женщины. Я заметил людей в форме. Один из них надсадным голосом скомандовал оставить багаж на платформе. Многие женщины сокрушались по этому поводу и пытались спрятать под одеждой какие-то небольшие сумочки, но это быстро пресекалось. У меня из багажа не было ничего. Я и без него чувствовал себя ужасно в одной рубашке, которую я постоянно отдёргивал ниже, в рубцах от Вольфганга и в застывших на волосах нечистотах от Максена.

Немец, стоявший впереди колонн, осматривал каждого подходившего к нему человека и показывал либо налево, либо направо. В тот момент я совсем не понимал, что за чертовщина там творилась, – узнал значение его жестов много позже. Наконец, к нему подошёл я. Он приветливо улыбнулся в ответ на мой вопросительный взгляд. Повертел меня, заставил раскрыть рот, оглядел мою голову и показал направо. Я смешался с людьми, которые стояли справа, и стал мучительно думать о происходящем.

Потом приехало несколько фургонов с красными крестами. Они забрали людей слева и куда-то повезли. Я подумал, что в лазарет, ведь налево немец отправил калек, больных, женщин с детьми и стариков.

Я поражался размерам территории. Аушвиц больше моего городка! Кругом колючая проволока, прожектора, сторожевые будки и длинные одноэтажные деревянные сараи, а чуть дальше – кирпичные.

Но дальше я, наконец, повстречался с узниками, непохожими на тех, которые нас встречали. Они шли серыми рядами, сопровождаемые окриками узников с повязками на руках. И никаких жизнерадостных лиц. Вдалеке за деревьями возвышалась огромная труба, из которой клубами валил чёрный дым. «Интересно, что они там жгут?» – размышлял я, стараясь занять себя мыслями, чтобы не сорваться на истерику от странного, одурманившего разум предчувствия.

Нас привели в помещение с множеством лавок и заставили раздеться. Я шокировано обвёл помещение взглядом и закусил губу. Как так-то? Здесь же есть женщины! Один из эсэсовцев ударил меня по спине. Я еле удержался на ногах и жалобно обернулся на него.

– Живо! – сверкнул глазами тот.

Я дрожащими пальцами расстегнул рубашку, положил в указанное место и тут же опустился на жёсткую лавку, скрестив ноги. Откуда-то вышли лагерники в повязках и с ножницами. Они подходили к сидящим, бесцеремонно хватали их за волосы и

начинали стричь. Я в панике схватился за голову. Они собираются обстричь нас всех? Я увидел отчаянные лица девушек, которым отрезали длинные красивые косы.

Один лагерник приблизился со своими ножницами, показавшимися мне чудовищно гигантскими. Я с мольбой в голосе простонал:

– Пожалуйста, не трогайте!

Лагерник хрипло рассмеялся. Я услышал лязг ножниц. На плечи мне посыпались рыжие волосы, последние частички Максена на них... Этот скрежет ножниц отдавался в самой глубине моего несчастного сердца. Я прижал ладонь ко рту и судорожно всхлипывал. Парикмахеру это заметно нравилось, и он сопровождал мою стрижку завыванием какого-то мотива и смешками.

После этого нас проводили в душевую. Откуда-то с потолка лилась ледяная вода. Одной рукой я прикрывался, а второй размазывал по лицу слёзы и с отвращением трогал ёжик своих стриженных колючих волос. Потом запрокинул голову и раскрыл рот, судорожно глотая льющуюся с потолка воду. Я во время этого процесса морщился и громко всхлипывал, но никому не было дела до четырнадцатилетнего зарёванного мальчика.

Вечером в пыльном блоке с кучей народа (блоком оказался один из тех сараев) я забился на нары в самый угол и предался своему горю. Теперь у меня не осталось ничего. Я лишился волос. Заклеймён номером, который теперь у меня вместо имени. На мне полосатая одежда не по размеру, лежу на деревянных нарах. Помимо меня на них ещё трое человек, но они пока сидят на полу и о чём-то говорят на другом языке. Кроме одного, который храпит мне в самое ухо.

Вдруг явился образ Сары. Она заливисто смеялась мне в лицо и глядела задорными тёмными глазками. И в этот момент я возненавидел её. Да так, что замахнулся на пустоту рукой.

Раздался крик старосты барака, капо. Настало время вечерней поверки, которая называется апель. Я сначала не понял, чего

он так кричит, но меня вытолкнул с нар мой проснувшийся сосед.

Весь блок выстроили перед бараком в три ряда. Я услышал отдалённые шумы и понял, что апель здесь общий. По команде мы встали по стойке смирно, сняли шапки и отзывались, когда капо называл номер.

Апель затягивался. У меня затекла спина и ноги, поэтому я принял более непринуждённую позу и очень об этом пожалел. Капо тотчас оказался рядом и со всей силы опустил мне на спину палку.

– Стоять смирно!

– Новак сегодня в ударе! – заулюлюкал капо из противоположного блока, уже распутивший своих на ночлег и пришедший поглазеть на апель соседей. Наш капо, носивший фамилию Новак, хмуро посмотрел на другого капо и что-то тихо сказал. Тот захохотал и театрально воздел руки к небу. Новак злобным взглядом смерил другого капо, и тот ретировался.

В бараке, забравшись в свой угол, я дал волю слезам, но тут же получил от соседа. Он был примерно моих лет и лежал ближе всех. Его отличали немного отросшие седые волосы и чёрные глаза.

– Что ты ноешь? – сердито спросил он. – Надоел уже. Я же не ною! Заметил уже мои седые волосы? Так вот, я поседел ещё до Аушвица. На моих глазах нацисты прибили к стене младшего брата. Подумаешь, врезал Чеслав на апеле, и что с того? Он всех бьёт только для виду. Ты новенький?

– Да, – я шмыгнул носом.

– Чеслав хороший человек, который прикрывает нас собственной задницей! Он в этом лагерном районе получил звание самого сурового капо, но это он для виду делает. Иначе ведь нельзя, немцы убьют, если капо даст кому-то спуску. Я воровал из эсэсовской столовой хлеб, так меня поймали и сказали Чеславу, чтобы он мне сыпал пятьдесят ударов плетью. Так вот, пришли мы в уборную, Чеслав запер дверь изнутри. Всё, думаю, конец. А он мне го-

ворит, мол, я буду сейчас бить по полу, а ты после каждого удара кричи, как будто тебя тут дерут. Ты просто новенький и многого не знаешь. Вот знаешь, зачем там труба так дымит? Людей жгут! Небось, видел товарищей, которых налево отправили? Вот сегодня горели они. И так всегда, когда приходят эшелоны. А приходят они со всей Европы. Аушвиц – лагерь ещё совсем молодой, но сам видишь, что творится. Всех негодных к работе расстреливают. Один такой эшелон привёз меня сюда из Кракова. А ты откуда?

– Я из маленького провинциального городка...

– Ну, ясно всё с тобой, – тараторил мой сосед, вращая зрачками. Он перегнулся через нары и крикнул на весь притихший барак:

– Чеслав! Новенький переживает, что ты его всегда бить будешь!

Чеслав Новак поднялся со своего стула и направился к нам.

– Вылезай, – он поманил меня к себе. Я вылез и встал перед ним. – Надеюсь, ты понимаешь, куда попал. Здесь нужно быть осторожным и приглушить своё самолюбие. Никто никого жалеть не будет. А если что не так – то вперёд на расстрел. Поэтому, мальчик, слёзы ситуацию не исправят. Отучайся. Я по глазам вижу, что ты плакса. Вот как уже сказали, я могу помочь. Ненавижу садизм, который здесь так распространён, и всячески его избегаю...

– Но как-то стал самым суровым капо района, – хмыкнул кто-то.

Чеслав не обратил внимания на это и проговорил, глядя в сторону:

– Иначе нельзя! Я должен вести себя по правилам лагеря. А ты, мальчик, обещаешь не плакать?

– Обещаю, – кивнул я.

Чеслав снял со своей шеи зелёный шарф и повязал мне. Сложилось впечатление, будто меня отчитали, как маленького ребёнка. С этим неприятным чувством я и заснул.

(Продолжение следует)

Валерия Паркер

Москва

Алла и Полина: История взросления

(Продолжение. Начало в № 4/2019)

«Вот бы и мне посчастливилось выглядеть столь роскошно», – думала Алла, глядя, как прекрасной финалистке надевают на голову увесистую корону Королевы красоты. Алле было очень интересно, что ощущаешь, получая статус самой красивой женщины мира. Конечно, это всего лишь титул, имеющий мало отношения к реальности, но всё же. Алла мечтала ощутить на себе хотя бы каплю подобного внимания.

Никто и не подумает высмеивать девушек за их стремление прекрасно выглядеть. Женская натура такова, что инстинктивно тянется ко всему прекрасному и романтичному. Женщины, они как цветы. Призваны украшать нашу жизнь. И хотя и существуют те, кто считает иначе (мол, ишь чего они захотели, в платьях красивых ходить! Сидели бы дома да пироги пекли), но истина в том, что только счастливая женщина способна не разрушить жизни тех, кто находится рядом с ней. А коли уж счастье для них – быть прекрасными созданиями, то ради бога!

И ведь действительно, зачем же тогда модельеры создают свои прекрасные пла-

тья? Неужто для того, чтобы они так и висели в огромных шкафах их модных домов?!

Женщина некрасивая (она же неухоженная) несчастна в глубине своей души. От этого и все её беды. Она недовольна собой и потому порождает вокруг себя атмосферу недовольства всем миром. И не дай бог нам встретить это недовольное создание на своём пути!

Кто из нас не был хоть раз обруган зазря подобной женщиной? То ей не понравилось, как вы на неё посмотрели. То не там переходите дорогу. А то и вовсе стоите на её пути как истукан!

Нет, сколько бы не считали, что красивая женщина глупа, я вам скажу: пускай лучше глупа, чем несчастна! Поэтому, повторюсь, не стоит удивляться столь естественному стремлению наших юных особ однажды превратиться в красавиц.

Однако нужно понимать и другое: даже прекрасное по своей сути стремление можно легко превратить в сомнительную авантюру, если способ достижения желаемого будет неверным. Следующая истина состоит в том, что нельзя достигнуть успеха, нарушая моральные принципы.

И вот Алла стала думать, каким образом реализовать своё желание. Сидя на лекции и глядя на однокурсниц (тех самых, которым повезло), Алла ломала голову над своей задачей.

Уж как бы было хорошо, если б она с рождения имела всё, о чём мечтает! Как Наташа, которая порой, часами осматривая свой большой гардероб, не может принять решение, в чём ей идти в институт. Сама Алла никогда не имела подобных проблем, ведь все её скромные одеяния свободно помещались на трёх полках незатейливого шкафа. Она даже не верила подругам, когда те говорили, что имеют по три пары обуви на сезон. Она-то всегда имела лишь по одной.

Ох уж эти юные сердца! Порой они придают слишком много внимания популярности, модной одежде, вечеринкам и прочим вещам, которые в действительности не имеют никакого отношения к счастью.

Знала бы Алла, что Наташа, которой она так завидует, сама украдкой бросает на Аллу завистливый взгляд. До недавних пор Наташа даже не обращала внимания на эту обычную хрупкую девушку. В ней не было ничего, что могло бы вызвать у Наташи интерес. Но всё изменилось после спектакля, поставленного как-то их группой.

Само действие спектакля не представляло собой особую значимость, чтобы о нём стоило упомянуть. Кажется, играли одну из комедий Мольера. Но то, что произошло после, – момент любопытный.

Когда занавес, возвещая о финале пьесы, опустился, все актёры вышли на поклон. Обе девушки – Наташа и Алла – стояли в лучах софитов и улыбались, слушая аплодисменты зала. Это был приятный момент для обеих. Алла невольно сравнивала себя с финалистками так ею любимых конкурсов. Ведь она точно так же стояла на большой сцене, в красивом театральном платье и ловила на себе восхищённые взгляды родных.

Алла испытывала огромную признательность своей семье за поддержку. Она видела в зале свою бабушку, которая тепло ей улыбалась. Её брат Валера неожиданно появился около сцены и бросил в руки сестры букет цветов. Лукаво подмигнув ей, он поспешил обратно в зал.

Именно тогда Наташа переменяла своё отношение к сокурснице. Заметив брата Аллы (что это её брат, Наташа поняла сразу: их выдавал необычный разрез глаз), она вдруг ощутила печаль. Проводив Валеру взглядом, она увидела, что тот присоединился к группе людей. Это была семья Аллы, догадалась Наташа.

Чувство одиночества, так яростно гонимое, вновь одержало над ней верх. Наташа уже не могла искренне улыбаться. Ведь как ни просила она родных прийти на сегодняшний спектакль, они оказались слишком заняты. На протяжении всей пьесы резервированные для них места пустовали. Наташа стояла на сцене и вновь остро ощущала своё одиночество.

Её родители были людьми состоятельными. Они много работали и времени на воспитание девочки у них просто не оста-

валось. Поначалу с маленькой Наташей ещё сидела её бабушка. Однако вскоре стало понятно, что ей это не по силам. Девочку отдали на поруки няне. Потом Наташу определили в престижный детский сад, где она проводила почти всю неделю. Затем – в престижную школу.

Вечером Наташа приходила домой и, перебросившись немногими фразами с родными, шла в свою комнату, где и проводила всё свободное время. Её родители – люди заботливые. Они покупали Наташе хорошую одежду, путёвки в хорошие летние лагеря. Никогда не скупилась на подарки. Однако при внешнем благополучии Наташа ощущала внутри себя пустоту.

Конечно, у неё было много близких друзей. Она нравилась окружающим. Ей завидовали из-за финансовых возможностей. Но никто не знал, что Наташа отдала бы всё, что имела, в обмен на тепло и понимание родного человека.

И вот семья Аллы словно воплощала тайные желания Наташи. Их взаимная любовь была столь очевидна. Наташа оторвала взгляд от Валеры и посмотрела на Аллу: та прижимала к груди букет цветов и улыбалась. Отныне Наташа решила, что вправе чувствовать себя несчастной.

Уж коли жизнь – это театр, а люди – лишь его актёры, то в нашей власти выбор роли...

До недавних пор и Алла и Наташа жили вполне счастливо. Они не знали настоящих бед и имели в своей жизни всё необходимое. Всё то, что человеку действительно необходимо, чтобы благодарить за это жизнь. И нужно признать, что обе девушки ощущали своё счастье. Однако последние события зародили в голове каждой из них новое умонастроение.

Алла осознала своё невезение в материальном плане. Наташа же выяснила, что обделена любовью. В глубине своей души каждая теперь сочла себя жертвой. И эта новая роль, подчиняясь своей задумке, стала разыгрывать спектакль соответствующий.

«Я так несчастна...» Эта мантра отныне, как пластинка, звучала в сердце каждой. И словно желая угодить, желая соответствовать новому девизу, жизнь давала обоим де-

вушкам всё больше поводов для продолжения игры. События, нейтральные по своей сути, теперь, влекомые игрой, подстраивались под сценарий о страдании.

А что же Полина?

Однажды ей выпала возможность поработать на вручении престижной телевизионной премии. Как и на любом подобном мероприятии, ожидалось присутствие известных актёров, именитых режиссёров и телеведущих, которые соберутся для разговоров о кино и телевидении, а также признания со стороны критиков. Полина была в восторге от одной только мысли о том, что сегодняшний вечер ей предстоит провести среди творческой элиты.

Необычной для Полины была и её новая роль. В её стандартные обязанности входил декор площадки – она готовила помещение к мероприятию, а само событие наблюдала лишь со стороны. В этот раз ей предстояло стать непосредственной участницей торжества.

Небольшой холл, расположенный перед входом в концертный зал, был в этот вечер её рабочей «сценой». Заскучавшие от официальной части премии знаменитости выходили сюда выпить бокал шампанского и полакомиться разнообразными закусками.

Полина, облачённая в облегающее золотое платье с глубоким вырезом на спине, с идеальной причёской ходила среди гостей и предлагала им шоколад. Конфеты в золотой обёртке, сложенные пирамидой, лежали на серебряном подносе и эффектно сочетались с её платьем. Шоколад прекрасно дополнял вкус шампанского, и гости с удовольствием пробовали угощение. В атмосфере чувствовалась лёгкая дымка расслабления.

У Полины почти остановилось дыхание, когда она подходила к знаменитому режиссёру, фильмы которого смотрела ещё будучи маленькой девочкой. Режиссёр статно выделялся на фоне остальных гостей. Он разговаривал со своей дочерью, не менее талантливой актрисой, одетой в роскошное вечернее платье. Полине стоило немалых усилий ограничиться лишь лёгкой улыбкой, не имея возможности высказать им своё восхищение.

За столиком в противоположном углу зала весело общались два известных ведущих. Каждый вечер воскресенья они вели собственное юмористическое шоу, заставляя улыбаться тысячи телезрителей. Полина подошла и к их столику, моментально получив в свой адрес порцию комплиментов. И вновь она еле сдерживала свои восхищённые эмоции.

Сохраняя скромную улыбку, Полина весь вечер играла роль молчаливой русалки. Она ещё никогда не была так близка к тем, кто всегда смотрел на неё лишь с экрана телевизора. Среди гостей были певцы, дизайнеры и другие представители творческих профессий. Полине так хотелось пообщаться с ними, столько хотелось у них узнать. В первую очередь она задала бы свой самый сокровенный вопрос: что ощущают те, кто знаменит?

Отличие этих людей всегда бросалось ей в глаза. Теперь она ощущала эту особенность. В каждом госте было нечто, что Полина не могла для себя до конца распознать. Харизма? Чувство собственного достоинства? Спокойная уверенность в себе? Она не знала, как это называется. Она лишь чувствовала эту энергию.

Эта энергия не была чужда ей. Наоборот, впервые в своей жизни Полина словно чувствовала себя... среди своих людей. И это было странно, ведь она выросла в обычной семье и прежде никогда не общалась с подобными людьми. Но всё же она ощущала, что близка к ним.

Это общество не походило ни на одно другое. Здесь выделялось всё: естественность в поведении, самоощущение людей, разговоры о важном. Полина часто замечала привычку большинства людей тратить время на пустые разговоры. Так называемые разговоры ни о чём: о соседке, о зарплате, о новостях и прогнозе погоды... И так мало люди обсуждали действительно важное: любовь, творчество, счастье. Жизнь.

Вечер закончился слишком быстро, чтобы можно было вдоволь напиться благородной атмосферой мероприятия. Но этого оказалось достаточно, чтобы необратимо изменить Полину. Поздним вечером из зда-

ния концертного зала, где состоялась премия, выходила уже не та Полина, что заходила сюда днём.

«Если уж жить, то жить хорошо», – пришла к выводу Полина. Она во что бы то ни стало решила добиться в своей жизни подобного положения. Её мозг получил задачу и приступил к поиску возможных решений.

События в жизни Аллы и Полины происходили на удивление синхронно. В тот же вечер, когда Полина покидала церемонию награждения, Алла уже была готова к своему первому шагу. Ведь горевать о проблемах можно сколько угодно, но в конце концов придётся собрать волю в кулак и начать делать хоть что-то, чтобы выпутаться из затруднительного положения.

Вполне естественным поступком для Аллы стал поиск первой работы. Теперь вечерами и по выходным она подрабатывала официанткой в ресторане. Впервые в жизни Алла зарабатывала собственные деньги. И это было для неё моментом позитивным.

Негативным же моментом оказалась сама работа. Аллу раздражала необходимость постоянно подстраиваться под клиентов. Не нравилась ей и манера их общения. Могло показаться, что существует тайный кодекс клиента, в котором, словно заповедь, выводится мысль, что официанты – не люди. И поэтому при общении с ними можно особо не церемониться. И что именно они виновны в том, что блюдо было подано с опозданием или оказалось не таким вкусным.

Алла выслушивала едкие замечания в свой адрес, не имея возможности возразить. Ведь и у официантов существует священный кодекс, правила которого гласят о безусловной правоте клиента. Однако все её мучения с лихвой возмещали щедрые чаевые, которые те же возмущённые личности оставляли после своей трапезы. Вероятно, именно за возможность свободного самовыражения они и платили. Алла научилась узнавать таких людей с одного взгляда и продолжала терпеливо играть роль покорной официантки.

Личный заработок позволял Алле теперь быть к её мечте немного ближе. Желая углубиться в мир красоты, она основательно изу-

чала модные журналы. Вместе с подругами, появившимися благодаря работе, они обсуждали коллекции одежды популярных модельеров и ходили по распродажам, стремясь найти модные вещи по сниженной цене.

Алла понимала, что для женщины очень важно выглядеть достойно и иметь разнообразный гардероб. Она старалась никогда не появляться в одном и том же образе два дня подряд. И каждый месяц её шкаф пополнялся модными вещами.

Внешность человека – безусловно важная составляющая нашего бытия. И именно то, как человек подаёт себя посредством одежды, влияет на то, как на него реагируют окружающие. Мало у кого вызовет искреннее уважение тот, кто сам себя не уважает и потому ходит в одежде неопрятной. Пускай даже этот человек являет собой саму добродетель.

Но, с другой стороны, стремление хорошо выглядеть порой приобретает устрашающие масштабы. Желая привлечь внимание, удивить, а то и вовсе шокировать окружающих, люди делают ставки на модность и яркость своего образа, размывая истинные ценности. И тогда достаточно скромно одетая девушка, встретив на своём пути дам, одетых по моде, может получить от них презрительный взгляд. Мол, да уж, впечатлила!

Отстоять свою независимость, пускай и в бессловесном бою, не так-то просто. Вместо того чтобы рассудить, что встречные девушки являются жертвами стереотипов и не стоит уделять этому происшествию и толики своего внимания, юное создание может решить, что реакция их обоснованная.

Стоит поймать на себе ещё парочку подобных взглядов – и механизм саморазрушения запущен. Теперь девушка может видеть неодобрение окружающих порой и в совершенно невинных взглядах. А попав в подобную ловушку, из неё довольно трудно выпутаться. Дай бог, чтобы такой девушке встретился человек адекватный, способный вразумить сие неразумное создание!

Незаметно для самой себя Алла подхватила этот «вирус». И теперь он медленно, но верно разрушал её сознание.

(Продолжение следует)

Николай Перевозчиков Челябинск

Василий и Адель

Отслужил солдат Василий Прохоров службу в царской армии, и пришёл ему срок в отставку идти. Выдали ему на дорогу кисет с табаком и три рубля серебром. Попрощался солдат с друзьями-товарищами и в путь-дорогу отправился. Дошёл до берёзовой рощицы, присел на пенёк и задумался: куда податься? Пойти домой – так родители давно померли, а в избе, где родился, давно чужие люди живут и, понятное дело, в гости его не ждут. Вот незадача какая получается.

И тут припомнил служивый, что, когда с турками воевали, а дело в Болгарии, у деревни Шейново было, пошли они в атаку и схватились врукопашную. Наскочил на Василия турок из офицеров их и из револьвера пулей ногу ему продырявил, но и Василий в долгу не остался – штык со всего маху турку в плечо всадил. И после таких членовредительских действий очень они друг на друга осерчали. И хотя оба раненые, успокаиваться не желали – вцепились друг в друга. То турок русского колотит, то русский турку тумачи раздаёт. А потом от

боли да от потери крови оба сил лишились и сознание потеряли. Очнулся солдат, уже стемнело, оглянулся по сторонам – вокруг убитые, а кто выиграл или проиграл бой, совсем не известно. Ощупал Василий рану на ноге, терпеть можно. Глянул он на турка: тот хоть и лежит без сознания, но дышит.

«Что ж, – думает Василий, – храбрый противник оказался, до последнего со мной дрался, такому и помощь оказать не грех». Перевязал солдат турку плечо как мог и из своей фляжки воды ему в рот влил. Турок очнулся и воду ту с превеликой охотой выпил. А потом отдышался чуток и на ломанном русском языке сказал, что зовут его Аман и он сожалеет, что поранил такого благородного солдата, который вместо того чтобы его к праотцам отправить, перевязал и водой поделился.

– В знак благодарности дарю я тебе, – сказал Аман, – золотой перстень с именной печатью. И как только война закончится, приезжай ко мне в гости, в город Стамбул. Всякий, кому ты покажешь перстень, окажет тебе помощь и приведёт тебя ко мне. А теперь прощай, я в свою сторону поползу, а ты давай к своим пробирайся.

После таких воспоминаний Василий поразмыслил и решил: «А не посмотреть ли мне заморскую страну Турцию и не любопытствовать ли, как народ там живёт, что кушает да что пьёт? И язык турецкий немного знаю». И отправился солдат в путь-дорогу.

Вот пришёл Василий в турецкую страну, нашёл город Стамбул, встретил Амана. Оказалось, Аман – из очень знатного рода. Обрадовался он гостю:

– Молодец, что приехал!

Повёл Аман Василия по своему дому, а это и не дом вовсе, а дворец что ни на есть настоящий. У Василия рот как сам собой открылся, когда его Аман в первую комнату завёл, так и не закрывался, пока хозяин ему последнюю комнату не показал. Столько он диковинок увидел, серебра и золота, что никакому описанию не поддаётся. Вот Аман завёл его в наикрасивейшую комнату. Кровать там стоит под балдахинном, из чёрного

дерева, вся резная, ковры висят персидские ручной работы, вазы стоят из серебра.

– Это твоя комната, – говорит Аман, – живи в ней сколько хочешь.

Остался Василий у Амана в гостях: кушается он в роскоши, кушанья ест заморские, которых отродясь не пробовал: тут тебе и фрукты самые диковинные, и сладости восточные. Вина он пьёт из кубков серебряных. Ароматом эти вина благоухают. Одним словом, рай. Но прошло какое-то время, наскучила такая жизнь отставному солдату, маяться стал от безделья.

Вот как-то за ужином Василий говорит Аману:

– Сегодня днём прохаживался я по базару, повидал много всяких вещей интересных. Были там клинки дамасские, платки бухарские, но более всего мне пришлось по сердцу кубки серебряные да кувшины медные с узорами чеканными. Увидел я, как ваш мастер всё это своими руками творит, узоры тончайшие выводит. И страсть как мне захотелось этому ремеслу обучиться, ведь до того, как меня в солдаты забрали, я в кузнице отцу помогал, он у меня кузнецом был и чеканкой малость занимался. Работа эта мне шибко нравилась. Подошёл я к этому мастеру и стал просить его, чтоб он меня в подмастерья взял. Он подумал и согласился. Сошлись мы с ним на том, что завтра я к нему в мастерскую приду.

– Скажи, – говорит Аман, – зачем тебе всё это нужно? Зачем ремесленником хочешь быть? Давай я тебе денег дам, купцом сделаю, будешь товаром торговать, барыш иметь.

Отвечает ему Василий:

– Спасибо за слова такие, но деньги и украсть могут, и потерять их возможно, а вот ежели я мастером стану, то мастерство при мне на всю жизнь останется.

Задумался Аман:

– Может, ты и прав. Воля твоя. Но если наскучит тебе эта забава, то знай: в беде я тебя не оставлю.

А Василий помялся малость и продолжает:

– Хочу я переселиться в дом попроще, потому как если прослышит мастер, что живу я в таком дворце, то, пожалуй, и обучать ремеслу меня не станет. Скажет, что богач с жиру бесится. Так что присмотрел я комнату и с хозяином о цене договорился.

Аман глаза округлил:

– Ну, друг, и желания у тебя странные. Но ты – мой гость, будь по-твоему.

Прошло два дня, как-то под вечер приехал Аман в гости к Василию. Посмотрел на его житьё-бытьё и говорит:

– Неуютно у тебя в доме, женской руки не хватает.

На следующий день привёл Аман девушку лет двадцати. Глаза чёрные, большие, стан тонкий, косы ниже пояса. И рассказал, что девушка эта – сирота, зовут её Адель и какого она роду-племени – неизвестно. Но девушка она работящая и послушная, и будет Василию по хозяйству помогать. Тот возразил:

– Зачем мне служанка нужна, скажи на милость?

Но Аман слушать его не стал, сослался на неотложные дела и был таков. Остался Василий с девушкой, что с ней делать – ума не приложит. Молчит он, и девушка помалкивает. Дело к ночи, пора ложиться спать. Василий девушке объясняет, чтоб она на кровати ложилась. А сам пошёл в соседнюю комнату, лёг на диван, а под голову вместо подушки кулак подсунул и через минуту заснул. А что тут хитрого: на службе во время походов и на земле приходилось спать, иной раз и дождичек поливал – и ничего. А тут на диване, да под крышей! Красота!

Рано утром проснулся он, посмотрел по сторонам и растерялся. Завтрак приготовлен: на блюде плов паром и ароматом исходит, рядом щербет и лепёшки румяные. А в комнате чистота и порядок. Что тут скажешь, молодец. И когда только успела всё сделать?

В первый день мастер Ахмед показал Василию инструмент, необходимый для работы:

– Вот фигурный чекан, стержень у него стальной, восьмигранный, чтоб в руке лучше удерживать. Им отпечаток рисунка делают. А это чеканы-трубочки для выпуклых отпечатков. А вот лопатник для выравнивания поверхности. Это рихтовальная плита, а это чеканный молоток.

Василий слушал Ахмеда, каждое словечко запоминал.

Прошло три месяца. Жизнь у Василия вроде как наладилась. Мастер Ахмед иной раз похваливать стал. А Василий старается, хочется ему это ремесло чеканщика до тонкости освоить. И дома всё в порядке. Василий стал обучать Адель русским словам, а она его – турецким. В общем, живи да радуйся. Но счастье долгим не бывает.

Как-то в мастерской, когда Василий узор чеканный на кувшин наносил, поранил он палец на правой руке. Даже не ранка, а так, царапинка. Василий на это и внимания не обратил, но к вечеру палец опух и сделался багровым, а следом рука опухла и покраснела вся. Василий такие случаи на войне, в лазарете, повиديвал и знал, как запросто врачи-хирурги оттяпывали руки и ноги у таких раненых. Понятное дело, гангрена начиналась, и выбор был невелик: либо руки лишиться, либо помереть.

«Нет, калекой – это не житьё, – решил Василий. – Как же я себе без руки на пропитание зарабатывать стану? А ходить да подаяние просить – не по мне. Раз судьба со мной этакий фортель выкинула, пусть так и будет. Пожил я на земле-матушке предостаточно, другим и столь пожить не довелось».

Вздыхнул Василий, прочитал молитву, лёг на свою постель, стиснул зубы от боли и стал ждать. Спустя какое-то время стало его в жар бросать, а потом он будто куда-то провалился. Иногда, когда Василий приходил в сознание на короткое время, видел он бледное лицо Адель, несколько раз мелькало расстроенное лицо Амана, ещё какие-то чужие лица. Потом снова наваливалась тёмная пелена, и Василий впадал в беспамятство. И вот как-то очнулся Василий, чувствует – боль отступила и жар в теле спал. Стал он вспоминать, что с ним было да что

сейчас делается. Вдруг как кипятком ошпарило: с рукой-то что случилось? Повернул голову, взглянул на правую руку и вздохнул с облегчением.

«Слава тебе, Господи, всё на месте, хоть и забинтована рука по самый локоть, но целёхонька».

Перевёл взгляд в другую сторону – рядом с ним сидит Адель, положила свою руку ему на грудь, и такое лицо у неё бледное и осунувшееся, будто не Василий, а она сама болеет. Глаза у неё закрыты, длинные ресницы сомкнуты. «Да она же спит», – догадался Василий. И так ему стало замечательно на душе, что есть на белом свете человек, который о нём так печалится и заботится. А Адель почувствовала на себе взгляд Василия, распахнула глаза, увидела, что тот в сознание пришёл, и радостно улыбнулась. Потом вскочила резво на ноги и закружилась в танце по комнате. Затем резко остановилась, бросилась к Василию, припала к его груди и залилась в рыданиях. А он голову Адель гладил и шептал:

– Ну перестань, ты что же плачешь, аль не видишь, легче мне сделалось.

А через час Аман пришёл, увидел, что Василий в полном здравии, тоже обрадовался:

– Слава Аллаху! Вижу, болезнь от тебя отступила.

Прошло ещё немного времени, поправился Василий окончательно и опять в мастерской начал пропадать. Мастер Ахмед самую сложную работу доверять стал Василию. И то сказать: что он не сделает, отбою от покупателей нет. Снова всё вошло в своё русло.

Но вот однажды приснился Василию сон, будто он, совсем ещё мальчонка, лежит на полатах в родительской избе, а за окном зимняя ночь стелется, луна в окно заглядывает. И вот слышит он, что где-то на улице под ногами запоздалого путника снег негромко поскрипывает. Как стал путник мимо их окон по тропинке проходить, то и скрип снега усилился. А когда удалялся от избы, то и скрип снега стал глуше да тише, пока совсем не стих. Проснулся Василий

среди ночи, и такая его тоска взяла, захотелось ему к себе на родину, зиму увидеть да морозным воздухом подышать. Готов он был тут же подняться с постели и пойти домой, в Россию.

На следующий день пришёл Василий к Аману и говорит:

– Аман, собрался я к себе на родину ехать.

Аман отвечает:

– Да что же ты, Василий, таким неугомонным человеком родился? То тебе непременно ремесленником захотелось стать, теперь вот на родину собрался. Кто тебя в России ждёт, кто там о тебе вспоминает? А ты об Адель подумал? Разве не видишь, как она на тебя смотрит? Эх, нехорошо ты поступаешь!

Подошёл Василий к Аману и молвил:

– После моего отъезда помоги Адель, не оставь её без заботы. Нравится она мне, но не хочу брать её с собой. Местá у нас суровые, зимы холодные да длинные, не выдержит она наших морозов, она снегу-то в жизни не видела.

Отвечает ему Аман:

– Не беспокойся за Адель, помогу, без денег и крова не оставлю. Но и ты знай, что мой дом всегда открыт для тебя.

После этого вернулся Василий к себе домой, увидел глаза Адель, её радостную улыбку и сник. Не знает, как подступиться да сказать, что расставаться наступило им времечко. Потом вспомнил, что купил для Адель на прощание золотые серёжки, и говорит:

– Вот тебе подарок от меня, – и протягивает руку.

Адель увидела серёжки, схватила их, к груди прижала, а глаза с такой любовью смотрели на Василия, что тот совсем оробел, но затем всё же собрался с духом и промолвил:

– Через два дня уезжаю я к себе на родину, в Россию. Но ты не печалься, с Аманом я о тебе договорился. Будет у тебя и крыша над головой, и работа найдётся.

У Адель улыбка мигом с лица исчезла. Увидел он, что выскользнули из её рук се-

рёжки и на пол упали, а она даже внимания на это не обратила. Посмотрела своими большими глазами на Василия и тихо молвила: «Возьми меня с собой, я и обед готовить буду, и стирать, и в доме прибираться». Он ей отвечает:

– Да куда я тебя возьму, у меня на родине и угла-то нет, где можно голову прислонить. А местá, куда я отправляюсь, – суровые, лета там совсем не бывает, весной и осенью – дожди бесконечные да грязь непролазная, а про зиму и говорить страшно. Как выпадет снег, занесёт домá по самые крыши, приходится жителям рыть в снегу проход лопатой, чтобы в лавку сходить да съестного купить. Те, кто побогаче, с осени запасы в погреб складывают и всю зиму из избы носа не высовывают. Олады да хлеб пекут, весну ожидают. А кто победнее, тому худо приходится. Пока он по снежному проходу пробирается, его в засаде медведи да волки ждут. Чуть что – цап, и всё, даже костей не сыщешь.

Одним словом, Василий небылицы плетёт, старается Адель напугать. А она знай своё твердит:

– Возьми меня с собой.

Василий ей вновь отвечает:

– Глупая ты. Ну зачем тебе, скажи на милость, отправляться со мной в чужедальную страну, от холода да голода мучиться. Потому как ты мне шибко нравишься, не хочу я твою жизнь ломать, чтоб ты потом несчастной была. А здесь, дай Бог, и жених сыщется, и выйдешь ты замуж, и будешь жить припеваючи, обо мне даже не вспомнишь. Вот тебе весь мой сказ.

Посмотрела Адель на него долгим взглядом, а потом подошла к дивану, легла, свернулась калачиком, закрыла глаза и затихла. А он и не знает, что ещё молвить. Махнул рукой и пошёл в мастерскую к Ахмеду прощаться. А когда вернулся домой, то увидел, что Адель как лежала, так и лежит, даже не шелохнулась вовсе.

– Адель! Ты не заболела ли часом? – спрашивает он. А в ответ ни слова. Василий и так, и сяк старается Адель разговорить – ничего не получается. Пошёл он за помо-

шью к Аману, рассказал всё, тот выслушал его и сказал:

– Видишь, тут такое дело – если восточная женщина мужчину полюбит, так это на всю жизнь, и ничего тут не поделаешь. Если ты любишь Адель и добра ей желаешь – забирай её, иначе она без тебя тут зачахнет, и никакое снадобье, никакие лекари не помогут.

Вернулся Василий домой, подошёл к Адель и говорит:

– Ежели ты действительно надумала со мной ехать, то нужно и вещи какие-никакие подсобрать, и ужин приготовить.

Адель от таких слов птицей взлетела с дивана.

Через некоторое время доехали они до России, добрались до села, в котором Василий родился. Там он выкупил родительский дом и не мешкая ремеслом занялся, стал мастерить кувшины бронзовые, табакерки да шкатулки серебряные. И к восточному орнаменту стал Василий русские узоры добавлять: то листок берёзовый, то цветок ромашки или василёк, и так это у него замечательно выходило – любо посмотреть.

Всю жизнь считался Василий большим мастером, своё именное клеймо имел и очень гордился, что для храма Спаса на Крови чеканные оклады для икон мастерил.

И Адель в селе быстро прижилась. Сначала бабы её настороженно встретили, а потом посмотрели, какая она хлебосольная и работающая, ещё и мастерица: и бисером узоры вышивать умеет, и платье любое может выкроить и сшить, то, понятное дело, зауважали.

Пришла зима, увидела Адель, как первый снег ложится на землю, выбежала во двор, подставила ладонь под падающие снежинки. И когда несколько снежинок упали ей на руку, зажала она их в кулаке и

быстренько назад в дом вернулась. Бросилась к Василию, щёки у неё от мороза горят, глаза радостно светятся, разжала она кулачок:

– Посмотри, какая красота.

А там ничего нет. Смотрит Адель на ладонь, ничего понять не может. Всё ей в диковинку было. Увидела, как детвора на улице играет, на салазках катается да снеговика лепит, и давай приставать к Василию, чтобы такое же чудо возле дома смастерил. Так что очень полюбилась Адель русская зима.

А ещё Василий Аману весточку послал, рассказал о своём житье-бытье и упомянул, что часто друга вспоминает. Вскоре Аман прислал ответ, написал, что ждёт Василия и его семью в гости.

Прошло немного времени, женился Василий на Адель, и жили они в любви и согласии. За это время появились у них дети: дочь Анастасия и сын Александр.

Когда сын подрос, стал отцу в работе помогать. Спустя какое-то время отправил Василий Александра в Петербург ювелирному делу обучаться. А закончив учёбу, вернулся сын в село и подарочек привёз – серебряный чайный сервиз. Глянул Василий на сервиз и ахнул – отродясь такой красоты не видывал. Аж немного завидно стало, но потом гордость за сына появилась. Подошёл Василий к Адель и молвил:

– Александр-то наш даже меня в мастерстве перецеголял. Ничего не скажешь, молодец!

Ну а если разобраться, каждому родителю хочется, чтоб его ребёнок был талантлив, умён и в жизни счастлив.

И по сей день коллекционеры считают большой удачей приобрести изделия Прохорова старшего и Прохорова младшего: чеканные оклады для икон, блюда и вазы серебряные, и в большой цене они у них.

Виктор Пучков

Сосновоборск, Красноярский край

Сани под парусом

Вместо предисловия

В 1952 году среди архива XVII века был найден интересный документ. Вот что в нём сообщалось: «...Работник Яузской мельницы Ивашка Культыгин задумал сани с парусом... и ездить они без лошади могут. Катался Ивашка на них в пустырях ночью. А поп Михайло донёс в приказ потайных дел. И, схватив, Ивашку пытали, и под пыткой покаялся, что хотел выдумать ещё телегу... с крыльями, да не успел. Сани те сожгли, а Ивашку батогами нещадно били».

Это натолкнуло меня на мысль написать рассказ о нашем предке – изобретателе, прародителе современного буера, использовавшего, вероятнее всего, для своих саней лыжи, которые ещё в начале XVII века описывает шведский дипломат Пальм в качестве русского изобретения (скоростные лыжи, длинные и узкие, гладкие снизу. Он упоминает поразительную быстроту русских лыжников).

Иван закидал догоравшую нодью¹ снегом и двинулся напрямик, через заросли березняка и часток кол сосёнок к реке. Остановился у огромной ели. Снег здесь чистый, ясный, а у комля², у самой снежной кромки на солнечной стороне он приподнимался прозрачным слюдяным кружевом, сквозь который просвечивала зелень травинки и листочков.

Повсюду виднелись мелкие беличьи следы, перечёркнутые заячьими наметками и чуть припорошённые снегом; валялись взерошенные белкой шишки. Он поправил топор за кушаком³, надвинул шапку на брови, привычным движением утвердил ноги в ремешках лыж и, оттолкнувшись от ели, покати́л вниз с крутого берега, на сверкающий, точно зеркало, лёд Яузы.

Этот путь уже давно ему был знаком: не раз ходил ставить петли и кулёмки⁴ на белок, силки на косачей и зайчишек. Лыжи, словно сказочные сапоги-скороходы, несли его по сияющему льду едва замёрзшей Яузы. Тонкий лёд местами прогибался, потрескивая, но ветер крепкой рукой нажимал в спину, подгоняя вперёд.

Иван пошире раскинул руки с зажатými полами армяка, и подхватило, понесло его, как на крыльях, – даже дух занялся, а сердце радостно застучало, заби́лось. Вот бы так катить аж до самой слободы, до самого дома! А ветер всё крепчал, всё озорней подталкивал Ивашку в широкую спину.

На повороте вынесло его в единый миг на середину реки. Ещё страшней застонал, пружинисто прогибаясь, лёд под ногами, мелькнуло длинное тело рыбины, какие-то водные травы тянули к нему свои бледные русалочьи длани.

Несмотря на мороз, Ивану было жарко, из-под шапки скатывались капельки пота и попадали в глаза (а может быть, это встреч-

¹ Нодья – таёжный костёр охотников.

² Комель – прилегающая к корню часть дерева.

³ Кушак – пояс для обвязки верхней одежды.

⁴ Кулёмка – ловушка на зверя.

ный ветер выжимал из них слёзы). Ноги словно задеревенели. Но крылья! Да, он словно чувствовал их за спиной! Они несли его вперёд, придавая ему сил и смелости. Ему хотелось кричать, петь от охватившего его неизвестного доселе огромного чувства!

Будто очнувшись, увидел он приближающийся берег, запахло полы армяка и стал останавливаться.

Выйдя на берег, присел на торчащую из-под льда полузанесённую снегом чёрную боковину старого дощаника, снял шапку и вытер мокрое от пота лицо. Поостыв, достал из-за пазухи пресную лепёшку, луковицу и драгоценную щепоть соли в холщовой тряпице и принялся жевать, поглядывая на мельтешивших в кустарнике разноцветных крикливых пичуг. Чечётки на ольхе стайками громко перекликаются, точно деревянными молоточками бьют. Вот, промелькнув в сосновых ветвях, закричала сойка. Где-то, прекратив стучать, завопила желна́.

Дожевав последний кусок, Иван бережно и ловко бросил последние крохи в рот, от этого движения с огромного дуба сорвался дербник¹ и неслышно, стрелой, пронёсся в глубь леса.

Иван зябко поёжился, мороз крепчал. Он осторожно положил маленькую оставленную им корочку хлеба на развилку берёзы, туда, где на чудом уцелевшей паутинке удивительными, разноцветными фонариками переливались, блестели на солнце снежинки. Потом пошептал что-то. Видно, благодарил старичка-лесовичка за добычливую охоту. Котомка у него нынче действительно была увесистой: пара косачей, две пары зайцев, попавших в петли-ловушки, несколько белок. Иван улыбнулся, вспомнив, как одна из них чуть не удрала из-под площадки, когда он хотел её вытащить, – выскользнула из рук, едва успел-сообразил шапкой сбить.

Солнце, прикрытое сетью ветвей, огромным красным горбом выпирало над угори-

стым берегом Яузы-реки, а чуть поодаль от него, словно два его стража, возвышались, подпирая голубое небо, два радужных столба.

«К морозу, должно быть», – подумал Иван и, хлопнув рукавичками, направился через моховины и кочкарники к слободе.

Навсегда запомнился Ивану Культыгину тот морозный ветреный денёк. Ведь именно тогда задумал он сделать сани, да не просто сани, а на лыжах. Да не просто на лыжах, а с парусом! Крепко запала эта дерзкая мысль ему в голову. Ночами не давала спать: Иван всё вспоминал, как толкал его в спину ветер, а он, зажав в раскинутых руках полы армяка, буквально летел на лыжах по льду реки!

Однажды не выдержал: в сочельник, наплевав на морозы, притащил он на подворье упругих дубовых и берёзовых жердинок и начал мастерить.

За советом иногда обращался к деду Фёдору, с которым жил после смерти родителей вот уже более года на окраине Вороньей слободы под Москвой, подле Яузской мельницы, к которой оба были приписаны: дед – сторожем, а Иван – работником. Вот и сейчас, заслышав шаги Ивашки в сенях, дед, кряхтя, поднялся с лежанки, и, потирая поясницу, насупился:

– Носит ты нелёгкая, – встретил он внука хрипловатым басом, – всю хату выстудишь. Мороз-то, вишь, каков на дворе...

– Иван провёл ладонью по багровому от мороза лицу, утирая иней с густых светлых бровей вразлёт и чуть пробившихся усов, окинул деда смешливыми серыми, в прищурочку, глазами:

– Ништо, дедуня... Зима на мороз, зато солнце на лето.

– Э-э, – махнул рукой дед. И притворно-сердито взглянул на внука: – Ну, что опять удумал? Чёрт ты носит, чем игрушкой заниматься, проверил бы верши-то. Поди, уж позамёрзли.

– Дедушка, я это мигом, а мне бы сейчас во как нужно тесло да скобель, – Иван улыбнулся и краем ладони провёл попе-

¹ Дербник – хищная птица, мелкий сокол.

рёк горла, на ходу перехватив из горшка на загнётке ложку каши. Дед с укоризной покачал косматой седой головой и вздохнул:

– И доколь ты, Ванюха, будешь в мальчиках ходить. Как кубарь¹ вертишься...

Он вышел в чулан, долго гремел чем-то впотымах, потом вынес оттуда свой заветный сундучок, открыл его и разложил на тряпице драгоценный инструмент, осторожно, как дитё, погладил его тёмными скрюченными пальцами и вымолвил:

– Береги, внуче. Ещё, сказывали, мой дед пользовался этим железом. Как зеницу ока береги. Других таких нынче не сыщешь. А вот тебе напарье² и терпуг³.

Всё это Иван осторожно завернул в мешковину и, поклонившись деду в пояс, стрелой вылетел из избы – только закрутился пар у порога да метнулась тень за маленькими оконцами, затянутыми бычьими пузырями, покрытыми ледяной коркой по углам.

– Эх-ма, – прошептал дед Фёдор, забираясь на печь. – Гли-ка ты, что удумал парень! Ить надо же... – кряхтел он, устраиваясь там. – «Сани с парусом. Этакое надумать... на лыжах... под парусом», – думал он, засыпая, а в душе, наверное, гордясь своим смышлёным внуком.

А Иван действительно времени даром не терял. Трудился допоздна, уже после работы, натаскавшись вдосталь мешков и кулей на мельнице. Тело ныло, слипались глаза, но всё равно – уже при свете лучин – он что-то строгал, пилил, точил, резал, шил. Видно, весь в отца да в деда пошёл – в посадских столяров, издавна умевших из любой баклуши такое чудо сотворить, что ахнешь.

Сани были уже почти готовы. На крещенские морозы думал Иван опробовать своё изобретение в деле. Мешало одно: отсутствие ветра. Холод был крепкий. Дым из труб прямыми столбами стоял над слободой и лишь где-то в вышине, как бы нехотя, растекался, где через него тускло просвечивал дрожащий круг солнца. Даже обыч-

но сторожкие лоси выходили к человеческому жилью, чтобы перехватить где-нибудь клочок сена или соломы, а волки-то совсем обнаглели. Как-то раз ночью такой серый разбойник пробрался через ограду в поветь⁴, где хранились сани, и изгрыз начисто все сырмятные ремни-крепления на них, хорошо ещё, до парусов не добрался – они были прилажены колыями к стене. Пришлось Ивану собирать истерзанные сани чуть ли не заново.

Все слободские ребятишки – только и слышно было – трезвонили о чудо-санях Ивашки Культыгина, и на культыгинском подворье теперь часто слышались звонкие голосишки, предлагавшие свои мальчишечьи услуги и множество советов. Да и взрослые с любопытством разглядывали и ощупывали диковинную «большую игрушку». Однажды даже поп Михайло зашёл, молча потоптался возле саней и, крестясь, опасно потрогал паруса батожком, постукал по туго натянутым бечёвкам и ремням.

– А что лыжи-то три, а не две... али, скажем, четыре? – скрипучим голосом канючил он.

– Так сподручней, управлять третьей лыжей-то, – угрюмо ответил Иван, смутно чуя что-то неладное в речи попа. – Я с горы их уже опробовал, ребятишек катал, только без кры... без парусов, – вовремя осёкся он, чуть было не вымолвив «крыльев», но вспомнив строжайший дедовский наказ: никогда не молвить вслух подобные слова о санях.

Поп Михайло вскоре удалился, но перед тем, как уйти, сказал, настороженно глядя на сани:

– Богопротивное дело задумал, отрок. Не игрушка сие. Не лукавь, – он снова осенил себя перстами. – Изничтожь непотребное творенье рук своих, не должно человеку посуху аки по воде под парусом плыть, – до-

¹ Кубарь – детская игрушка, волчок.

² Напарье – род бурава.

³ Терпуг – брусок из стали с насечками, служащий напильником.

⁴ Поветь – помещение под навесом.

неслось до оторопевшего от такого неожиданного оборота дел Ивана.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – тяжело вздохнул он. – Как бы не так! Изничтожь! – скривившись, ловко передразнил он шамкающую поповскую речь и в сердцах сплюнул. – Как же, дождётся!

Но дед, узнав об этом, сильно встревожился, тяжело заходил по избе из угла в угол, опрокинул попавшуюся на пути скамейку. Зло сверкнул глазами из-под седых бровей козырьком.

– Я тебя упрещал, милый, упрещал! – сказал он и сжал в кулак свою сизую бородёнку, что означало обычно великое его беспокойство. – Придётся, однако, порушить сани, не то беды накличем на себя, Ваня.

Иван молча наблюдал за ним, подперев кудластую голову крепко сжатыми кулаками. Только по вздымавшейся под безрукавкой широченной груди было видно его волнение:

– Ладно, дедушка, поостерегусь. Авось бог не выдаст, свинья не съест.

Он собрал со стола посуду после нехитрой трапезы, бережно сгрёб широченной ладонью крохи со стола в глиняный горшочек, насухо протёр тряпицей столешницу.

– Эх-хе, жениться, видать, пора тебе, Ванюша, – уж в который раз напоминал дед, зажигая перед образами лампаду. – Ну куда это годится? Чтоб мужик сам себе порты штопал, еду готовил... и опять же – дитёнки. Они тоже нужны, потому в них наша жисть продолжается.

– А кормить-поить чем жену и детей? – спросил Иван, постукав лаптем по пустому ларю, в котором обычно хранились рожь или пшеница, толокно и конопляное масло. – Соли – и той почти не осталось, дня через три закончится.

Дед ничего не ответил, закутался в тулуп и затих на лежанке.

– Сказывают, в Москве беспокойство и смута идёт из-за соли, – продолжал Иван, – будто не будут её вовсе продавать бояре да дворяне и владельцы соляных копий после

того, как царь, бают, придавил большим налогом за продажу соли.

Дед опять не ответил, только посапывал под тулупом. Иван, затушив лучину, забрался на полати.

Уж февраль уходил, о санях-самокатах под парусами-крыльями перестали вспоминать, словно их никогда и не было. Только нет-нет, да передадут деду Фёдору, будто видели на пустырях ночами, в метель, за слободой шибко мчащиеся под двумя парусами сани, точно невидимая сила несла их по-над землёй... Передавали это доброжелатели шёпотом, таясь, как будто невесть о чём-то грешном, и крестились.

А от попа Михайлы, которого они встречали на мельнице, когда тот привозил на помол своё зерно в громадных ларях, то и дело слышали одни и те же стенания и вздыхания.

– Ох, смутные нынче времена пришли... Безвременье настало, – шепелявил он, так трясая маленькой головёнкой, что Иван всякий раз удивлялся, как на ней удерживается поповская скуфейка¹. При этом поп вытягивал, как гусак, шею, пересчитывая свои мешки и приговаривая: – Бдеть, бдеть надобно, – и косился на Ивана маленькими слезящимися глазками.

Выдался ясный денёк. У Ивана на сердце было светло и радостно. Вот и сейчас он остановился у саней, грузённых мешками с новым, ещё тёплым помолом. В небе кувыркались уже почувствовавшие, наверное, близость весны, голуби; горластые воробышки и нахально сновали под ногами, и гонялись за голубями в небе, где, ловко преследуя их, заводили такую карусель, что у засмотревшегося на них Ивана чуть шапка с головы не упала. «Эх, крылья, крылышки!» – вздыхал он. А по ночам (когда выдавались особенно удачные лунные ночи с

¹ Скуфейка – у православного духовенства: остроконечная бархатная чёрная или фиолетовая мягкая шапочка.

ветерком) гонял свои крылатые сани по полям, пустырям, а случилось, при попутном ветре и в безлюдье – и по дорогам.

Изрядно поднаторел в управлении парусом Иван, научился, наконец, делать крутые повороты на санях, лишь чуть сбавляя скорость, управляя ими всем телом, всеми жилами вращая в парус, чувствуя каждое его движение, ловя малейшее движение ветра. Словно сказочная ладья, летели Ивашкины сани по просторам полей, куда, казалось ему, не достигнет чей-нибудь нехороший глаз, не предаст. Только ветер и луна, парус и снег под ногами: то мягкий как пух, то звенящий, как струны гуслей, то гудящий на горбатом насте, как тулумбас¹.

Научился даже зайчишек гонять: страсть как много, оказывается, этих зверушек в ночное время выходит в поле. То и дело срываются они из-под самых лыж и стремглав несутся огромными прыжками, самого-то зайца почти и не видно – только голенастая тень неслышно стелется по снегу. А бывало, и лис гонял. Этим ещё интереснее... Только лиса, известное дело, не заяц. Тот по прямой прёт со страху, а эта красавица вмиг ускользает в кусты, только её и видели.

Но однажды Иван нарвался на волков. Ветер туго напирал в звенящее полотнище паруса, вырывая из рук пеньковую бечёвку, которую он наматывал на руку. Приходилось ловчиться: управлять и парусом, и рулём-лыжей, да силушки и ловкости парню было не занимать. Только снег шуршал под лыжами, ветер посвистывал в парусе да тонко пела бечева. Мелькали заячьи следы-скидки и лисьи цепочки.

Хорошая была ночка, ветреная. А главное – туч мало, луна огромная, ясная, как китайское блюдо, всё видно вокруг как на ладони: где кочка какая, где пенёк, где заяц прошмыгнул быстрой тенью. Всё видит острый глаз Ивана.

Только вдруг почудилось ему, что кто-то его догоняет, что-то неладное делается у него

за спиной, настолько неладное, что у него аж мурашки побежали по спине. Он уже понял, что за зло догоняет его, а обернуться и посмотреть не может: гонит сани ветер, того и гляди перевернёшься или на куст налетишь. И такое бывало.

Но всё же на небольшом повороте Ивану удалось разглядеть, как за ним по его же следу быстро движутся несколько длинных приземистых теней с горящими парами точек. Он понял, что не ошибся в своих ощущениях... Это были волки. Это они гнали перед собой волну страха, которую он и почувствовал.

Ему не раз приходилось видеть этих непрошенных гостей за околицей, да и с подворья приходилось гонять, избёнка-то их была крайняя в слободе. Но там он был дома, и волки как чувствовали, что человека лучше не трогать, предпочитали уходить, не связываясь с ним. А здесь, в ночном лунном безмолвии, волки были дома у себя, они были хозяевами, они были всеильны, их ничто не могло остановить. Иван это понимал, понимал настолько, что сердце застыло в груди холодной ледышкой.

Сани легко и ходко катили под небольшой уклон, но тени приближались неумолимо быстро.

– Эх, не подведите, саночки, – то ли простонал, то ли прошептал Иван. А сани и ветер, будто вняли его мольбе: ранее с трудом дававшийся ему разворот удался довольно легко, только стоил Ивану шапки, свалившейся с головы и оставшейся где-то позади, там, где в жуткой тьме вдруг раздались рычание и визг... Но он даже не заметил этой потери, продолжая разворачивать сани, чтобы сходу не врезаться в надвигавшиеся заросли ивняка на берегу Яузы.

«Кабы парус не угас, не пал», – лихорадочно билась единственная мысль.

Лавируя санями по ветру, чтобы уравновесить их, Иван перегнулся с саней к самому снегу и тут же увидел – нет, пожалуй, даже учуял – страшную морду матёрого волка, неожиданно вскинувшегося над ним. Не раздумывая, машинально, Иван

¹ Тулумбас – старинный музыкальный ударный инструмент.

наотмашь ударил волка свободной рукой. Попал. Серый кувыркнулся куда-то в темноту и, наверное, сбил ещё одного, так как из темноты раздался визг и послышалась какая-то возня. И началась бешеная гонка. Краем глаза парень видел своих преследователей. В свист ветра теперь вплеталось страшное волчье подвывание.

Серые, их было пятеро, старались обойти, взять в кольцо, но его спасало то, что снег был достаточно глубокий и волки не могли бежать ещё быстрее. Иван уже совсем близко видел их жуткое мерцание глаз и, вжавшись в утлое нутро саней, ждал страшной развязки.

Занемевшие руки, сдавленные петлями ремней паруса, уже не чувствовали холодно-го, пронизывающего ветра, глаза застилали высеченные ветром слёзы... Ему везло! Ему пока сказочно везло! Сани мчались вперёд.

Заросли липняка у самого устья Золотого рожка, небольшой речушки, впадающей в Язу, вынырнули из темноты и стремительно приближались. «Если врежусь в кусты... Всё! Конец!» – тоскливо подумал Иван. Но в самый последний момент в темной стене кустов вдруг мелькнуло чуть видимое светлое пятно, то была просека в их чащобе, ведущая к омуту на Язу. Это было спасение.

Иван налёг на руль и облегчённо вздохнул, когда сани послушно нырнули в щель между кустами. Позади послышался хруст ломавшихся ветвей, визг и рычание волков.

– Что, взяли?! – обернувшись, радостно завопил он, пуская сани по ровному спуску на блестящий под луной, словно слюда, лёд реки. Провалившись в глубокий рыхлый снег у кустов, волки теперь сильно отстали. Лишь один из них напористым наметом шёл наперерез саням.

«Надо же, упрямый какой, – подумал Иван. – Если бы один на один... я бы тебя голыми руками удавил! Сил бы достало!»

По льду сани пошли ещё быстрее. Стая, беспомощно побарахтавшись на льду, теперь с диким воем двигалась по берегу Язу, но самый крупный волчище по-прежнему преследовал сани.

«А может, ещё и получится... один на один!» – усмехнулся Иван. Если, конечно, серый совсем дурной и продолжит его преследовать, оторвавшись от стаи.

Но вскоре и он отстал, неуклюже растянувшись на брюхе, а потом заковывал к своим завывающим собратьям.

А ветер гнал и гнал сани. Иван дружил с ветром, но сегодня он был не просто его другом, он был ему братом, был его отцом, был его самым близким родичем... был его жизнью! Ветер гнал сани вперёд, куда глядели глаза Ивана. Вперёд, по этой сверкающей ледяной лунной дороге, которая вела к жизни.

Только на другой день, поутру добрался Иван домой. Обессиленный и крепко обмороженный. Несколько дней провалялся дома в горячке, а когда чуть окреп, явился к нему ярыжка¹ с бердышом и при сабле.

– Собирайся, пойдём, – промямлил он, топчась у двери.

– Помилуй, за что? – охрипшим от простуды голосом спросил Иван.

– Одевайся, велено быстрее везти, – пугливо продолжал тот и сунул ему в руки кафтан. – Так-то, Вань, таперича на казённом коште поживёшь, – подхотнул ярыжка и подтолкнул его к двери.

У приказной избы, как обычно, стоял мирской шум, суета: голосила какая-то баба, шныряли вездесущие ребятишки, чинно ходили служилые. Приказная изба была хоть и старая (пережила, чай, не один московский пожар), да ладная ещё, с маленькими оконцами в подклети, заделанными железными прутьями в палец толщиной.

Иван шагнул было туда, но его остановил строгий окрик воротного с рушницей² на плече.

– Чего орёшь? – вздрогнул Иван. – Уж не глухой... – он поднялся по высокому крыльцу и толкнул дверь в сени.

¹ Ярыжка – служитель приказа, исполняющий полицейские функции.

² Рушница – ружьё, пищаль.

Ярыжка проводил его и, открыв дверь в избу, сам остался за нею. Иван вошёл. У окна стоял большой стол, за ним сидели присяжный и подьячий¹, перед которыми были разложены стопки бумаг, стояла баночка с чернилами, обёрнутая тряпичкой, о которую подьячий то и дело вытирал, чертыхаясь, гусиное перо. А в углу под образами с мигающей лампадкой сидел поп Михайло. Его маленькая головка в бархатной скуфейке по-прежнему сильно дёргалась, когда он что-то нашёптывал присяжному, склонившись к самому его уху. Тот пошевелил седыми бровищами и уставился на Ивана, удивлённо рассматривая его, потом упёрся мощными руками в столешницу и гаркнул:

– Подь-ка сюда! Сказывай, где это ты, паря, по ночам шляешься?!

– Да я... – начал было Иван, но ему не дал договорить поп Михайло, тот подбежал к нему и сунул в лицо свой сухонький кулачишко.

– Ведьминскими делами занимаешься! Чёртовы сани сделал с крылами!

Изрядно набитая служилыми людьми приказная изба притихла. Все уставились на Ивана, он опустил голову. Попишка стал вертеться около него, доказывая все его греховные похождения, а когда рассказал про то, как Иван умудрился избежать лютой смерти от волчьей стаи, кто-то не удержался и рывкнул:

– Во молодец! – но тут же поперхнулся и смущённо умолк.

А поп всё не унимался:

– Не могёт того быть! Нечистая сила вела те сани! Сказывали люди! Лицезрели.

Время шло к обеду, изрядно уставшие и проголодавшиеся присяжный и подьячий понимающе переглянулись между собой.

– Ладно, на сегодня будет! Порешили всыпать ему батогов пятьдесят, – прервал поповскую речь присяжный. Подьячий же брызгал чернилами, скрипел пером по бумаге.

– Сбросить бы малость парню... – вступился за Ивана кто-то из служилых.

– Я те сброшу! Я веду спрос! И не перечь мне! Цыц! – присяжный грохнул кулачищем по столешнице так, что подьячий едва поймал на лету чернильницу, а поп испуганно перекрестился, даже головёнка перестала трястись, и попятился к двери.

Ещё поутру заявился к деду Фёдору тот же ярыжка, что свёл в приказную Ивана Культыгина, а с ним заявился и Петька Сизый, некогда согнанный со слободы, а ныне, вишь ты, объявившийся в новом звании: служилый. Они обыскали подворье, перерыли всё в избе, заглянули в чулан, даже в ларе покопались; переворошили тулупы и шубы на печи. О чём-то долго шептались, потом подступили к деду с допросом, но уже более милостиво, чуть ли не заискивающе. А Петька, тот лисой увивался и наглыми глазами тарачился на деда:

– Молвят люди, что нынче изрядно кто-то из наших мягкой рухляди напромышлял...

Дед смекнул, куда тот клонит:

– Поди, не сани-то сыскать хотите, чай, чтой-то другое? – он кашлянул в кулак и подмигнул Петьке, понял, мол: «За Ивашку выкуп требовался? Ну что ж, ладно».

Все слобожане знали, что два его сына, Дмитрий и Николай, и внук Иван Культыгины были не только отменными умельцами-столярами, но горазды в промысле зверя и птицы. Правда, трудов великих это стоило, и был долог и нелёгкий путь к зырянам и пермякам в те украинные места.

Два лета тому назад ушёл и не вернулся с Вычегды сын его Дмитрий вместе с женой Анфисой. Лишь по весне нашли его коч² со следами от стрел и пищальных пуль. Дед Фёдор прикрыл глаза, вспоминая сына, и, кутаясь в тулуп, хлопнул себя по лбу ладошкой, сделав вид, будто что-то вспомнил:

– Как же, припомнил! Микола мой сказывал как-то, что с Туглима малость рухлядки привёз, как же ж, добыл, добыл...

¹ Подьячий – писец, мелкий канцелярский чиновник.

² Коч – мореходное парусное судно северных и сибирских промысловиков.

Оба служилых при этом раскланялись, как никогда, с дедом и вышли, пообещав напоследок, что не преминут пособить его горю – помогут вызволить Ивашку.

А сани нашли в старом овине на пустыре у Вороньей слободы и там же сожгли. Поп Михайло самолично рушил сани топором, задыхаясь и кашляя, крестясь чуть ли не после каждого удара. Тут же толкались изрядно хмельные дьячок и кто-то из слободских подпевал, подкладывали берестяное корьё под изуродованные сани.

– Да мы для тебя, радетель ты наш... хошь што... – приговаривал один из них, раздирая плотную ткань паруса.

Другой рьяно чиркал кресалом, пытаясь высечь огонь.

Наконец костёр разгорелся. Сухое дерево быстро взялось, вспыхнуло. Ярко-алые языки пламени поднялись ввысь, а с ними и изуродованный парус – словно рванулся к облакам, чтобы улететь! Поп Михайло отшатнулся от костра и, зарывшись крестом, как щитом, стал шептать какие-то молитвы...

Иван не видел этого. Избитый батогами (не помогла даже «мягкая рухлядь», что отдал дед Фёдор на откуп Ивана), он сидел в остроге вот уже вторую неделю, ожидая дальнейшей своей участи. Когда загромыхал засов на двери, Иван даже не обернулся, думал, опять баланду притащили.

– А ну пошли, – потребовал ярыжка, открывая дверь настежь. – Велено тебя, малый, выпустить, так что давай, топай.

Иван молча вышел из каморки, в глаза брызнуло голубым и зелёным. Он зажмурился на миг, остановился, закружилась голова. Присев на ступеньку крыльца, оглянулся на съезжую¹ избу, на её слюдяные окошки, затянутые инеем, подсле-

¹ Съезжая изба – то же, что и приказная изба.

² Лядунка – сумка для патронов, носимая на перевязи через плечо.

³ Натруска – приспособление, из которого насыпали (трусили) порох на полку ружья.

⁴ Ослон – деревянная палица с утолщённым концом, обитым железом.

⁵ Ертаульные струги – суда караульной службы.

поватые и угрюмые, словно глаза с бельмом. И вдруг обратил внимание на то, что и стражник у крыльца, и воротный были усиленно вооружены, у обоих были рушницы, вместо обычной шапки на головах – шишаки, на опояске – кривые сабли в ножнах, и виднелись лядунка² и натруска³ с зельем, а воротный придерживал у ног тяжёлый ослон⁴.

– Неужто война?! – тревожно подумал Иван, приглядываясь к сновавшим по подворью стражникам.

– Ванька, Ва-ань! – услышал он за спиной дедов голос. – Ослобонили тебя, милый!

Подошёл дед, крепко обнял его за плечи и, неловко утирая набежавшую слезу, трясушимися руками пытался прикрыть его изодранный на плечах кафтан стареньким зипуном, прихваченным из дому.

– Не надо, дедушка, пойдём скорее отсюда, – прошептал он, с трудом шевеля разбитыми губами. – За одного битого, говорят, двух небитых дают нынче, – усмехнулся Иван и закашлялся, сплёвывая на снег шматок крови. Побледнел, пот бисеринками за серебрился на лбу. Он утёрся подолом рубахи и свозь сжатые губы процедил: – Они ещё меня припомнят. Погоди, дед, будут ещё у меня и саночки с крылышками, и телега под парусом.

Немало дней прошло с той поры, как освободили Ивана Культыгина из-под стражи. Зарубцевались его раны после пыток и батогов. Пришло лето, а с ним и вновь в Москве и окружающих её слободах, как и в Вороньей, где жил Иван, стало беспокойно, назревал «Соляной бунт», в водовороте которого исчез Иван Культыгин, да, видно не совсем. Одни сказывали, заметили как-то его на ертаульном струге⁵ на Печоре-реке, другие видели-де на Москве-реке в челне под каким-то громадным парусом.

А может быть, кто-нибудь из русичей и в самом деле видел на Владимирской или Рязанской дороге чудо-телегу под парусом? Или чудо-сани на ледяной глади Печоры или Вычегды? Как знать?..

Нина Романова

Калгари, Канада

Дежурство...

День был тяжёлый. Операции, как нарочно, шли одна за другой и усталость навалилась враз, тяжело, угрожая превратить ночное дежурство в кошмар.

«Только бы не было неотложки», – думала Лена, заканчивая писать протокол операции.

– Арёфьева! Сегодня вместо меня новый анестезиолог в ночь! Говорят, стра-а-шный бабник, ни одной юбки не пропустит, – пропела Евгения Леонидовна, старейший анестезиолог отделения. – Столичный. Начальствовать в горздраве поставлен, но зачем-то поддежуривать хочет. Романтика, видать, ещё не выветрилась.

– Жужа, не поверишь, мне не то чтобы по барабану, а вообще по барабану, – вздохнув, ответила Лена, – на ногах еле стою.

– Это потому, что твой анестезиолог – баба. Вот будет с тобой мужик – и глаз из-под маски заблестит, и слюна капает, – хохотала старая докторша, не потерявшая, несмотря на возраст, ни вкуса к жизни, ни чувства юмора.

Лена махнула рукой в сторону коллеги и закрыла историю болезни.

– Посплю, пока время есть, – сказала она и поднялась из-за стола.

Спали доктора во время дежурств тут же, в ординаторской. Диванчик был старый, продавленный, неопределённого уже цвета, но спалось на нём без снотворного и уговоров – мёртвым сном. Лена заглянула в шкаф, вытянула оттуда такой же выдавший виды клетчатый плед и, набросив его на плечи, осторожно прилегла на сочувственно скрипнувший лежак.

Евгения Леонидовна, облачившись в «гражданское», покинула ординаторскую, неслышно прикрыв за собой дверь, так как знала – на дежурстве каждая минута отдыха дорога.

Но, к удивлению, сон не приходил, и Елена, полежав с закрытыми глазами и так и не сумев отключиться от мыслей о работе, поднялась и пошла по направлению к чайнику. Дверь приоткрылась и показалась чья-то спина. Лена удивлённо глянула на мужчину, застывшего в дверном проёме. Тот оживлённо говорил с кем-то в коридоре, а потому лица его не было видно. Но голос отчего-то показался знакомым. Каким-то далеко знакомым, словно последний раз она слышала его в прошлой жизни...

Лена замерла, ожидая, когда говоривший обернётся к ней.

Наконец, затянувшееся приветствие завершилось, и мужчина шагнул в кабинет.

Дверь хлопнула глухо и словно бы извиняясь. Мужчина и женщина стояли напротив друг друга, замерев: она – с всклокоченными волосами, полинявшим, как будто седым, пледом на плечах, красными от усталости глазами; он – бодрый и свежий, гладко выбритый, в, похоже, новой, ни разу не надетой хирургической униформе.

– Лена? – наконец спросил он, слегка сомневаясь в утвердительном ответе.

Она прищурилась, словно от этого стоящий перед ней человек мог перевоплотиться в кого-то другого, но, убедившись, что это не помогло избавиться от наваждения, кивнула.

– Здравствуй, Никита.

– Лена! – снова произнёс он, но уже радостно, как будто давно ждал этой встречи. – Лена! Он протянул руки, раскрывая их для объятий, и она, неожиданно для себя,

шагнула навстречу и, вся как-то сжавшись, оказалась охваченной этим крепким мужчиной, с таким знакомым, почти родным, хотя, казалось, позабытым запахом.

Ей хотелось задержаться, прижавшись к его груди, но он, захватив её за плечи, отнял от себя и принялся трясти, глядя в глаза и приговаривая:

– Это же с ума сойти! Это сколько же лет? Ленка! Вот это да! Неужели это ты!

– Это я, – ответила она и, высвободившись из его рук, поправила плед, словно он защищал её от чего-то.

– Ты как давно здесь? – снова спросил он.

– Сразу после распределения, – ответила она и, отвернувшись, направилась в сторону чайника.

– И я, представляешь, все эти годы прокоптел на одном месте, – смеялся Никита, радуясь чему-то, понятному ему одному.

Лена включила шнур в розетку и смотрела на воду, будто от этого она могла закипеть быстрее.

Никита, почувствовав паузу, замялся.

– Ну а как ты вообще? – спросил он. – Семья?

– Муж, дети взрослые уже, всё обычно, – продолжая следить за начинающим шуметь чайником с выскакивающими на поверхность пузырьками с паром, ответила женщина.

– А я вот один, – усмехнулся мужчина.

Лена сжала концы пледа в кулак, и выцветшие клетки растянулись на её плечах.

Дверь в ординаторскую распахнулась.

– Черепно-мозговая, тяжёлая! – выкрикнула медсестра.

– Иду, – ответила Арефьева и с сожалением взглянула на стакан с незаваренным чайным пакетиком.

– Мне с тобой? – спросил Никита.

– Я так понимаю, ты – новый анестезиолог? – то ли спросила, то ли уточнила Лена.

– Он самый, – кивнув и расшаркавшись, ответил доктор.

– А мне говорили, что молодой, – улыбнулась наконец женщина.

– А я и есть молодой! – подмигнул в ответ старый знакомый. – Точно, как ты!

– Я дам тебе знать, – ответила она и вышла...

В приёмном кто-то громко плакал и кричал, то ли ругаясь, то ли оправдываясь. Елена зашла и увидела на каталке женщину с обезображенным травмой лицом, слипшимися от крови волосами, но совершенно осмысленными широко раскрытыми глазами. Перед ней стоял мужчина, рубашка которого была выпачкана в её, похоже, крови. Он был в шоке и не переставая кричал:

– Катя! Слышишь меня? Я тормозил! Катя! Это они въехали! Катя!

Медсестра обрабатывала рану на голове женщины, всем своим телом пытаясь отодвинуть мужчину в сторону, но он выглядывал из-за её плеча и продолжал взывать:

– Катя! Слышишь меня? Катя!

Лена взглянула на пострадавшую, быстро проверила рефлексы.

– Кровь заказали? Готовьте в первую, – распорядилась она.

За годы работы в нейрохирургии стало уже привычным пробуждаться в одно мгновение, приходиться в сознание и концентрироваться вне зависимости от степени усталости. Словно мозг включался в работу за двоих – за себя и за тот, который требовалось спасти.

Привычно переодевшись, помывшись, Елена зашла в операционную, где на столе уже ожидала подготовленная к операции женщина. Лицо её было отёкшим, но черты угадывались лучше, чем там, в приёмном покое. Глаза были закрыты, и вся она словно погрузилась в ожидание, доверчиво отдав свою судьбу в руки хирургов. Ассистировал торакальный, смешной лысый Палыч, который работал все дни и ночи, так что коллеги подшучивали, что ему просто негде жить.

– Ленусик, у меня булочки с корицей – съешь вместе с кончиками пальчиков! – говорил он, одновременно обрабатывая кожу уже засыпающей пациентки. – Как закончим – прошу на чайный брудершафт!

– Мы готовы, – объявил анестезиолог, и Лена, услышав его голос, отчего-то вздрогнула.

– А вы, доктор, откуда к нам, если не секрет? – продолжая работать, поинтере-

совался Якушев. – Неужели из самой столицы?

– Из неё самой, – ответил Никита.

– Ну-ну, – качнул головой хирург, – милости просим в наше захолустье.

Операция шла успешно. Сосуды не кровоточили, костные обломки вынимались без труда, давление держалось в норме. Женщина словно старалась вести себя безупречно и если не помогать, то по крайней мере не осложнять хирургам работу. Накладывая швы, Лена чувствовала, что усталость как рукой сняло. Настроение было бодрое, почти радостное.

– Палыч, про булочки не соврал? – спросила она, снимая перчатки.

– Ленусик! И булочки, и чай, и я весь твой, – смеялся пожилой мужчина, качая лысой головой. – Доктор, вы тоже приглашены, – добавил он, обращаясь к Никите. – Накрываем чай во второй хирургии.

– Спасибо, – ответил анестезиолог, – обязательно буду.

Арефьева отправилась к себе, намереваясь развязаться с бумажной работой, пока не привезли нового пациента, но вдруг неожиданно развернулась и пошла к лестнице...

– Сначала пир! – сказала она себе и улыбнулась...

Чай уже был заварен, булочки, разогретые в микроволновке, сводили с ума запахом корицы, доктор суетился, разбирая завалы историй и ещё каких-то папок и журналов на единственном в кабинете кресле. На столе лежал телефон, из которого слышалась музыка, и Пугачёва пела: «А ты знаешь, всё ещё будет...» Палыч любил, как он говорил, «старые песни о главном» и слушал их всегда и везде.

– Ленусик, твой трон готов! – воскликнул он.

Лена знала Виктора Павловича много лет, любила его за душевность и уважала за профессионализм. Она провалилась в мягкое сиденье с давно повреждённой внутренней конструкцией и осторожно двумя пальцами взяла посыпанную сахарной пудрой булочку.

– Ну вот что ты со мной делаешь, старый соблазнитель! – рассмеялась она, поднося

лакомство к губам и зажмуриваясь от предвкушаемого удовольствия.

– А мне только и осталось, что соблазнить тебя корицей, – смеялся довольный старикан. – Вон какие конкуренты столичные понаехали, – кивнул он в сторону, – куда мне со своими булочками.

– Ты – вне конкуренции! – не согласилась Лена, облизывая покрытый сахаром пальчик.

– Ох, Ленка, хороша! – кивал головой старый доктор и припивал чай из чашки.

Она, привыкшая к его шуткам, смеялась.

– Палыч! На непроходимость кишечника! Поможешь? – спросил заглянувший в ординаторскую коллега.

– Конечно! Как раз покушали, успели! – поднялся со стула хирург и, послав Лене воздушный поцелуй, поспешил на очередную операцию.

Елена посидела, закрыв глаза, прислушиваясь, не подкрался ли сон. Но спать не хотелось. Часто случалось, что от чрезмерной усталости открывалось второе дыхание, словно организм включал все свои резервы. Она уже хотела пойти к себе, как вдруг на пороге появился Никита.

– Булочки ещё остались? – спросил он.

– Похоже, что да, только надо их разогреть, – ответила она и поднялась с кресла.

– Это уже баловство – греть булочки, – рассмеялся мужчина, – я их и холодные за милу душу приговорю.

Лена всё-таки дошла до стола, достала чашку, включила чайник и, дождавшись, пока вода закипит, залила чайный пакетик.

– Вот, чёрный, – протянула она чашку. – Сахара нет.

Он посмотрел на неё, отпил, обжигаясь, чай и поставил его на стол.

– Елена Николаевна! Этот, в приёмном, буянит! – заглянула в дверь медсестра.

– Я подойду, – ответила Лена и поднялась.

– Я с тобой, – сказал Никита и отправился за ней следом.

В коридоре приёмного отделения муж потерпевшей сидел, согнувшись пополам, на стуле, обхватив руками голову, и, не замолкая ни на минуту, кричал:

– Катя! Слышишь меня? Катя! Я тормозил! Катя!

Анестезиолог подошёл к нему, положил руку на плечо. Мужчина замолчал, поднял голову и посмотрел на врача.

– С Катей всё хорошо, операция прошла успешно, завтра можно будет её увидеть, – спокойным ровным голосом сказал доктор.

Мужчина смотрел перед собой, но словно ничего не видел.

Арефьевой показались странными и его лицо, слегка асимметричное, и какое-то подёргивание, и взгляд, будто отсутствующий.

– Мужчина, вы как себя чувствуете? – спросила она, но он вдруг повалился вперёд, на Никиту, едва успевшего удержать враз отяжелевшее тело.

– Каталку! Готовьте в первую! – распорядилась Елена, проверяя зрачковые рефлексы у неожиданно объявившегося пациента.

– Думаешь, внутричерепное? – спросил коллега, вместе с санитаром забрасывая мужчину на каталку.

Но Лена уже бежала впереди них, сердясь на себя за то, что не обратила внимание на мужа пострадавшей раньше...

Удача, похоже, вся была брошена на чашу весов женщины. С мужчиной всё шло не так: мало того, что симптомы травмы остались незамеченными и довольно значительное время было упущено, кровотечение никак не удавалось остановить. У Арефьевой не получалось найти сосуд, который кровил где-то глубоко, давление падало и анестезиолог поторапливал. Палыч был занят на полостной и ассистировать пришёл молодой ординатор, от которого толку было ноль. Елена старалась сохранять спокойствие, но волнение нарастало.

– От стола! – крикнул Никита одновременно с запищавшим монитором, регистрирующим остановку сердца.

Лена отошла, держа перед собой руки, готовая в следующее после разряда дефибрилятора мгновение продолжить операцию.

– Разряд! – уверенно командовал анестезиолог.

Монитор продолжал пищать.

– Ещё разряд!

На экране плыла прямая линия.

Елена прикрыла глаза. Со лба струились капли пота, хотелось открыть лицо и глубоко вздохнуть. Накатила тошнота, и она, открыв рот, потянула воздух через маску.

Прибор замолчал, и на экране появилась кривая кардиограммы.

Хирурги шагнули к столу и собирались продолжить операцию, но прибор снова запищал.

– От стола! – скомандовал Никита и оперировавшие, безнадёжно отойдя в сторону, отсутствующим взглядом провожали прямую линию на экране до тех пор, пока не услышали:

– Ноль три, сорок – время смерти.

Арефьева стянула перчатки, маску, развязала халат, упавший к её ногам, и вышла из операционной.

В ординаторской было темно. Не включая свет, Елена подошла к окну, за которым тускло светили фонари, безуспешно соревнуясь с полной луной. Она натянула шапочку, прижимая её к глазам, и глубоко вздохнула, борясь со спазмом в горле.

За спиной блеснул и погас свет – кто-то зашёл в кабинет. Лена отняла шапочку от лица, но продолжала стоять. Она почувствовала его дыхание. И запах, такой родной и давно забытый.

Никита осторожно обнял и прижал её к себе. Они стояли молча, и мысли вихрем крутились в голове. Вся жизнь, казалось, пронеслась перед глазами кадр за кадром – словно кто-то включил запись на ускоренную перемотку.

– Почему ты тогда уехала? – спросил он.

Она промолчала.

– Почему ты уехала, ничего не сказав? Почему ты исчезла? – снова, уже требовательным голосом, повторил он.

– Не кричи, – прошептала она и, повернувшись, прижала холодные ладони к его горящим щекам. – Мне казалось, так будет правильно. У тебя было всё впереди, а я кто? Девочка из провинции.

Никита оторвал её руки от своего лица.

– Ты так просто решила за нас двоих? – прошептал он.

– Но ведь ты не стал искать меня, – улыбнулась Лена и положила руки ему на грудь.

Он прижал её голову и замер, слушая дыхание и наблюдая раскачивающиеся в свете фонарей тяжёлые ветки дикой яблони, облепленные белыми цветами.

Они так много хотели сказать друг другу, мысленно все эти годы проговаривая несбывшиеся надежды и несостоявшиеся планы, надеялись на встречу и боялись её.

Лена слышала, как бьётся его сердце. Или это её собственное сбивается с ритма?

Он приподнял её волосы от шеи и провёл ладонью по коже. Глубоко в груди что-то замерло, скатилось в живот и запекло. Женщина затаила дыхание и подняла лицо навстречу к его губам. Он сжал её волосы в кулак, словно боялся, что она снова вырвется и исчезнет, и осторожно, словно вспоминая о чём-то, начал целовать веки, брови, висок, спустился к шее, осторожно покусывая, и вдруг, словно осознав, что вот она – вся его без остатка, впился в губы, прижимая всё маленькое, враз ослабевшее тело к себе; обхватив другой рукой плечи, держал так крепко, что она застонала.

Он оторвался на мгновение, шагнул к двери, щёлкнул замком и повернулся к ней. Лунный свет разливался за её спиной, вырисовывая на фоне окна тонкую фигурку с ореолом просвечивающих в ночном свете волос.

– Ленка, – шагнул он к ней и уже не мог оторваться от этой женщины, неосознанной болью, тоской и мечтой преследовавшей его все годы.

Она плакала, слёзы катились по щекам, и он собирал их губами, переменяя с поцелуями.

– Что ты? Не плачь, я с тобой, – шептал Никита.

Он снова тянул её за волосы, откидывая голову и целуя выступающие ключицы. Её дыхание прерывалось на мгновение, словно она прислушивалась к себе, и снова мешалось с бешеным биением его сердца. И когда он, обессиленный долгожданной страстью, замер, она продолжала тихонько целовать пляшущую на его виске жилку.

За окном облака уже заиграли, размешивая сиреневый, зеленоватый и розовый для пробуждающегося неба. Птицы пробовали первые ноты. Ветки яблони замерли, вспоминая, как ночью отдавались порывам ветра, бесстыдно рвущего с них лепестковую нежность, брошенную теперь покрывалом к подножию дерева.

– Ты больше не исчезнешь? – спросил он.

Женщина промолчала, поднимая с пола одежду.

– Я нечасто здесь дежурю, но живу недалеко. Вот мой номер, – говорил он, записывая цифры на бумаге.

Лена взяла листок.

Телефон в кармане пиликнул. Она включила и взглянула на экран.

«Ленок, как дежурство? Не забудь, сегодня в 4 автосервис. Целую».

Елена собрала волосы в пучок.

– Я пойду, – она шагнула по направлению к двери.

– Лена!

Женщина чуть замедлила шаг, но не остановилась и не обернувшись вышла из кабинета.

Она прошла по коридору, спустилась на первый этаж в приёмный покой, где за всю ночь не выдалось ни одной спокойной минуты. За столом дежурного врача сидел Палыч и подпевал песне, играющей на лежащем перед ним телефоне:

...Не исчезай из жизни моей,

Не исчезай сгоряча или невзначай...

Лена остановилась, прислонилась спиной к стене, прислушалась к себе, достала телефон и, напечатав «Не забуду. Целую», отправила сообщение... Старый хирург, оторвавшись от бумаг, подмигнул.

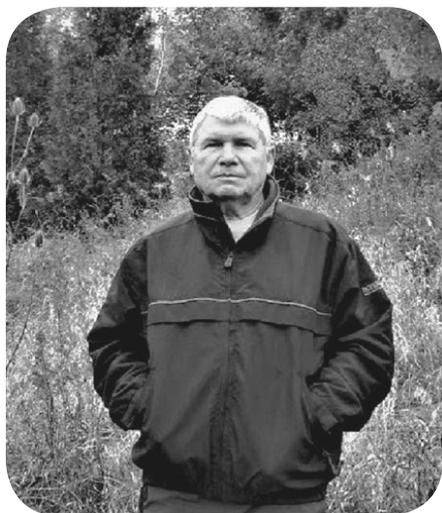
...Исчезнут все, только ты не из их числа,

Будь из всех исключением, не исчезай...

Калгари, 2019 г.

Страница автора

soyuz-pisatelei.ru/ninaromanova

Валерий Рубин **Брамптон, Канада**

Post Scriptum

Настоящий человеческий талант – разрушение. Не созидание, а именно разрушение, вы не ослышались. Мы высокомерно, целеустремлённо и, надо признать, эффективно уничтожаем природу – основу, базу нашего существования, дарованную нам свыше. Каждой твари по паре, помните? Вы слышали, что в Судане погиб последний белый носорог? (А нам-то что? – Понятно...) Что поголовье львов на африканском континенте, а тигров в Южной Азии сократилось настолько, что и говорить не о чем. Белый медведь в Арктике? Большая редкость. Повезёт, если увидите.

Человек умудрился за пару-тройку десятилетий истребить половину диких животных, обитателей планеты. Справедливости ради заметим, что и себе подобных, прямоходящих двуногих, он не жалеет и эшелонами отправляет на тот свет при первой представившейся возможности. Дель-

фины выбрасываются на берег ни с того ни с сего? Ясно, что не от хорошей жизни, но это их проблема, не правда ли? Океаны (океаны!) – не пляжи – замусорены до невозможности. Кто виноват? Видимо, пришельцы. Не те, которые с далёких звёзд, а мы с вами. Мы ведь пришельцы на Земле. Пришли – ушли, оставив после себя горы мусора. Разрушенные города, опустевшие сёла, деревни. Выжженные и вырубленные леса. Обмелевшие реки и озёра. Смрадную, удушливую атмосферу – некогда воздушную оболочку Земли. Миллионы убитых, искалеченных. Миллиарды необразованных, бедных, голодных...

Роль Творца взяла на себя гениальная инженерия. Она преобразует мир налево и направо. Раньше гвоздики были исключительно белые и красные, сегодня – на любой вкус: синие, жёлтые, пурпурные, в крапинку, серо-буро-малиновые... Какие хотите, как пожелаете. Колбаса докторская – генно-модифицированная, щука отечественная – генно-модифицированная. Хлеб, молоко, мясо... Что мы вообще едим?

Вы слышали, чтобы когда-нибудь в Сан-Паулу устраивали миллионные парады гордости? Нет? Ныне – каждый год, и по нескольку раз. Чем гордимся? Тем, что мы генно-модифицированные. Как колбаса. Как колбаса!

Всевышний давно махнул на нас рукой. Понял, что игра не стоит свеч. Но как её закончить, чтобы не потерять лица? В этом-то и проблема. Подарив однажды человеку власть над природой, Он уже и сам тому не рад.

Сегодня тысячи видов живой пока природы на грани вымирания из-за нашей гиперактивной деятельности. Ураганы, землетрясения, засухи и наводнения, таяние ледников в Антарктиде, цунами и бог весть что ещё. Мы уничтожаем среду обитания животных, изменили климат настолько, что обратной дороги просто нет (кое-кто уже понял, что мы обречены, и строит землянки с трёхгодичным запасом продуктов и воды, как будто это спасёт!), но продолжаем с

упорством серийного маньяка загрязнять воздух промышленными отходами, превращать в дым ископаемые запасы углеводородного сырья...

Давайте, наконец, будем честны с самими собой: мы дикие, мы безумные, мы – отворотительные.

– Всевышний! Я молю Тебя!.. Я не знаю, каким представлял Ты человеческую цивилизацию будущего, хотел ли Ты сделать всех людей свободными и счастливыми, живущими в мире и довольствии, имеющими кров и хлеб насущный...

– К чему эти пустые слова? То, о чём ты просишь, – мираж и фантазия. Поступи Я так, дай всё это, придёт день, настанет час – и жестокие правители отберут у слабых то, что Я дал вам, а у нищих – последнее, и вернётся всё на круги своя. Жизнь на Земле могла бы стать для вас свободной и счастливой, но вы оказались её недостойны. Вы не замечаете злой иронии в том, что созданные по воле Божьей, как образ и подобие Его, вы остались в плену животных страстей, а все ваши устремления можно описать в нескольких словах: деньги, чревоугодие, секс, алчность, зависть, гордыня. Но Я не виню себя: Я не чемпион мира по шахматам, что мог бы предусмотреть все варианты. И не вам требовать отчёта от Меня в действиях Моих.

– Но разве Ты не видишь, как страдаем, как молимся мы каждодневно о прощении грехов наших и припадаем к Твоим ногам? Дай нам шанс...

– Мне ведомо всё. Однако вы для меня отрезанный ломоть. Я подумаю, как с вами поступить, но боюсь, вам это не понравится...

– Но как же Ты поступишь с нами? Нашлёшь мор, язву, саранчу тысячекрылую или жаб уродливых? Разве не Ты позволял нам преступать твои законы прежде?

– Есть правила и есть исключения из правил. Я позволяю вам то, что Мне выгодно и удобно, соответствует Моему замыслу. К тому же не вижу резона и необходимости возвращаться к десяти казням египетским. Вы это уже проходили. Суди-

те сами: сумасшедших на планете год от года всё больше. Так статистика ваша же утверждает. Осталось дожидаться, когда эта критическая масса соберётся, чтобы положить начало реакции распада рода человеческого. Вы всё сделаете своими же руками.

– Сжалюсь... просим Тебя...

– Пожалуй, поздно уже. Разве так сложно было соблюдать Мои десять заповедей, что получили вы на горе Синайской? Простые ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ в ПУСТОТЕ. Разве сложно было вести себя по-человечески в вашем Доме, мирно плывущем в межзвёздном космическом Пространстве? Ничуть. Я не нахожу ни единого довода против. И к чему вы пришли, к чему вернулись? К рабству, насилию, убийствам. Мир переполнен ненавистью. Ваш идол – деньги, алчность. Вы зациклены на карьере, финансах, удовольствиях, успехе, тогда как можно просто жить здесь и сейчас в гармонии с природой. Вы сознательно приняли сторону Зла. Вам недостаёт доброты, человечности. «Снявши голову, по волосам не плачут», – так у вас говорят? Я – Бог милостивый и прощающий, но Я же Бог карающий, воздающий по заслугам...

«Хорошо сказал, красиво: “Я – меч карающий”... Должно произвести впечатление. Кем бы Я был, хорош бы Я был, если только бы прощал? – подумал Он и тут же усомнился в своей правоте, что никак не было на Него похоже. – Уж не ошибаюсь ли часом? И на старуху бывает проруха. Возможно, люди перестали походить на людей от безысходности: с планеты далеко не сбежишь, жизнь коротка, а? Стимула нет, вот и сходят с ума помаленьку. Мирятся с беспощадной суровостью одиночества во Вселенной сегодня, чтобы обрести надежду на лучшую жизнь в загробном мире завтра. А если бы подписать их на страхование жизни с бессмертием? Любопытно бы посмотреть. Новый проект? Надо будет обмозговать на досуге, посоветоваться с ангелами, дьяволом. Тут впопыхах, с кондачка решать нельзя. И так за спиной шу-

шукаются, мол, стареть начал, ещё и переворот устроят, цветную революцию. С них, с Ангелов, станется. Хуже детей малых, неразумных».

Пошлёт ли Творец нам в этот раз Ноев ковчег? Трудно сказать. Скорее всего, нет. Возложит на могилку человечества генно-модифицированные чёрные розы и произнесёт нечто вроде эпитафии: «Ибо прах ты и в прах возвратишься...» Adios, amigos! Shalom, chaverim! А если и бросит спасательный круг? В конце концов, за Ним последнее слово: проснёмся ли мы завтра утром или нет. Кто мы такие, чтобы знать о промысле Его? Пользователи, по случаю допущенные к вечному, с лимитом времени подключения ко Всемирной паутине, не более того.

...Мы сидим в комнате, наполненной гнетущей, давящей тишиной, предвестницей расставания. В своём домашнем халатике в цветочек она обворожительна, факт.

Ирэн смотрит мне в глаза, но ничего не говорит и не спрашивает. Ах, что за женщина! В такие минуты между родственными душами устанавливается невербальная связь, мысленный контакт, когда любые слова излишни. Ощущаю себя последней скотиной, из тех, кто руководствуется нехитрым правилом: «Люби себя, чихай на всех, и в жизни ждёт тебя успех!»

– На кого ты работаешь, дорогой?

– Ты ведь знаешь, что я не скажу. Офицеры разведки не носят форму и знаки отличия. Однако, уверяю, не против тебя.

– Мы могли бы составить прекрасную пару.

– Могли бы.

– Но почему?

– Наверное, перст Божий, моя милая. Твой взгляд таит глубину и опасность. Как речной омут. Как чёрная дыра в космосе, область пространства и времени, гравитационное притяжение которой настолько велико, что покинуть её без твоего разрешения не в состоянии ни один смертный...

– Но ты же покидаешь меня...

– Исключительно по той причине, что ты мне это разрешила. Прости меня, если можешь. И спасибо тебе за всё!..

Я целую Ирэн долгим прощальным поцелуем. Она прильнула ко мне всем телом, я ощущаю её дрожь и едва сдерживаемые слёзы. Почему, почему мой *Space Shuttle* не рассчитан на двоих? А что бы это решило? Там, куда я лечу, для неё нет места. Это исключено. По крайней мере, не сейчас. Потом – как знать.

В этот момент мне отчего-то показалось, что мы уже встречались с нею раньше, и я вот так же целовал её в щёчку, а она плакала, обещала ждать, сколько бы не пришлось, только вот где, я не могу вспомнить. Мою память перепрошили спецы из адовой мастерской. Мне действительно очень жаль, но мой контракт с Самаэлем этого не предусматривает. С Землёй, с народонаселением местным всё решено, окончательно и бесповоротно. Церера? А какая, собственно, разница – что земляне, что цереряне... Спасибо, убедился. Своё мнение или, лучше сказать, резюме по этому поводу я отправил Самаэлю по электронной почте накануне – к нему никак нельзя было дозвониться. Запятая в известной всем амфиболии «казнить нельзя помиловать» проставлена, наконец, в нужном месте. То, о чём мы с ним говорили, спорили и обсуждали, наконец, свершится. Когда? Это, простите, не в моей компетенции. Бывает, электрический стул ждёт-пождёт смертника, успевает заржаветь. Или либеральная общественность Уголовный кодекс пересмотрит, запретит лишать убийц жизни ввиду их примерного поведения за решёткой, или просто казнь заменят штрафом и общественными работами в центрах занятости. Всякое бывает и всякое возможно, вы знаете. Правда, за Самаэлем вегетарианских взглядов раньше не замечал.

Счастье не в деньгах, говорят некоторые из числа тех, у кого не слишком удачно сложилась судьба, – но деньги хорошая ему замена. Думать, что счастье можно

измерить денежными купюрами, всё же скучно и примитивно. Никто не может обещать нам счастья с любимыми в шалаше под бананами, вечной любви и жизни вечной. Такое бывает только в сказках. И счастье не в том, чтобы прожить подольше, ибо старость, как не нами замечено, далеко человеку не в радость, кое-кому в возрасте и памперсы могут понадобиться, а уж какое это счастье, сами можете догадаться. Что же до долголетия, сказывают, будто в Китае в 1677 году родился человек по имени Ли. В Китае много человек по имени Ли, но этот конкретный Ли прожил, как нас уверяют, 256 лет. После чего и скончался. И записи об этом, документы якобы есть. Дело, впрочем, не в том, правда это или чистый вымысел, fake news. Китайский Ли оставил потомкам совершенно замечательное послание по поводу здоровья и долголетия: «Храни покой в сердце, будь медлителен, как черепаха, и лёгок, как голубь, а спи крепко, как собака». Не знаю уж, как вам, а мне оно нравится. С одним уточнением: спать могут крепко не только собаки, но и коты.

Я свою сказку ещё не написал, не закончил. А так хотелось, чтобы она оказалась доброй, не такой, как у братьев Гримм, где кровь рекой и горы трупов. Сказки нужны людям хотя бы для того, чтобы они не ругались матом, не тыкали друг в друга заточками, вели себя приветливо и ласково в отношении друг друга, как и надлежит людям, а не человекообразным. Счастливый конец в них целиком и полностью зависит от сказочника, хотя герои и героини и пытаются проявить самостоятельность и переписать в сказках то, что им не нравится.

В полётном задании на моём командирском планшете конечным пунктом путешествия указан Энцелад, спутник Сатурна. Как установили учёные, именно здесь возможно обустроить для себя привычную «земную» обстановку и приспособиться к местной фауне и флоре. Анализ атмосферы и покрова планеты показал наличие условий, необходимых для зарождения новой цивилизации, эры ПРИШЕЛЬЦЕВ. Возможна ли жизнь на Энцеладе? – это ещё предстоит проверить, выяснить, став первопроходцем. И кто первым – как это принято у людей – должен переступить порог в новом жилище? Новый мир принадлежит тому, кто в него придёт первым.

– Время пришло, Арчи. И теперь прими мой скромный дар. Ты его заслужил. Ты можешь теперь стать тем, кем хочешь, кем мечтал стать. Котом или человеком, тебе решать. Ты готов к этому Арчи?..

– Энцелад? Что за разговор, Босс!.. Вы знаете, я никогда в жизни не уклонялся от приключений, – наоборот, искал их на свою голову. И никогда не избегал дорог, полных риска, как поступают настоящие мужчины. Любопытство и страсть к познанию нового – моя счастливая путеводная звезда. Уж так, видимо, мне на роду написано: всюду совать свой нос... Каждому своё. Я готов, Босс.

– Добро пожаловать в новый мир, Арчи...

(Фрагменты из книги

«Правила поведения в пустоте»)

Страница автора
www.valeryrubin.com

Александр Силинский **Тарногский Городок, Вологодская обл.**

Возвращение

Настроение у Николая Павловича Зуева было не очень. А если прямо сказать – паршивое настроение. Бессонная ночь в душном купе вагона оставила на его лице заметный след хмурой озлобленности. «Что это за правила установили: продавать билеты в одно купе мужикам и бабам, при этом совершенно не знакомым?» – мысленно возмущался он. Вот сподобил же леший ехать ему с тремя женщинами. Дамы подобрались фигуристые, с пышными, дородными формами. Купе тесное. Задел он ненароком одну коленом за заднюю округлость, а та и застреляла глазками призывно и многообещающе. Конфуз, да и только. Женщины быстро перезнакомились, и понеслась бабья говорильня без умолку на всю ночь. Николай забрался на верхнюю полку, хотел вздремнуть, да разве уснёшь под эту «сорочью трескотню», с ахами, охами на все лады и переборы лужёных глоток. Ложку дёгтя в его настроение добавил и тот факт, что, как оказалось, автобусного сообщения

от железнодорожной станции до райцентра уже года три как не существует. Пришлось нанимать частника, который запросил за услугу две тысячи рублей – почти стоимость железнодорожного билета от Питера до его станции назначения.

Так получилось, что Николай Павлович не был на своей малой родине, где пуповину резали, лет пять. Последний раз приезжал на похороны отца – Павла Флегонтовича, Паши Зуёнка, как называли его в деревне. А в позапрошлый год без него спровадили в последний путь и мать, Клавдию Петровну. Сестра звонила, поносила последними словами: «Почему, паршивец, неблагодарный, на похороны не приехал?» Пришлось соврать, что, мол, был за границей в то время, от завода посылали. За границей-то он и правда был, только никто его туда не посылал. Жена выправила загранпаспорта да и уговорила слетать на недельку в Турцию. Так что, когда мать помирала, он нежился на белом песочке, грел пузо под ласковым забугорным солнцем. Стыдно и горько. Собирался на сорочины съездить, да в больницу со спиной угодил. Потом как-то всё завертелось, закрутилось... А нынешней зимой Николая Павловича вывели на заслуженный отдых. Пенсию, по его разумению, по нынешним временам положили неплохую. Да и то сказать: без малого сорок годков отпахал сварщиком на судостроительном заводе. По такому случаю в трёхкомнатной питерской квартире Зуевых собралась родня: сын с невесткой, дочь с зятем, внучата. Стали уговаривать да отправлять, вместе с женой и внуками, разумеется, в Индию. Говорят, тамошние индусские костюправы чудеса творят, вмиг спину вылечат.

– Ну уж нет! – громогласно рубанул воздух Николай Павлович, – в деревню поедем, на всё лето.

– Ни за какие коврижки в твою дыру не поеду и внуков не пущу! – отрезала жена.

У Николая, а впрочем, и у всех Зуёнков, как называли их односельчане, характер был упёртый, что задумают – бульдозером

не своротишь. Но и у Катьки, жены его, тоже под стать. Спорить с ней – всё равно что воду в ступе толочь.

– Ну, и чёрт с вами, поеду один!

– Давай, давай! Можешь насовсем умаывать в свою деревню! – сказала жена.

– Может, и насовсем, – уже спокойно ответил Николай.

В последние годы в его голове часто вспыхивали как-то ясно и зримо картинки из деревенского детства. То он голозадым пацанёнком бегаёт по тёплым после летней грозы лужам, по-деревенски – лягам, то сено обваживает, то помогает отцу брёвна корить для сруба под новую баню. И какая-то виновато-ноющая перчинка всё жгла его изнутри, и, как перелётную птицу, что-то звало, манило туда, к деревенскому крылечку. Двадцатилетним юнцом оторвался он от родительского дома и лишь набегам, наскаками навещал его. Бывало, ведёт он сварочный шов по стальному листу корпуса будущего корабля, и вдруг автогенной искоркой залетит мыслишка: «Вот выйду на пенсию. Чего в городе делать? Пиво тянуть с мужиками? В телевизор пялиться? На даче и без него управленцев хватает. А что дача? Тот же городской муравейник: домишко к домишку впритык...» Жене не говорил, но решил почти твёрдо: остаток дней, сколько отпущено, будет жить в деревне. Отец учил: «Ты, Миколка, сначала думай, задумал – пробуй, а потом уж окончательное решение принимай». Вот и едет Николай Павлович в деревню, чтобы без «почти» решиться на задуманное.

На автобусной остановке райцентра было немногочисленно. Парочка длинноногих девиц прогуливалась по заасфальтированной площадке, смачно пережёвывая жвачку и искусно цикая слюной сквозь зубы. Неказистого вида мужичок, куривший сидя на дощатом ящике, угрюмо, но с интересом наблюдал за ними. Три женщины на единственной скамейке бурно обсуждали нынешние «сумасшедшие» цены, содержимое своих и чужих кошельков, ну и прогуливающих девиц заодно.

К расположенному неподалёку коммерческому магазину «Фреон» (комку – по современной терминологии) подъезжали иногда на иномарке молодые люди в экипировке, претендующей на одеяние рокеров из американских фильмов. Правда, доморощенная «самостийность» бросалась в глаза сразу, и это их одеяние под западных мальчиков выглядело жалко, уродливо и глупо, как, впрочем, и не в меру размалёванные лица девиц, и яркая вывеска «комка».

На изуродованной штaketной ограде висел рюкзак внушительных размеров. Его хозяин стоял рядом и разговаривал с белокурый парнем в промасленной куртке. Облик и одежда хозяина рюкзака выдавали в нём городского жителя, возможно, отпускника и уроженца здешних краёв. От него тянуло стойким запахом одеколлона. И было заметно, как он иногда презрительно морщил свой благородно посаженный над аккуратными усиками нос, когда этот его городской одеколлонный запах перебивал другой – налетающий из дощатого туалета. Говорят, сии заведения появились в общественных местах в шестидесятые годы по прямому указанию незабвенного Никиты Сергеевича Хрущёва. Как бы там ни было, а вещь, прямо скажем, необходимая. Скольким страждущим помогла выйти из щекотливого положения. А сколько карикатуристов вдохновляла...

Вот и тутошний туалет, а вернее сказать, грубо сколоченная уборная, представлял, в отличие от обшитого новеньким сайдингом здания автостанции, вид убогий и пугающий. И даже не очень брезгливые сельские жители заходили в него с опаской.

Николай Павлович зашёл внутрь автостанции, но ни кассы, ни какого-либо объявления по поводу автобусов не обнаружил. На одной из дверей висел рекламный плакат «Салон Натали. Стрижём. Бреём. Красим». На второй – «Ритуальные услуги. Быстро. Качественно. Надёжно». Вышел наружу, спросил у женщин:

– А что, ходят ли нынче рейсовые автобусы до Верхнего Погоста?

– Накрылись рейсовые медным тазом, частники нынче извозом занимаются, – сказала одна из них, внимательно глядяваясь в лицо Николая.

– А ты не Паши ли Зуёнка парень?

– Ну да, Павла Флегонтовича сын, – вызываясь ответил он. Произнесённое женщиной деревенское прозвище отца неприятно царапнуло его самолюбие.

– Колька, ты чего не узнал меня, что ли? Райка я, на два класса младше в школе училась. А автобус в четыре часа будет...

– Спасибо, – буркнул Николай и пошёл к ограде, спиной чувствуя, как бабьи языки повернули перебирать его косточки. Выбрав место посуше, поставил сумки, облокотился на штакетник.

Апрельское солнышко припекало, распластавшись во всю ширь безоблачных небес.

В небольшой лужице на асфальте, весело чирикавая, плескались воробьи. На крыше автостанции таяла прямо на глазах кучка грязного снега. Крупные капли влаги, последний раз преломив солнечные лучи в яркие искорки, падали с крыши в прошлое. В придорожной канаве бурлил ручей, унося следы долгой зимней жизни районного городка. Лёгкий ветерок лузгал разбухшие почки привокзальных тополей, кидая на асфальт их клейкую шелуху. На вершинах сосен недалёкого бора суматошно горлалили грачи – по весне самые крикливые из всех пернатых. Лоснящаяся влажная земля за оградой парила, как только что вынутый из печки ржаной пирог. Кое-где уже проклюнулись, словно цыплята, цветки мать-и-мачехи. Апрель, пожалуй, самый весёлый месяц года: всё бурлит, клокочет, пенится, оживает...

К автовокзалу снова подкатила иномарка. Из открытого окна лимузина под бухающие звуки музыки выплеснулось задорно и нахально: «Задеру я Ленке голые коленки...»

– Тьфу ты, чёрт! – чертыхнулся Николай. – Придумают же.

Подъехал автобус, старенький пазик. Николай подошёл к дверце водителя, спросил:

– Вы на Верхний Погост?

– Ага, – кивнул шофёр.

Пассажиров оказалось немного. Кроме него, уже знакомая Райка, две молоденьких девчушки и парень в промасленной куртке.

– Все, что ли? – спросил водитель.

– Все, Виталий, все, – ответила за всех пассажиров Райка. – Поехали с богом.

– Ну, поехали. Одна морока с вами, никакой выгоды, на бензин – и то не хватит, – пробурчал Виталий.

– Так, ты, Витенька, накинь маленько, не пообедем, куды же мы без тебя-то, кормилец наш?

– Накинь, накинь... сама же потом и заорёшь, что дорого.

– Не-е-е, – протянула Райка. – Был бы у меня мужик с машиной... – при этом она обернулась и стрельнула глазами в Николая, как та дама в купе вагона. – Так сам знаешь: два года уж как нет моего Мишеньки. – Женщина прослезилась и вытерла кончиком платка глаза.

Только выехали за пределы райцентра, автобус начало подбрасывать и кидать из стороны в сторону, прямо как на американских горках. «Да, ничего не изменилось», – подумал Николай. И вспомнил, как ехал на тракторной телеге в военкомат на призывную комиссию. На полпути до райцентра (местечко так и называется – Половинщик) колёсник зарылся в густую грязь по самую кабину. Тракторист стал рубить ёлки, подкладывая их под колеса, но бесполезно. Выручил тогда гусеничный ДТ, предусмотрительно посланный председателем колхоза вдогонку.

«А вот, кажется, и он – Половинщик», – Николай узнал знакомую местность. Автобус остановился.

– Граждане пассажиры, держитесь крепче! – объявил водитель.

Впереди было сплошное месиво из грязи в разводах жёлто-рыжей пены. Мотор взревел, как застоявшийся бык, выпущенный в коровье стадо. Автобус нырнул в грязевую бездну так, что лобовые стёкла захлестнуло серой мутью. С сиденья, где сидела Райка,

туго набитая сумка слетела и покатила по проходу.

– Яйца! Яйца! – закричала женщина.

Метров через двадцать, на более-менее ровном участке дороги, автобус остановился.

– Ты чего, Раиса, сбрендил? Какие яйца? Может, чего другое прищемила? – водитель разразился громким смехом.

– Да ну тебя! Две решётки яиц купила, – она стала проверять содержимое сумки.

– Слава богу, целы.

– Тебе чего, в нашем магазине яиц мало? Или райцентровские вкуснее?

– Свежее, да и по цене дешевле. Ты давай, езжай, чего встал-то?

– Так из одного птичника-то. Ладно, поехали, курица-наседка! – снова засмеялся Виталий.

Наконец автобус вынырнул с лесной просеки на полевой простор, пробуксовывая, взобрался на горушку, с которой открылся вид на Верхний Погост и деревушки, разбросанные по угорам без всякого, казалось, порядка, словно неведомая рука бросила горстью домишки: какой где упал – тот там и стоит. Вон за речкой просигналила на миг отблесками вечерней зари в окнах и его, Николая, родная деревня. В официальных бумагах – Зуевка, а по-народному – Пустошка. Зуевка – понятно, почти каждый житель носил фамилию Зуев. А вот Пустошка? По этому поводу бытовала в деревне такая версия: в давние-давние времена бежала вверх по речке на лодках ватага новгородских ушкуйников с их атаманом по имени Зуй, стали они лагерем в этом месте, и больно уж понравился атаману залитый солнцем весёлый угор, и сказал он: «Не бывать сему месту пусто». Вот и Пустошка. Хотя кто его знает, почему так прозвали деревню.

«Пять лет назад семь из двадцати домов были жилые, сейчас и того, наверное, меньше. Пустеют деревни, превращаются в “пустошки”», – грустно подумал Николай Павлович и вспомнил недавно прочитанное где-то: «В России каждый месяц исчезает чуть ли не по одной деревне. Постоянно увеличивается количество заброшенных сельских населённых пунктов с небольшим

числом жителей. И через сто, а то и меньше лет наша страна может вообще остаться без деревень. Россия – страна умирающих деревень».

– Всё, граждане пассажиры, конечная станция, платим за проезд и всем до свидания! – объявил водитель.

Автобус остановился у магазина. Ещё через окно Николай увидел сестру, стоящую на крыльце сельмага в синем фартуке и колпаке, едва державшемся на рыжей копне волос, Нинка работала продавцом и жила с семьёй на Погосте в «колхозной» квартире.

– Брательник, родненький! – бросилась обниматься она, как только Николай вышел из автобуса.

– Наконец-то! Что ж ты, зараза такой, долго не приезжал-то? Убить тебя мало!

– Ну вот, обласкала. Здравствуй, сестрёнка, – Николай улыбнулся, вытирая ладонью слезы с её щёк.

– Мы бы на машине встретили, да мой-то с утра до ночи в лесу, делянку дорубают, да и дорога сам видел какая.

– Да ничего, всё нормально, Нина. Доехал...

– А я избу-то протопила. Ключи над воротами. А может, сегодня у нас заночуешь?

– Не, Нина, я домой.

– Ну ладно. Бельё-то на кровати чистое постелила, если чего – в шкафу найдёшь. Из еды в холодильник кое-чего положила, да и в печь загляни.

– Нин, да у меня с собой всё есть...

– Ну, чай, не на день и приехал, успеешь своё-то и потом. Отдыхай с дороги, завтра уж на кладбище сходим, проведаем родителей. Маме я уж и памятник поставила. Баню-то не топи, печь развалилась, да и угол осел. К нам придёшь в субботу. А когда суббота-то? Так завтра и есть, – спохватилась сестра.

– Нин, а Нин, запиши чекушку, – несмело подёргал за руку сестру мужичок небольшого роста, с синюшным лицом, с табачным и ещё каким-то приторно-кислым запахом.

– Отцепись! Ты и так больше тысячи должен, – Нинка отдёргнула руку. Мужичок

покачулся, заперебирал ногами, но устоял на них.

– У-у, алкоголики! Достали!

– Нина, ну, я пойду, – сказал Николай Павлович.

– Иди, Коленька. Наволок-то ещё не затопило, там вон за склад-то завернёшь и по тропинке.

– Да знаю я.

– Да, и к деду Тимофею зайди, он про тебя много раз спрашивал, родня всё-таки.

Нинка пошла в магазин. Следом поплёлся мужичок, канюча:

– Нин, ну будь человеком, запиши.

До Зуевки от Верхнего Погоста, если по прямой, через наволоку, по лаве¹ – с полкилометра. В обход, через мост – километра полтора.

Река клекотала, выплёскивалась из берегов, шумела, растекалась по наволоку, заполняла ложбинки, качала ноздреватую грязно-синюю льдину в старице. Незатопленными оставались небольшие островки суши, по которым бежала тропинка к родной деревне Николая. Вот-вот и вода захлестнёт её. Прервётся, исчезнет связующая нить с «большой землёй». Стайка куличков-турутанчиков справляла у среза воды свою птичью свадьбу. Нарядные «кавалеры», распушив веером воротники, вытанцовывали вокруг «дам» в невзрачном сереньком оперении. Ни к чему им роскошные наряды: не их – они выбирают. Пигалицы, а клюв воротят, «копаются». Хочешь понравиться – ходи гоголем, изворачивайся, покажи себя, выверни наизнанку всю свою птичью душу и перья. По одежке нынче встречают. Где-то среди затопленных кустов ивы слышалось призывное кряканье селезня. Над головой парочка чибисов, татарские воронки по-народному, выписывала неровные воздушные пируэты, окликают: «Чьи вы, чьи вы?»

– Да свои вроде, тутошние, – усмехнулся Николай.

Наволоку этот называется Луковатка. Река огибаёт его с трёх сторон в виде древнерусского лука. Сметливые были предки, виртуозные в определениях. Название ручья, речки, лесного урочища, прозвище человека прилепят – тут уж не убавить, не прибавить, в самую, как говорится, точку.

Николай вспомнил, как пацанёнком обваживал сено на этом наволоке. Запряг он тогда норовистую кобылу Вийку, которая недавно ожеребилась. Тонконогий жеребёнок не отставал от матери, всё время топтался около неё, тыкался в кобыльи титьки, пока нагружались дровни сеном. А тут как-то оказался на другом берегу старицы, растерялся и голос подал. Вийка взметнулась и понеслась к нему прямо через старицу вплавь. Хорошо, дровни были не загружены. Ох и натерпелся он тогда страху.

Заскрипел, закачался под ногами дощатый настил лавы, подвешенный на железные крюки к стальным тросам. Под ним шумел с пугающей силой и мощностью речной поток. На середине реки проплывающая огромная коряга царапнула своими щупальцами дёски.

«Да, день-два – и не только наволоку, но и лаву может захлестнуть полая вода».

Ну, вот и родительский дом. Николай нащупал ключи, отпер навесной замок. В избе-зимовке было тепло и пахло... пирогами. Закатное солнце заглянуло на прощание воспалёнными красными глазами в окна, прокатилось зайчиками по домотканым пёстрым половикам и исчезло. Николай задёрнул занавески. Щёлкнул выключателем. Прошёл на кухню. На шестке печи, на противне красовался его любимый пирог с брусникой.

«Ах, сестрёнка, ай да Нинка, а ведь не сказала, сюрприз устроила!»

Открыл печную заслонку, снял крышку с закопчённого чугуна, из печи потянуло сытным ароматным запахом наваристых мясных щей.

«Ай да сестра!»

После последнего его приезда в избе практически ничего не изменилось: старо-

¹ Лавы – деревянный настил, помост на реке или озере для полокания белья. (Прим. ред.)

модный сервант с посудой, шкаф под бельё, за занавеской широкая деревянная кровать, стол на резных ножках, лавки вдоль стен, диван у печек, в закутке, за русской печью, умывальник. На не оклеенных гладко выструганных стенах портреты родственников в простеньких рамках. Вот мать с отцом... Николай вдруг физически ощутил их пристальные с укором взгляды на себе.

– Прости меня, мама, прости, – не смея взглянуть в глаза матери на портрете, прошептал. – И ты, батя, прости.

До чего же они похожи с отцом: высокий лоб с глубокими залысинами, сросшиеся брови, нос чуть с горбинкой, оттопыренные уши, тонкие губы, подбородок с ямочкой и кадык. У отца на портрете он прямо вывалился за ворот рубашки, острый, как петушиное колено.

Уже за полночь, а Николаю Павловичу не спится. Деревенская тишина, в отличие от городской сутолоки, аж звенит в ушах. Банально, но верно подмечено. Дом живёт своей ночной жизнью: вдруг что-то прошуршит за печкой, скрипнут половицы, охнет что-то на чердаке. Он, как живое существо, то ли сердится, что потревожили его покой, то ли радуется – дождался хозяина. Дом без хозяина – что телега без лошади. Повесят замок в пробой, заколотят окна досками – осиротеет деревенская изба, два-три года – и поведёт половицы, заскрипят жалостливо, угол подсядет, крылечко скособенится, калитка с петель слетит. А уж крапива да чертополох вмиг заполонят огород.

Николай Павлович слушал ночные звуки, разные мысли толклись в голове, как комары перед дождём, перескакивали из прошлого в настоящее. Хотел ухватить главное, но оно, как верёвка, смазанная солидолом, выскальзывало, не давалось. Он злился и пытался сосредоточиться, определиться. Решение, принятое в городе, пробуксовы-

вало, как колёса автобуса на размусоленной грязью дороге. Всю жизнь прожил в городской сутолоке. Дети: то лагерь, то секция какая – заняты были в городской повседневности. В деревню раз пять, поди-ка, и съездили. Выросли на асфальте. Пока их на ноги поднимал, работал – всё крутилось с утра до вечера своим чередом. Дом, завод, дача, пьяная компания с друзьями по выходным. Очнуться, поразмыслить не было времени. На судьбу грех жаловаться, неплохо сложилась, всё вроде ладно. Но где-то внутри нет-нет да и резанёт, словно железом по стеклу: вот как бы повернулась его жизнь, останься он дома, в деревне?

Разбудило Николая Павловича громкое карканье ворон за окном. Глянул на ходики – шесть часов. Накинув старенький ватник, вышел на крыльцо. Карканье доносилось с верхушки пушистого кедра.

«Никак гнездо устраивают, разбойницы?»

Этот кедр он самолично сажал, когда учился в восьмом классе, стащив саженец из питомника местного лесничества.

«Эдакий вымахал!»

Николай хлопнул в ладоши. Испуганные птицы улетели.

С крыльца открывался вид на реку, над которой одна за другой исчезали небольшие белые заплатки утреннего тумана. Заречный наволок затопила полая вода, лишь два островка земли ещё сопротивлялись весеннему потоку. На них копошились чайки и кулики. Стайки уток плавали на широкой речной глади. Дощатый настил лавы почти касался воды.

Щедрое солнце, не встречая преграды, дарило живительные лучи пробуждающейся весенней земле. Где-то на середине деревни сверкала ярко крытая белым железом крыша дома. Прокричал петух. Тявкнула собака.

– Живёт деревня! Будет жить...

Елена Старцева Югорск, ХМАО-Югра

Ангел-спаситель

Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звёздным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злости, мщениия или страсти истребления себе подобных?

Л. Н. Толстой

Раннее июньское утро... Солнечный луч шаловливо скользнул по подушке и запутался в светлых волосах. Светлана зажмурилась от яркого летнего солнышка и, почувствовав его тепло, медленно приоткрыла глаза. «Господи, хорошо-то как!» – подумала она и от удовольствия тихонько замурлыкала весёлую песенку.

Позади остались школьные годы, началась интересная взрослая жизнь. Света окончила школу с отличием и планировала поступать в медицинский институт. Мечтала стать детским врачом и всю свою жизнь посвятить ребятишкам. А впереди было целое лето – время отдыха, новых впечатлений, интересных событий. Только жить бы да радоваться тёплому ветерку,

солнечным дням, терпкому запаху летних трав и цветов...

И вдруг, словно гром среди ясного неба, страну облетела ужасная новость – Германия объявила нам войну! Светлану это известие застало как раз в тот волнительный момент, когда она впервые вошла в здание института, где ей предстояло учиться. Не передать словами, какие эмоции бушевали тогда в сердцах советских людей, как разрывалась от боли душа и плакала кровавыми слезами... Светлана медленно шла по улице, с трудом осознавая, что рухнули все её надежды, что ничего уже не будет как прежде. «Как же так? Почему?» – не переставая думала девушка и не находила ответа.

Придя домой, Света без сил, в состоянии жуткого потрясения рухнула на кровать. К ней тихонько подошла совершенно растерянная мама и присела рядом. «Что будем делать, Света?» Ответа не было, в комнате повисла гнетущая тишина. «Мама, я очень тебя люблю, но я должна это сделать. Это мой долг. Я не могу поступить иначе. Стране нужна помощь, и я приняла решение пойти на курсы медсестёр, а после их окончания отправиться на фронт». Мама сжалась и беззвучно заплакала, мученически пытаясь унять слёзы, но они, как крупные горошины, всё катились и катились из её глаз. Света не выдержала и изо всех сил обняла мать, прижавшись к ней. «Не плачь, мамочка! Всё будет хорошо, вот увидишь», – шептала она, глядя шершавую руку, от которой исходило материнское тепло.

Света успешно окончила медицинские курсы, а затем, наспех собрав необходимые на первое время вещи, попрощалась со своими родными и ушла на фронт.

Что пришлось пережить этой хрупкой девушке в столь нелёгкое для страны время, остаётся только догадываться. Светлана работала в госпитале, где оказывали первую медицинскую помощь раненым, делали перевязки, останавливали кровь. До передовой приходилось добираться ползком,

под обстрелами и бомбёжками. Было очень страшно... В любой момент в тебя могли попасть пуля или осколок бомбы. Но, преодолевая свой страх, Светлана снова и снова шла вперёд, стараясь не думать о близости смерти.

Вот и в этот раз, после очередной бомбёжки, ночью она ползком пробралась до завала и, когда стала разгребать его, услышала стон. Это был молоденький худенький солдатик, которого ранило осколком. Света быстро перевязала его и оттащила к оврагу, где лежали ещё двое раненых красноармейцев. Потом девушка вызвала подмогу, раненых увезли в госпиталь.

Того солдатика звали Митрофаном, он пролежал в госпитале около месяца. В конце января 1942 года его назначили командиром взвода разведки. Митрофан Харитонович прошёл с боями всю Европу до Берлина, был участником легендарной встречи советских воинов с союзными войсками в центре Германии. Он дожил до 90-летия и умер 15 июля 2014 года.

Митрофан Харитонович часто жалел о том, что не записал адреса своего ангела-спасителя, только имя запомнил – Светлана. Ему очень хотелось выразить свою благодарность хрупкой светловолосой девушке, которая в буквальном смысле слова подарила ему вторую жизнь. Ведь только благодаря её мужеству и смелости Митрофан Харитонович выжил в той страшной войне, о которой мы никогда не забудем. Он до сих пор помнит её заботливые руки, которые ловко сделали солдату перевязку

и своевременно оказали первую медицинскую помощь. Митрофан Харитонович пронёс память об этой удивительной девушке через всю свою жизнь и всегда с теплотой отзывался о ней.

Светлана погибла в 1945 году, во время одной из бомбёжек, вытаскивая из-под завалов очередного раненого солдата... Смерть наступила мгновенно, спасти девушку не удалось. Она прошла практически всю войну, спасла сотни человеческих жизней, а вот свою жизнь сохранить не смогла... Света до последнего верила в победу, героически шла к своей цели, мечтала о встрече с мамой, которая так ждала свою дочь. Ей часто снился сон, в котором мама качала её маленькую на руках и пела ей колыбельную. Девочке становилось так тепло и спокойно на душе, что она мгновенно засыпала, рассыпав по подушке светлые волосы. И этот сон был самым счастливым мгновением в том жестоком и чудовищном мире под названием война...

Ангел-спаситель... Нет таких слов, чтобы выразить тебе свою бесконечную благодарность. Благодарность за невероятное мужество, героический подвиг, за то, что ценой своей жизни ты спасала других, не думая о себе, постоянно преодолевая жуткий страх и боль. Наша страна выстояла и одержала победу благодаря тебе и таким, как ты! Преклоняюсь перед тобой и говорю огромное человеческое спасибо! Дай Бог, чтобы больше никогда не повторились эти страшные события! И пусть наш ангел-спаситель будет всегда с нами!

**Монолог
у телевизора**

Надо писать. Пять дней прошло... и ни одной строчки. А ведь ставил задачу – каждый день записывать хотя бы по предложению. Но сейчас по телевизору начинается футбол, наш «Зенит» играет на кубок Европы. Футбол пропустить никак нельзя. Как только не смотрю – так «Зенит» сразу проигрывает. Меня надо внести в штатное расписание клуба, с приличной зарплатой, а то ведь я могу и вообще не смотреть футбол. Тогда наша любимая команда рискует скатиться до низшей лиги.

Чтобы смотреть игру, думать не надо. Решено: смотрю футбол и пишу рассказ.

Выходит команда на поле. Анюков – капитан. Видимо, это сильный ход нашего тренера. Анюкову тридцать шесть лет, и его уже редко выпускают играть за основной состав, а тут сразу – капитан. Возможно, по замыслу нашего тренерского штаба, команду противника это должно привести в ступор. Но соперник не оценил тонкой зенитовской стратегии и пошёл в наступление, прижав наших футболистов к штрафной.

Стоп. В моём рассказе какое-то длинное предложение получилось. Читая его окончание, забыл, что было в начале. Так-так, разделю-ка я его на четыре.

Тем временем на поле у команды соперников произошла замена игроков. Комментатор Геннадий Орлов уже лет сорок ведёт репортажи о футбольных матчах, а как только идёт встреча с чужестранным клубом, не может правильно произнести заграничные фамилии. Спросить у зарубежных коллег стесняется? Или английский язык не знает? И вообще, хочется знать, как подбирают футбольных комментаторов? По каким

критериям? Комментируют: Орлов, Гусев, Уткин. А теперь эта тенденция перешла и на тренеров. Питерский хоккейный СКА тренирует Воробьёв. Видимо, всех их отличает умение видеть игровое поле как бы с высоты птичьего полёта.

Но вот мяч перехватывает защитник Набиуллин, он несётся в атаку, добегают до линии ворот соперника и зачем-то отдаёт пас назад своему партнёру, а тот – вратарю Лунёву. И теперь Набиуллин должен вернуться на свою позицию. Пробежал вперёд сто метров, обратно сто метров, и сил уже нет отбить навесной мяч. Правда, великий Аршавин после пробежки в тридцать метров вообще сел на поле и шнуровал бутсы. На другом фланге защитник Смольников тоже пошёл в атаку, добежал до штрафной, навесил мяч на вратарскую... а там никого из зенитовцев нет. На этом месте должен быть Дзюба, но он медленно трусит по центру поля. Лучше бы Дзюба стоял у ворот соперника и отвлекал вратаря разговорами – глядишь, и гол забили бы.

Что же я написал? В двух предложениях подряд фраза «очень ярко». Так. Вычёркиваю лишнее.

А в это время наши пошли вперёд. Удар... Гол! Нет, штанга! Второй раз за игру попадают в штангу. Был бы Кокорин на поле, он бы обязательно забил, но он сейчас сидит в тюрьме за хулиганство, а мы, простые люди, кормим этого миллионера. Я бы наказал иначе: привязал Кокорина и Мамаева к обеим штангам ворот и руки им связал сзади, а не как при исполнении штрафных ударов, когда они закрывают ими причинное место. И сделал бы для футболистов тренировку. Пусть бьют по воротам со всей дури, а этой самой дури у них хватает. После полуторачасовой тренировки у Кокорина с Мамаевым вся жизнь пройдёт перед глазами. В будущем сами шалить не будут, да и другим наука.

Не то я написал – «...байдарка перевернулась, я пускаю пузыри...», напишу иначе: «С гордым видом прохожу порог, и товарищи, стоящие на берегу, завидуют мне». Так, пожалуй, лучше будет.

Кузьев! Куда ты пнул мяч? Комментатор Геннадий Орлов назвал это «вертикальной передачей». Что такое горизонтальная передача, понятно. А вертикальная – это куда? Или кому? Котэ Махарадзе говорил в таких случаях: «Мяч ушёл в атмосферэру».

Похоже, я сбился. Забыл, на какую тему пишу. Сейчас перечитаю.

Не позорься, Дзюба! Вставай! Разлётся в штрафной и вымаливает у судьи пенальти. Двухметрового мужчину пальцем задела, лежит на газоне и лицо закрыл руками. Футбол всё-таки контактный вид спорта. Лучше бы разбежался с мячом, так с испугу игроки противника освободили бы ему путь к воротам. Но бегать Дзюба не может. Даже наш грозный бомбардир Кержаков – и тот бегал на полусогнутых ногах, словно женщина, впервые вставшая на высокие каблуки.

Что такое? В последнем предложении пять раз написал слово «вечер»! У Достоевского есть предложение, где одно слово повторяется четыре раза. Что ж получается, я круче Достоевского?! Нет, нет. Надо быть скромнее. Сейчас исправлю. Ну вот, и с одним словом «вечер» фраза смотрится неплохо.

Как гласит народная мудрость: «За двумя зайцами погонишься – ни одного кабана не поймаешь». В этом я убедился на собственном творческом опыте.

В начале было слово...

Как известно, «слово – серебро, молчание – золото», но тем не менее писатели выбирают слово.

Понёс начинающий писатель свой первый рассказ издателю показывать. Видит – погода меняется. Небо тучами стало заволакивать, холодным ветерком потяну-

ло. Почувствовал он что-то неладное. Но встречает его издатель доброю улыбкою и предлагает ему прочитать своё сказание. И повествует автор:

«В страстном поцелуе Иван с Глафирую упали в копну сена, и их молодые упругие тела...»

– Нет-нет, эротика в нашем альманахе не пойдёт, у нас авторы – одни пенсионеры, они не потерпят со своими произведениями такое соседство.

Во второй раз пошёл начинающий писатель к издателю. Холодный морозящий дождик и северный ветер знобили его. Но приятная улыбка издателя сняла все сомнения, и он стал вдохновенно читать:

«Ваня, это я, твоя Глаша. Звоню тебе из похоронного бюро. Здесь так резко взлетели цены. Тех денег, которые мы откладывали в течение нескольких лет на похороны, хватит только на одного из нас. Администратор сказал, что удешевления не ожидается, а будет скоро подорожание. Надо спешить. Семидесятилетие твоё недавно отметили, а у меня юбилей только через полгода, так что, пока цены не подняли, будем хоронить тебя...»

– Как вы можете так писать! В нашем альманахе половина авторов такого возраста. Если они это прочтут, что с ними станет?

В третий раз понёс начинающий писатель свой рассказ к издателю. Ноги были ватными, еле передвигались. Холодный ветер дул в лицо, словно не пускал его. Настороженно встретил издатель и с тревогою попросил прочесть повествование.

«Дрожащими руками, то ли от старости, то ли от болезни Паркинсона, завалил Иван свою Глафиру на постель и в страстном поцелуе стал её...»

– Это нежизненно! – прервал возмущённый издатель.

– Зато какая надежда у вашей половины авторов появится, – грустно заметил несостоявшийся писатель.

Владимир Соколов

Хабаровск

Трава государственная

*Юмористический рассказ
(Смех сквозь слёзы)*

Николай Прудкин, проходя мимо огорода Фомы Маслénкина, каждый раз видел одну и ту же картину: огород весь зарос травой, из-за которой не видно ни картошки, ни грядок с разной овощной мелочью. Это в душе его возмущало, потому что для деревенских огород был большим кормильцем – иногда бóльшим, чем заработок в леспромхозе. «Совсем дед разленился, – думал Николай. – Как только дети разъехались, то и шевелиться по хозяйству перестал».

Он прекрасно знал Фому, которого в деревне прозвали «Миленький-родненький» за его необычное обращение ко всем селянам: и малым, и старым. Фома был пенсионером и целыми днями шлялся по посёлку в надежде, что ему перепадёт какая-то копейка от сердобольных сельчан, чтобы купить бутылку «Агдама» или «Вермута». Но он не побирался – люди сами ему подавали. Завидя потенциального спонсора, Фома картинно снимал шляпу, слегка кланялся, приговаривая: «Добренького вам здоровья, миленький-родненький, как вы поживае-

те?» И непременно вступал или пытался вступить в задушевную беседу. Со всеми остальными он только приподнимал шляпу: «Доброго здоровья, миленький-родненький!» Подававших Фома долго благодарил и кланялся им вслед, помахивая шляпой. Особенно народ был щедр после полочки и аванса, потому что и у сельчан в эти дни были настоящие праздники с весёлыми гулянками и песнями во многих дворах.

Не вынеся такого безобразия и издевательства над огородом, Николай приколот кнопки к калитке объявление: «Продаётся трава с огорода для молодых бычков. Пятьдесят копеек за охапку».

Утром Фома сразу увидел белый листок. Он возмутился и быстренько его сорвал. Хотел было скомкать и выбросить, но раздумал. Он сразу сообразил, чьи это проделки, потому что шутки Николая знала вся деревня. Но и Фома тоже был не простак.

Он вернулся домой, сел за стол, подумал и дописал: «Все молодые бычки в длительной летней командировке на лугах левого берега Амура. Трава продаётся для косметических ванн, потому что привезена с Халана. Жена Николая Прудкина постоянно её покупает, поэтому такая красивая. Собирают её рано утром. Воровать не надо. Она под охраной лешего».

Фома перечитал получившееся объявление, удовлетворённо хмыкнул и опять, уже очень прочно, прикрепил листок на прежнее место.

До урочища Халан было трудно добраться на вёсельной лодке, потому что находилось оно далеко вниз, на левом берегу Амура. Но все знали, что там богатая и разнообразная растительность, много лекарственных и ценных растений. А так как в деревне в ту пору было всего две моторные лодки с маломощными движками – всего по полторы силы, которые почему-то называли «аркашками», – то только их хозяева добирались до Халана, и то редко. Одним из владельцев моторки был Прокоп, сын Фомы, который работал на леспромхозовском катере и в деревне летом появлялся редко.

«Буду говорить, что Прокоп привёз корни трав с Халана», – настроил себя Фома.

Он по привычке отправился на обход села.

Когда часа через три вернулся к своей калитке, увидел около объявления молодаяк Любу Червову и Галю Забашту. Они бурно что-то обсуждали.

– Что за чепуху ты здесь написал, Миленький-родненький? – накинулась на него Галина. – Совсем ум растерял? Какая тебе трава для красоты? Это же сорняки, которые надо вырвать, чтобы огород был чистый и картошка хорошо росла! А ты разленился совсем!

– Э-э-э, ты не права, Галюша, а ты видела Анну Прудкину? Красавица! А почему? Косметические средства же у нас никакие не продаются, кроме вазелина, а на неё люблю-дорого смотреть! Да всё просто – она пользуется моей травкой!

– Я спрашивала Аню, – вмешалась Люба, – никакой она травкой с твоего огорода не пользуется. Всё это твои враки!

– Так она тебе всё и рассказала, – не отступал Фома. – Если она тебе поведаёт о моих травках, то и ты будешь красавица, и мужики тоже будут на тебя заглядываться. А ей это надо, чтобы две красавицы были в деревне? Да ни за что! Она костями ляжет против этого!

– Что ж ты её секрет выдал всей деревне?

– Миленькие-родненькие, да я всех вас люблю и хочу, чтобы вы все были писаными красавицами. Давайте я вас обниму и расцелую.

И Фома раскинул руки, чтобы обнять молодяшек.

– Иди, иди, чёрт старый! Ишь, молоденьких захотел! – замахали руками на Фому женщины. – А почему так дорого продаёшь? Билет в кино стоит двадцать копеек!

– Дык трава, считай, заморская, издалека привезена, с самого Халана!

Женщины переглянулись и пошли своей дорогой, что-то с жаром обсуждая между собой.

«Заглотили», – подумал Фома и пошёл отдыхать.

А женщины шли и переговаривались.

– Врёт он всё, – говорила Галя. – Надо же такое придумать! Травка для красоты!

– А может, и нет, – возразила ей Люба. – Ты посмотри на наши лица – не лица, а рожи красные. А у Аньки лицо беленькое, чистенькое, бровки дугой, одно загляденье!

– Да захотел он выпить, чёртов алкоголик, вот и вешает лапшу на уши, лишь бы на бутылку набрать, – горячилась Галя.

– А я думаю, надо у него купить охалку и попробовать!

– Ещё чего, Люба, купить! Да давай мы ночью залезем в огород и нарвём сколько нам надо, безо всякой покупки.

– Он же написал, что надо рвать рано утром и воровать нельзя, потому что охраняется лешим.

– Каким лешим?! Совсем сдурел старый! А утром так утром. Встанем пораньше и отоваримся.

На том и порешили.

На следующий день, очень рано утром, страдая от бессонницы, как и многие старики, Фома вышел во двор и слышал какую-то возню в конце своего огорода. Ещё только намечался рассвет, стояла серая предрассветная мгла, но он разглядел тёмные шевелящиеся тени. Фома надел заранее заготовленную, вывернутую длинным мехом наружу овчинную шубу, на голову – лохматую шапку и поскакал по огороду, завывая:

– И-и-ы-ы! И-и-ы-ы!

Тени с криком «А-а-а-а!» ломанулись через жердевой забор и скрылись в темноте улицы.

Фома, которому и самому стало страшно от изображённого им лешего, вернулся в дом.

Когда рассвело, он пошёл в конец огорода, где видел тени. Трава была вырвана на небольшом куске земли, на котором сразу стало видно ботву картошки. Около забора лежали две охалки травы. На одном из колов он заметил клочок материи. Он взял его и пробормотал:

– От Галиной юбки. Всё-таки пришли за травкой. Жалко девкам пятьдесят копеек за красоту. Но ничего – зато почистили картошку. Плохо, что мало, но сам виноват: спугнул рано!

Ближе к полудню Фома сложил охапки в одну, перевязал верёвкой, закинул ношу за спину и отправился к Галиному дому. Та во дворе разжигала летнюю печку, чтобы приготовить обед.

– Здравствуй, миленькая-родненькая!

– Чего припёрся? – вместо ответа спросила Галя.

– Да вот принёс твою травку, которую ты обронила.

– Ничего я не теряла, шёл бы ты, Фома, дальше!

– А это что? – спросил тот и показал клочок юбки.

Галя стушеввалась.

– Забери свою траву и иди, иди... – стала наступать Галя на него.

– Ты меня не гони, миленькая-родненькая, а послушай, какую я тебе полезную травку принёс. Вот, например, вероника седая: настой лечит и очищает кожу, можно и внутрь, как жаропонижающее. Или эта, коптис трёхлистный, – очень молодит кожу, а если внутрь, то можно лечить язву. А вот эта, чистотел, очень хороша для удаления всяких бородавок, но ядовита и надо пользоваться с большой осторожностью.

Фома увлёкся и стал раскладывать остальную траву по маленьким кучкам и рассказывать о каждой травке.

– Фома, а ты не сочинишь?

– Нет, миленькая-родненькая, не сочиняю. Вот тебе атлас «Лекарственные травы Дальнего Востока», посмотри и почитай.

Фома вытащил толстый атлас с картинками, который из краевого центра привёз ему сын Степан, где учился в музыкальном училище, так как в деревне слыл хорошим музыкантом-самоучкой.

Галя сравнила картинки с травой и почитала – всё верно, Фома не врал! Он сра-

зу вырос в её глазах. Она думала, что это обыкновенный забулдыга, сшибающий пятачки на пропой, и очень удивилась тому, с какой стороны раскрылся Фома.

– Давай, Фома Ильич, я всё подпишу, и запишу, какая трава от чего и для чего.

Когда они всё записали, Галя достала рубль и подала Фоме:

– За меня и Любу.

– Не надо, Галя, я тебе принёс от чистого сердца.

Но Галя не слушала и насильно затолкала рубль в карман рубашки.

– А леший – твоя выдумка?

– Нет. Прокоп привёз с Халана и поселил в сарай. Там он и живёт. Я его только по ночам выпускаю, – соврал Фома.

Галя верила и не верила, но выслушала с широко раскрытыми глазами.

А Фома отвернулся, хитро усмехнулся и пошёл к калитке.

– Спасибо, Фома Ильич! – прокричала она ему вслед, когда он вышел за калитку.

Вскоре слух о чудесных травах Миленького-родненького пополз по всей деревне, и к нему стали приходить деревенские бабы – сначала робко и поодиночке, а потом уже и небольшими группами. Фома охотно и с тёплыми прибаутками их встречал. Каждой определял участок для сбора травы. Деньги тоже охотно брал, но с каждой по-разному: с кого десять копеек, с кого двадцать, с кого пятьдесят, в зависимости от размера пучка травы. Через неделю огород был вычищен от травы, и оказалось, что в нём посажена и картошка, и капуста, и свёкла, и морковка, и даже укроп.

Фома от такого счастья был на седьмом небе.

«Спасибо Николаю, – рассуждал он, – надоумил меня своей дурацкой шуткой. Теперь и огород чистый, и на “Агдам” есть. И неведомо бабам, что у них в огороде тоже такая травка растёт. Только её выпалывают, когда она ещё крохотная, и не определишь, что за трава. И вовремя я

придумал с лешим, а то бы ночью траву воровали и весь огород вытоптали», – радовался Фома.

Но радость была недолгой. Однажды около объявления появился местный активист Кузьма Кузюпкин. Он уже слышал про волшебную травку, но решил сам всё проверить.

Прочитав написанное, Кузюпкин возмутился: «Ишь ты, как ловко придумал Миленький-родненький, прикидывается немощным, а сам развёл в огороде черт-те что и торгует. Зачем ему картошка? Ну ничего, выведем на чистую воду спекулянта махрового!»

Он решительно направился во двор к Фоме. У Кузюпкина образование было, как говорили тогда, «четыре класса и четыре коридора», но командовать ему хотелось. Всегда выступал с критикой на всевозможных собраниях, в чём сильно преуспел, и за что его поставили во главе «Группы общественного контроля за сохранением социалистической собственности». Кузюпкин был рад этому и с утроенной резвостью стал выполнять общественное поручение. Он нещадно гонял тех, кто привозил ко своему двору хоть одно брёвнышко на дрова с Амура, берега которого были сплошь завалены брошенным лесом от разбитых штором и течением плотов при их сплаве. Лес постепенно гнил, но взять его для каких-либо нужд – ни-ни.

Фома встретил Кузьму настороженно. Знал, что тот всегда приходит с какой-нибудь пакостью, и не ошибся.

– Значит, торгуешь, Фома? – вместо приветствия спросил Кузюпкин.

– Так излишек образовался, Кузьма.

– А разрешение на торговлю есть?

– Это же моё добро.

– Как твоё? Это народное добро! Твоего здесь ничего нет! Всё это народное – и лес, и огород, и дома, и Амур, и ты даже! А ты разбазариваешь народное добро. Да ещё и наживаешься на нём по спекулятивным ценам!

– Эко хватил, и я даже народное добро!

– А ты как думал? Ты где живёшь? В Америке, что ли?

– Но я же не добро, а живой человек!

– Ты есть живой потенциал нашей страны, а значит, живое добро, – вернул заковыристое слово Кузюпкин, чем вверх Фому в невероятный ступор.

Тот широко раскрыл рот, чтобы что-то возразить, но не находил что. А Кузьма, довольный произведённым эффектом, решил окончательно добить Фому:

– Вызовем тебя на товарищеский суд. Он решит, где ты будешь торговать – здесь или в Магадане.

Не дожидаясь ответа, Кузюпкин ушёл, оставив Фому в полной растерянности.

Заседание товарищеского суда назначили на ближайшее воскресенье. Дело это для леспромхозовского посёлка было новое, поэтому народу в клубе набилось много – полюбопытствовать, что это за штукавина, товарищеский суд.

Председателем суда был Владимир Хомкун, молотобоец в кузнице. Володя был невероятно сильный, потому что целый день махал кувалдой. Хотя в деревенских драках не участвовал, за силу все его уважали. Он вступил в ряды партии, куда его охотно приняли за его прилежное бытовое и производственное поведение и за незлобивый характер. За это же поставили председателем товарищеского суда, рассудив, что такой человек не накажет человека зря.

– Товарищи, сегодня мы должны принять решение о проступке Фомы Ильича Маслёнкина.

– А что за проступок? – донеслось из зала.

– Вот сейчас и узнаете. Давай, Кузьма Савельевич, объясни людям.

Кузьма приосанился, прошёлся ладонями по своим чёрным усам, вышел к столу председателя и начал:

– Товарищи! Когда весь мир следит и переживает за борцов Анголы против своих поработителей!.. Когда весь мир следит за гражданской войной во Вьетнаме!..

– В Камбодже и Лаосе, – донеслось из зала.

– Вот, правильно, товарищи! Когда весь мир сопереживает борцам за свободу и справедливость, находятся такие люди, как Фома, которые ради своих шкурных интересов ничего не видят и ничего не знают, а только чтобы иметь больше барышей в своих карманах, распродают государственное добро налево и направо.

– А что он распродаёт? – опять кто-то выкрикнул из зала.

– Траву из огорода, товарищи!

В зале раздался смех.

– Нет, не смейтесь товарищи! Это не просто трава, а трава с урочища Халан, славящегося своими неповторимыми лечебными травами.

– Ну и пусть продаёт – делает полезное дело для людей, – опять послышался голос из зала.

– Да нет, товарищи, это близорукая политика, – возразил Кузюпкин. – Если бы он сушил эти травы и отправлял Международному Красному Кресту для пересылки её в Анголу, для лечения борцов за свободу, тогда это было бы другое дело.

– В Камбоджу и Лаос! – опять послышался выкрик.

– Да-да, правильно, в Камбоджу и Лаос тоже! – повторил Кузьма.

– А зачем ты продавал её, Фома? – спросил кто-то.

– А чтобы женщины делали из неё ванны и примочки, тогда они будут очень красивыми, – произнёс Фома.

– Вот видите, товарищи, какая близорукость: ванны и примочки, чтобы женщины стали красивыми! А зачем нам красивые женщины, когда в мире идёт такая жестокая борьба?!

После этих слов Кузюпкина женщины возмутились и в зале поднялся невообразимый шум.

– Позор, Кузьма, какой позор! Ты не хочешь, чтобы мы были красивыми?! – кричали одни.

– Живи со своей чувырлой! – кричали другие.

– Тише, тише, товарищи! – начал успокаивать собравшихся председатель.

Когда шум понемногу стих, Фома неожиданно произнёс:

– У меня сын в городе станет как Ойстрах, будете передо мной извиняться!

Лучше бы этого он не говорил! Кузьма наклонился к Володе-председателю и тихо спросил:

– Кто такой Ойстрах?

Тот вопросительно посмотрел на председателя рабочкома, своего помощника. Но он только пожал плечами и сказал:

– Бандит какой-нибудь в авторитете.

– Видите, видите! – взвинтился Кузюпкин. – Спекулянт каким-то бандитом нас пугает! Ой, страх-то какой! Да разве можно запугать рабочий класс, который Гитлеру сломал хребет и белых шкурников побросал в море! А тут какой-то Ойстрах! Боялись мы его!

– Это скрипач знаменитый, – тихо попытался вразумить Кузьму Фома.

Но тот не слушал, а всё яростней и яростней напал на Миленького-родненького.

Припомнил ему все старые грехи, какие были и каких не было. На Фому было жалко смотреть, и он смиренно ждал своей участи.

И тут кто-то выкрикнул:

– Да не он это объявление писал, а Коля Прудкин.

– Так у него был ещё и сообщник? Стовор, значит, по расхищению государственной собственности! – вскричал Кузьма. – А может, у них были и другие сообщники? Прудкина сюда давай!

Председатель суда послал за Прудкиным, которого нашли неподалёку от клуба.

– Ты сколько получал от распродажи госсобственности? – в лоб спросил Кузюпкин, как только Прудкин появился в зале.

Тот ничего не понимал, а только хлопал глазами.

А когда отошёл, спросил:

– Какой госсобственности? От кого получал? И что получал?

– Ишь, как притворяется! «Какой госсобственности?» – передразнил его Кузьма. –

От продажи лекарственных трав, которые продавал Фома, вместо того чтобы сдавать государству.

– Я ничего не получал, – наконец сообразил, в чём дело, Прудкин.

– Объявление ты писал?

– Ну, я.

– Зачем?

– Подшутить хотел. У него весь огород травой зарос так, что картошки не видно.

– Врёт он всё! На лесоповал его! – закричал кто-то из зала, видимо, тоже обиженный его шутками.

– А он и так на лесоповале, – наконец произнёс председатель суда. – Товарищи, всё ясно, давайте заканчивать, вынесем вердикт суда после небольшого совещания.

Председатель и два его помощника удалились в боковую комнатку. Минут через десять они появились, и председатель зачитал постановление товарищеского суда:

«Учитывая общественную опасность от деяний граждан Маслénкина Фомы Ильича и Прудкина Николая Харитоновича, товарищеский суд вынес решение: Прудкина Н. Х. направить в конюшню работать конюхом сроком на один месяц, Маслénкину Ф. И., как пенсионеру, поставить на вид».

Когда расходились, Миленький-родненький обратился к Кузюпкину:

– Кузьма, «поставить на вид» – что это значит?

– Поставят тебя, Фома, на видное место, и будешь ты стоять на виду у всей деревни целыми днями, – отвечивал тот. – Но жаль, что не в Магадане.

– Ну и кровожадный же ты, Кузюпкин.

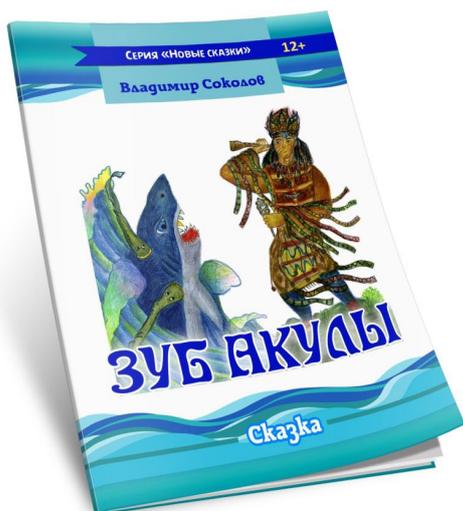
Страница автора

www.proza.ru/avtor/volodenka

Рекомендуем книги автора

Зуб акулы

Сказка

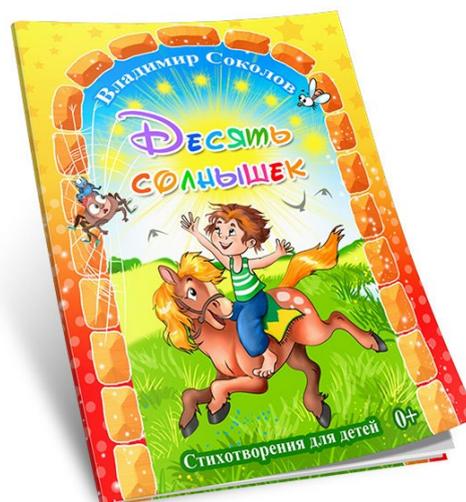
Купить книгу

knigi-market.ru/zub-akuly-vladimir-sokolov

Десять солнышек

Стихи для детей

Купить книгу

knigi-market.ru/desyat-solnyshek

Россошь, Воронежская обл.

Сладкий переполох

Утро было на редкость прохладным для июля. Видимо, потому, что ночью прошёл ливень. Но следов его уже нигде не наблюдалось. Оставалась только толика прохлады, которая уже к полдню испарится.

Солнце застенчиво заглядывало во французское окно ещё закрытого кафе. Первыми пришли официанты, они всегда появлялись раньше остального персонала и начинали расставлять пирожные и чашки на прилавок. Эклер открыл глаза и тут же чихнул.

– Апчхи, – звучно вырвалось у него.

Официант и ухом не повёл. Выставил после него шоколадное пирожное, песочное печенье и корзиночку с кремом. После этого закрыл коробку и с равнодушным видом пошёл к другим коллегам в подсобку – накачиваться утренним кофеем и трепаться о вчерашнем вечере.

– И это вместо приветствия? – возмутилось шоколадное пирожное.

– Ну уж простите, товарищ уже давно не махал тут тряпкой. И пыль клубится туманом, – пробурчал в ответ эклер.

– Да уж, – проскрежетало песочное печенье. – Совсем от рук отбились.

– А чего вы хотели? Посмотрите, в залемышь повесилась. Хорошо, если хоть один кто-то зайдёт и сделает заказ, – шоколадное пирожное продолжало возмущаться.

– А ты что, хочешь много посетителей? Тогда первым и попадёшь им на де-

сертную тарелку. И под горячий кофеёк там-тарам – и тебя уже нет с нами, – с характерным скрежетом застрашало соседа песочное печенье.

– Ну, чуть больше посетителей не помешало бы, – вклинился в разговор эклер. – Может, товарищ тогда и тряпкой бы интенсивнее здесь махал. – Он не удержался и опять чихнул: – Апчхи.

– А по-моему, пыль здесь ни при чём, – ехидно заметило шоколадное пирожное.

– А что при чём? – тут же насупился эклер.

– Опять собачитесь, – скрежетнуло песочное печенье.

Тут дверь кафе открылась, и в помещение вошла компания молодых людей. Ребята остановились перед витриной пирожных и стали обсуждать, что купить. Собеседники напряглись. Но компания решила обойтись холодным соком. Получив заказ, расположилась недалеко от витрины.

– Вот тебе и посетители. Чего ты к ним не рвёшься? – скрежетало песочное печенье, обращаясь к пирожному.

Последнее только фыркнуло:

– Не солидные они какие-то. Не мой уровень.

Бедный эклер от такого заявления аж поперхнулся.

– А кто твоего уровня? – решил он уточнить.

– Ну-у-у... они должны быть посолиднее, – протянуло пирожное и закатило глаза.

– Уф, – только и сказало песочное печенье.

– Да уж, – поддержал его эклер.

Дверь вновь открылась, пропустив очередных посетителей. На этот раз это была пожилая пара. Старики тоже немного поводили взглядом по витринам и заказали себе лёгкий салат и освежающие напитки.

– Вот тебе и «солидные» пришли, – усмехнулся эклер.

– Тоже мне сказал, «солидные», – опять фыркнуло пирожное. – Уровень этих посетителей – песочное печенье.

– Попрошу без оскорблений, – скрежещуще возмутилось печенье. – Чем тебе мой уровень не нравится?

– Хочешь потягаться со мной? – усмехнулось шоколадное пирожное.

– Хочу! – бросило вызов печенье.

– А вот и не подерётесь, – хмыкнул эклер, находившийся между ними.

– Как это ты здесь оказался? – удивилось пирожное, в разгаре спора не заметившее, как приходил «товарищ» и опять их перетасовал. Эклер только закатил глаза от такой невнимательности.

За разговорами время пролетело незаметно, и наступил полдень. Кафе наполнилось посетителями, обитатели витрины

присмирели и внимательно рассматривали людей.

– Ну что, выдохлись? – зевая, обратилась к остальным корзинка с кремом, которую до сих пор не было слышно.

– Что-то их много сегодня, – дрожащим голосом сказала шоколадное пирожное.

– Нам-то что, – опять зевнула корзинка.

– Да-а-а... – протянуло пирожное. – Раз – и всё, – сделав огромные глаза, прошептало оно.

– Да кому мы нужны, – хмыкнула корзинка. – Мы же муляжи. Выставочный материал. Каждый день одно и то же. И не надоело вам... – бурчала она, пока вновь не задремала.

Страница автора
vk.com/id49575264

Светлана Карипова

**Кунашак,
Челябинская обл.**

В гости

Пригласила в гости блошка
С детворой сороконожку.
Затопила утром печку,
За водой прыжком на речку.
Замесила тесто быстро.
Дом помыла чисто-чисто.
Блюдца все на стол и кружки.
С пылу с жару ждут ватрушки!
Ждать присела у окошка
С детворой сороконожку...
Вдаль глядит хозяйка-блошка:
По тропинке, по дорожке –
Вся семья сороконожки.
В ярко-красных босоножках.
Десять девочек – все дочки!
Мамой вышиты платочки.
С полчаса снимали с ножек –
С каждой ножки – босоножку...
Посчитала по порядку,
Каждой причесала прядку.
Перед тем, как усадить,
Лапки помогла помыть.
И на лавке с краешку.
Угощала шанежкой.
А потом ещё ватрушкой.
Наливала чаю в кружки.
Пересуды, кривотолки,
Тараторят без умолку.

Мама, дочки и хозяйка:
О погоде, о подарках,
О соседках, зимнем сне,
О коре и о весне...
Так до вечера судили,
Так до вечера рядили...
Второпях засобирались,
В полночь, наконец, собрались...
Долго вспоминала блошка
С детворой сороконожку!

У тигрёнка у Кирюши
Заболели сильно уши!
Лапкой ушко прикрывает,
Даже кушать забывает.
«Ай-ай-яй!» – нам нужен врач!
Слушать больно этот плач!
Поскорее приходите
И тигрёнку помогите!
Чтоб тигрёнок наш не хныкал,
Чтоб Кирюша наш играл,
Чтобы нос в ладошки тыкал,
Чтобы хвост свой догонял.
Чтоб скорей в стихотворенье
Появилось настроенье!

Всем хочется малышам
Открыть скорее книжки.
И, заглянув в странички,
Их шумно полистать.
И грузовик, что с кошкой
(Он спрятан под обложкой),
Хочется погладить,
А может, покусать.
Нравятся малышам
Маленькие книжки:
Яркие, с картинками,
С белыми пружинками.
От дяди Самуила,
От дедушки Чукоши.
Читать про крокодила,
Что лопает галоши.
И глядя на малышей,
Грустить я не берусь,
Ведь хочется все книжки
Попробовать на вкус!

Наталья Шаропова

Анапа

Табурет

Я к деду в гости забежал
И сел на табуретку,
С утра меня он поджидал,
Купил халву, конфетки.

Но табурет вдруг заскрипел,
И я свалился на пол,
Дед как-то странно посмотрел,
А я – чуть не заплакал.

Дощечки дедушка сложил
И прочь пошёл вразвалку,
Вздыхнув: «Ты долго мне служил,
Пора тебе на свалку».

А я у дедушки спросил:
«Как табурет тебе служил?
Он не солдат, не часовой,
И нужен – лишь сидеть порой».

Дед улыбнулся мне в ответ:
«А вот, дружок, послушай,
Хотя мне было мало лет,
Я помню этот случай.

Однажды в дом принёс отец
Из дуба заготовки
И, поделив ржаной хлебец,
Спросил меня: “Ты ловкий?”

Помощник в деле нужен мне,
Неси ножовку, детка!”
С ним целый вечер при свече
Пилили брус по метке.

Трудились мы немало дней,
И скоро в комнате моей,
Поверишь, братец, или нет,
Стоял чудесный табурет!

На нём сидел я за столом,
Читал стихи у ёлки,
Он помогал мне строить дом,
На стену вешать полки.

Всю жизнь он рядом был со мной.
Однажды лютою зимой
Его не дал я в печке сжечь,
В голодный год сумел сберечь...

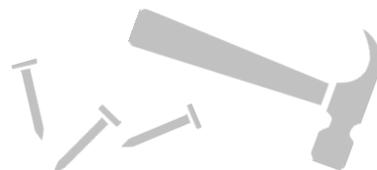
Служил он честно мне, дружок, –
Недаром был дубовый.
Да только, видно, вышел срок,
Пора менять на новый.

Вот так, – рассказ он завершил. –
Остались лишь дощечки...»
Мне к горлу ком вдруг подступил,
И ёкнуло сердечко.

Жаль было дедушку до слёз,
Он шёл неторопливо,
И тут подумал я всерьёз:
Как жизнь несправедлива!

Взять молоток я поспешил,
Отвёртку и рулетку,
Я сделать новую решил
Для деда табуретку!

Мечтая, чтобы табурет
Не хуже получился
И прослужил немало лет,
И дедушка гордился!

Книжные бестселлеры

Владимир Толубев

СКАЗЫ Матушки Оки

СКАЗКИ И СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

12+

ААУ Грант «Новые имена»

Союз писателей России

12+ www.knigi-market.ru

Детектив – это не профессия, а образ жизни...

Юлия Фаро

Детектив, мистика, остросюжетный любовный роман

ВЕРТЕЛ санаторного типа

16+

ПЕТРИВИАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО СЫСКА

детектив, мистика, остросюжетный любовный роман

16+

16+ www.knigi-market.ru

Союз писателей России

МАРИНА СЛИВКО

Нереальность

Союз писателей России

МАРИНА СЛИВКО

реальность

БЕСТСЕЛЛЕР

Фантастика, фэнтези и просто нереальные рассказы

18+

18+ ФАНТАСТИКА, ФЭНТЕЗИ и ПРОСТО НЕРЕАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

ИЛЬЯ БАХМУТСКИЙ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ДОРОГ

18+

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ДОРОГ

18+

Союз писателей России

Заявка на участие в журнале «Союз писателей»

Наши услуги

Проект ведётся по принципу самофинансирования, участие подразумевает оплату за занимаемый объём из расчёта 300 руб. / страница прозы; 500 руб. / страница поэзии.

Максимальный возможный объём публикации в одном выпуске — 10 страниц. Возможна публикация больших произведений с продолжением в следующих номерах.

Биографии авторов в журнале не публикуются.

Оплата заказанных экземпляров только предварительная. Стоимость 1 экз. — 300 рублей + почтовые расходы. Приём работ — по графику.

Заполните анкету, вырежьте страницу и отправьте по почте: 654079, г. Новокузнецк, Кемеровская область, а/я 170. Издательство «Союз писателей».

Ф. И. О. (и псевдоним автора):

Полный почтовый адрес:

Номер телефона:

Кол-во экземпляров журнала:

Кол-во предполагаемых страниц для участия:

Удобный способ оплаты (подчеркнуть нужное):

На расчётный счёт / VISA / Электронные деньги
(Яндекс.Касса) / Почтовый перевод

Ваш координатор:

Подавая заявку в журнал, я соглашаюсь с условиями публикации.

Дата _____

Подпись _____

Полный цикл издательских работ:

- профессиональная вёрстка;
- корректорская и редакторская правка текстов;
- индивидуальное художественное оформление;
- присвоение ISBN и библиотечных кодов;
- изготовление книг на собственном оборудовании;
- издание электронных книг в различных форматах.

Продвижение и помощь в реализации:

- написание рецензий, отзывов, статей;
- информационная поддержка в периодических изданиях;
- возможность размещения на интернет-ресурсах издательства и партнёров;
- реализация в розничных книжных магазинах.

Программы Литературного агентства «Новые имена»:

- «Новые имена современной литературы»
- «Персональный литагент для поэтов»

Кроме того:

- сезонные и индивидуальные скидки;
- VIP-клуб литераторов;
- создание мультфильмов по вашим произведениям;
- конкурсы.

И ещё...

Издательство «Союз писателей» с радостью примет и опубликует на своих площадках ваши:

- отзывы о журнале и книгах;
- рецензии на книги или материалы журнала;
- фото с книжной продукцией издательства;
- новости о мероприятиях и достижениях.

Если у вас есть чем с нами поделиться — присылайте письма на электронный или почтовый адрес редакции.

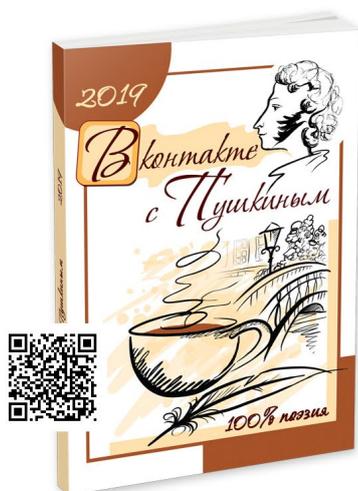

На полках наших магазинов
«Планета книг» и «#Книга»
более 1000 изданий.

planeta-knig.ru | knigi-market.ru

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

Журнал в социальных сетях

